

Николай Болдырев
Третий путь Андрея Таврова

или

Алтарь ни на чем

(Переписка из двух углов)

Мне посчастливилось состоять в дружеской переписке с Андреем Тавровым (1948 - 2023) в последние десять лет его жизни. Думаю, это заочное общение было плодотворным для обоих. Прежде всего из-за скрытой обоюдо-внутренней полемичности, изредка прорывавшейся наружу. Для меня Андрей Михайлович был не просто редкого таланта поэтом и романистом со своей оригинальной эстетикой, но личностью, всерьез пытавшейся обрести в литературе бытийное основание и высший смысл, от чего давно уже все отступились, приняв словесность в качестве изящной игры и способа едва ли не гедонистического самоутверждения. Я написал о его стихах три размышления, опубликованные в трех разных журналах. Он же много раз высказывался обо мне в интервью, в своих блогах и на страничке живого журнала, в буквальном смысле разясняя причину, по которой он внимательно следит за моими книгами, которые ни в каком смысле не находятся в "мейнстриме" и даже нарочито (так он считал) обходятся критиками стороной. На эту причину придется указать, чтобы была понятна смысловая нагрузка переписки и "разделение наших в ней ролей". Вот один из его постов в ЖЖ "Русского Гулливера": «Среди нас живут люди-прорывы, дающие разрыву между нашим актуальным и востребованным, затверженным мышлением, удобным, но далеким от реальности – связь со светоносной и смысловой бездной мира через собственный, а не заемный опыт. Меня сначала удивляло насколько же они незамечаемы, нарочито незамечаемы. Теперь ответ вполне ясен – они неудобны для эгоцентрической модели мира, для эгоцентрического сознания. В них словно есть что-то неудобное, сомнительное, ранящее. От них хочется держаться подальше. Так работают вековые симптомы бегства от реальности.

Среди таких людей – Григорий Померанц, Зинаида Миркина, Александр Мень, Борис Орион, Тик Нат Хан и Николай Болдырев. Собственно, они дают нам возможность обрести не новый стиль, не славу, не деньги, а – самих себя. Вот это-то и отталкивает нас от них. Мы не хотим себя. Мы хотим и дальше оставаться той чушью, которую про себя даже не придумали, а взяли напрокат кто где – из книг, из школы, семьи, словом из "больших цитат".

Общение с их книгами может ранить или вызвать мнимое чувство превосходства – эти ограждающие от прорыва к себе "игры разума", цель которых утвердить нас в иллюзии достоверности себя, которая зиждется на огромном накате совместного эгоцентрического мышления, накрывшего современную культуру и антикультуру. (Здесь я сделаю маленькую паузу и скажу важную вещь: Андрею был нужен и даже дорог этот ориентир именно потому, что он сам был словно бы меж двух огней, двух влечений, и "игры разума" в виде интеллектуалистических усложнений поэтики "метаметафоры" имели над ним власть, власть чары. В этом смысле я был не вполне "свой" для А.М., равно и он был для меня фигурой двойственной. Именно на эту тему мы "схлестнулись" с ним

как-то на страницах журнала "Флаги" в третьем номере за 2020-й год. Прочитую кое-что из того нашего спора).

[«В начале этого важного диалога Андреем Тавровым была высказана мысль "о простоте и понятности", звучащая так: "Если стихотворение полностью понятно, то оно состоит из слов. Если непонятно или понятно не до конца – то из слов плюс из жизни как сверхсловесного". На одно из возражений читательницы, сославшейся на стихотворения «На холмах Грузии...» или «Я вас любил...», которые вполне могут считаться понятными (что не мешает им быть великими), Андрей Михайлович ответил: «Эти стихотворения состоят не только из слов, а еще из присутствия неартикулируемой ауры. Она-то и непонятна, хоть радостно узнаваема». Здесь-то в диалог вмешался Андрей Северский (Н.Ф. Болдырев), который написал: «Это уж, Андрей Михайлович, никак нет: аура-то у Пушкина как раз и понятна, ибо сердце ее понимает и принимает подобно всякому встречаемому простоудию и прозрачности. Вообще же подавляющее число прекраснейших стихотворений на земле семантически прозрачны. И Басё, и весь наш золотой век, и Гёте; без счету. Противопоставление "понятны - непонятны" лукаво и бессмысленно, ибо для кого, кому понятны? Дебилу или мудрецу, человеку с опытом души или без опыта? Ну и т.д., и т.д.» Такова завязка журнального диалога.

Андрей Северский: Влечение к "непонятности", "смутности" поэзии принес декаданс начала двадцатого века, когда свершилась катастрофа (думаю, по всей ойкумене) резкой потери интереса к содержанию мира (к душе человека, к Богу в ней) во имя бурного интереса к его форме и к формам. Это была, на мой взгляд, воистину космологическая катастрофа, длящаяся по сей день и зашедшая в фазу топи. Почему катастрофа? Потому что индивид вдруг стянул всё внимание к себе, к своей "креативности": мол, а я вот *так* еще могу! Пошла-поехала самодемонстрация "талантливости" пишущего: мир вступил в фазу неприкрытого нарциссизма. Наш великий Розанов заметил начало этого процесса субъективизации, "креативного сладострастия" еще на примере Гоголя, у которого часто откровенно довлеет форма, прием, а содержание является как бы "жертвой" этой вполне актерской, самодостаточной игры. Содержание как бы подтаскивается к демонстрации формального приема. Далее это (в прозе) пошло к Андрею Белому и Михаилу Булгакову.

Но сейчас, Андрей, немного о другом. Вы настолько поэт, что находитесь внутри своего, уже мощно ословесненного, насквозь метафорического образа мира; я же плыву словно бы снаружи словесно структурированного, скрепленного тысячами ментально-звуковых эманаций потока поэзии. То есть мы говорим как бы из разных точек обзора. Поэтому искусственно сводить к единству наши мнения едва ли плодотворно. Когда хочешь понять нечто достаточно смутное, непроизвольно "сгущаешь краски", разве не так? Так что, порой "сгущая краски" (в чем мне иногда пеняют), я всего лишь помогаю моему созерцанию смутного целого. Но разве поэты не "сгущают", разве не в этом часть их труда?

Итак, берусь (с позиции "сгущения красок") предположить, что это филологи (филолог в каждом из нас) убили Божий мир, поэты в том числе. Вообще говоря, если не "я" убил Божий мир (Бог и есть единственное подлинное содержание мира), то тогда виновен кто-то, какой-то чужой дядя, а я совсем непричастен к убийству божественного субстрата мира; но разве так бывает: чтоб полная непричастность? Если у директора завода или у актера нет чувства, что это он убил сакральную начинку мира, то разве он прав? Правота Целана в том, что он хотел, мечтал, чтобы все люди, каждый по

отдельности, признали свою вину в "растлении мира", чтобы все до одного покаяться и изменились до корня, изменились в одно мгновение). Почему именно филологи, литераторы (в широком смысле), поэты, люди культуры виновны более других? Помечу снова очень грубо, графически-резко: едва что-то названо, как оно уже умирает. Называние само по себе есть (в мистическом смысле) цинизм. Поэтесса, вовлекающая в одежды стихов свои самые-самые тонкие ощущения и ментальные шорохи, вовсе их не прикрывает от чужих, праздно любопытствующих взглядов (как следовало, если бы она просто полноценно "жила перед Богом"), а обнажает, придает им пряности и товарного лоска; она становится (разумеется, не задумываясь ни о чем) циничным торгашом, убив нечто принадлежащее не ей, разорвав тонкие целомудренные нити (более всего она, пожалуй, неосознанно борется со своим стихийным целомудрием, рвет его на части). Так вот примерно и пал весь наш мир, бывший когда-то островками частных, замкнутых мидгартов, открытых только Неизрекаемому. "Мне близко то, чему не дали имя..." – как писал великий поэт.

Причина нашей цивилизационной Ямы вполне проста: люди в яростном натиске назвали всё – и тем всё обрушили, вынув из него жизненную силу. Мир захлебнулся в словах, то есть "в цинизме без берегов". Слово несет в себе скрытый цинизм, отчуждение, иронию, комментарий, предательство, продажу. Бытие не подлежит комментарию чистого человека. Покусившийся на это возомнил о себе. Чистый человек не комментирует, а *воспринимает*, то есть отдает человеку или вещи полноту своего внимания, что и есть, как мы знаем, любовь. Одна моя знакомая, хорошо чувствующая поэзию, сказала мне как-то: замужняя женщина и тем более имеющая детей не может быть (настоящим) поэтом. Она должна быть одиночкой как Дикинсон. Если же она все же попытается осуществиться как поэт, то станет монстром для мужа и для детей. Примеров, говорит, сколько угодно. Да и стихи такой женщины не будут истинными, в них будет искаженность. Она неизбежно сломает образ мира тем или иным способом. Любовь, отданная мужу и детям, уже вошла в бытие. Второй, параллельной любви к бытию быть не может. Или – или.

На мой взгляд, поэт нового времени (начиная с серебряного нашего века) словно бы уже не может любить. (Мы живем в эпоху сплошного нарциссизма, в его апогее). Как человек он, может быть, и хотел бы любить, но поэзия, сориентированная на артистическую самодемонстрацию "владения формой", его удушает. Поэтому, Андрей, когда вы говорите о любви в контексте современного поэтического действия, то у меня, извините, невольная улыбка недоумения. Возьмем известнейшие стихи: «Любимая – жуть! Когда любит поэт,/ Влюбляется бог неприкаянный./ И хаос опять выползает на свет,/ Как во времена ископаемых./.....И таянье Андов волеет в поцелуй...» И т.д. Что это? Выражение любви? Ни в одном атоме. Это шикарный словесный дивертисмент, где ни слова спроста, где изысканность и редкость метафор высчитана. Стихотворение это есть выражение пылкой любви поэта к самому себе. Он славит себя. Это неосознанный нарциссизм и самореклама. И в этом смысле стихи эти отвратительны. Равно как все так называемые любовные стихи Маяковского. Вследствие все того же синдрома нарциссизма отвратительно огромное количество красивых стихов 20 и 21 века. Да, они часто виртуозны и утонченны, но переутонченные духи воняют. Так же обстоит дело с утонченным интеллектуализмом и лексико-стилистической рафинированностью. Всё это финальные стадии нарциссизма. Далее – головой в омут, чтобы "обнять себя любимого".

У меня в ранних стихах была строчка: "назвавший – предал". Не отрекаюсь от этого наблюдения и сегодня. Всё назвать – значит всё предать. Называть что-то следовало бы очень осторожно и крайне редко. Самое дорогое называть не следует. Выраженная, высказанная любовь начинает умирать. Любимое надо беречь в своем "внутреннем космосе" именно в качестве неназываемого, то есть почти истинно реального. Это и есть то "несказанное", о котором писал Рильке как о всеполноте, о плероме. Названное перестает быть реальным, как выхваченная из океана рыба, нам еще неизвестная. Там она была реальностью, здесь она будет оприходована и, значит, убита, прицеплена к убогим человеческим понятиям. Нам нынешним сложно допустить существование того реального, что не уловлено словами, но что тем не менее существовало бы для нас в качестве присутствующего, доступного *невербальным* способам общения. Сложно допустить, поскольку мы создали чудовищный перегиб, и наше внимание *к невербальной вселенной* крайне мало и поверхностно. Скажем, даже древние мифы мы трактуем через словесно-понятийную ткань, а ведь они жили в совсем ином, внесловесном хронотопе, сущность которого от нас совершенно закрыта. Трудно ли догадаться, почему мы потеряли контакт с богами...

Да, моя концепция прямо обратна традиционно панфилологической, по которой слово творит: мол, Адам называл вещь, и она начинала бытийствовать. Далее, концепция сакральных букв, фонем, алфавита и т.д. Всё это красиво и весьма льстит современному человечеству, где каждый бездарный политик "созидает миры", а всякий начитавшийся словарей мнит себя демиургом. Но опыт, который мы внимательно обретаем (медленно и скрупулезно) говорит о том, что именно претенциозность *человека говорящего*, ораторствующего (Ленин часто подписывался: литератор) и уничтожила весь сакральный гумус жизни. Генон здесь прав. Правы и великие мифологи, заметившие, что человечество инволюционировало от живого мифопоэтического стиля мышления к логосному, где логос: понятийно-абстрактное мышление, которое и привело нас к катастрофе солипсизма. "Поэзия закончилась" не потому, что в 1970 году Целан прыгнул в Сену (конец поэзии по Владимиру Мартынову), а потому, что цинизм ословеснивания всего и вся, цинизм выворачивания наизнанку (словесные игры) всего и вся дошел до тех пределов, где, с одной стороны, всё красиво говоримое – нескрываемо отвратительно (ибо продажно), а с другой стороны, скромно намекающее на уникально случающееся – по существу никому не нужно. Красноречие в нынешнем насквозь, увы, лживом мире (в мире антиутопии) отвратительно по многим параметрам. Попытки снять глянец с "филологической начинки" современного тонущего корабля пока еще никому не удалось. А если такая попытка и удалась, о ней никто не узнает. Ведь сегодня если ты не дерешь горло, тебя не услышат. А если тебя услышат, значит ты уже дерешь горло...»

На это **Андрей Михайлович** отвечал вначале в уклончивой манере: « Дорогой Николай Федорович, говоря, что мы находимся на разных «точках обзора» стихов и мира, Вы упускаете, как мне кажется, одно обстоятельство, весьма важное: во-первых, Вы сами пишете стихи, во-вторых, я практикую медитацию, в которой мысли и слова исчезают, и поэтому нам с Вами известны обе точки обзора – как внутри-стихотворная, так и вне-словесная...» Но постепенно вышел на глубину: «... Итак, слово искажает, и все же – не до конца. Давайте предположим, что где-то, в некотором райском мире, слова не искажают или искажают по минимуму. Ведь если бы язык возник с функцией искажения мира, то вряд ли были бы возможны Пушкин, Шекспир, Библия, Махабхарата, Элиот, Целан.

Значит, в нем сокрыт момент правды. Откуда же ему, присутствию правды, взяться в слове, в имени? Ибо язык, по мнению многих богословов и лингвистов, начался с имен. Вы вспоминаете стихи Библии и их интерпретацию у философов и богословов: «где, мол, Адам называл вещь, и она начинала бытийствовать». Но есть и другая версия интерпретации этих стихов, принадлежащая Сергею Булгакову.

Он говорит, что прежде чем назвать то или иное животное, Адам вслушивался в самую глубину существования этого животного и постигал ту его сущность, которая могла быть содержанием некоторой звуковой оболочки, относящейся к содержанию примерно, как перчатка хирурга – к его руке, и даже более того: *не было ни формы, ни содержания, а была суть животного при помощи «называния», звука, перекочевавшая из области сокровенно-закрытой, в область сокровенно-открытую* – первое имя, первое слово, назвавшее (услышавшее) суть того или иного зверя.

Далее Булгаков пишет, что слово – жилец двух миров: трансцендентального, вневременного, нематериального, истинного, и мира «внешнего», материального, твердого, и я добавлю, социализированного.

Т.е. слово – это мост между сущностью вещи и ее бытованием в качестве «объекта» в мире «твердых вещей», в том мире, который принято называть повседневным или бытовым. Но в любой бытовой вещи возможен светоносный исток точно так же, как и в имени, эту вещь называющем.

И для того чтобы приблизиться к сути вещи через слово, нужно погрузиться в слово, в имя, в котором спрятана информация о вещи. На лету ее не прочтешь. Ибо есть область, где вещь и слово – одно. Поэт, интуитивно или сознательно действующий подобным образом, не лжет, но называет, не искажая. Но чтобы отразить глубиннейшее, имени недостаточно. Мысль изреченная все-таки в нашем мире несет в себе некоторую степень искажения, внутреннюю заблокированность света первоисточника. Но тут-то и нужна как раз поэзия с ее жестом, музыкой, интонацией – вещами несловесными, способными выразить то, что не может выразить и назвать слово. Поэзия, с ее распевом, рифмой, музыкой, способна сказать о том, о чем слову терминологическому, слову-вербуму, сказать невозможно. Ведь все мы знаем ситуации, когда интонация богаче сказанного или даже противоречит сказанному. Такая интонация – достояние поэзии, и она способна в сочетании со словом указать на неизрекаемое, на сакральное. Слово, работающее как плоть, пронизанная музыкой, интонацией, жизнью и страданием, Мандельштам называл «греческим» словом – логосом. И оно, кружась вокруг неназываемого, как птица вокруг башни, по выражению Рильке, может, сужая круги, это неназываемое выявить.

Про слово-Логос можно сказать несколько грубовато, что одним концом оно упирается в вещь, вторым – в Бога, творца этой вещи. Но если конец слова, упирающегося в вещь, считывается легко, и мы к этому внешнему чтению привыкли, то вторая часть того же слова, углубленная в Бога (ох, простите за наглядность вопреки корректности), вторая его часть чаще всего ускользает от внимания поэта и читателя, ибо, как сказал Антоний Сурожский, а до него учителя церкви: написанное духом может быть прочитано только духом. Написанное во вдохновении (осознанности) лишь во вдохновении (осознанности) может быть прочитано и постигнуто. <...>

У человека и у слова есть свой дом. У кого-то этот дом Будда или Христос, а у кого-то его вещи и жилище. То же самое и со словами – некоторые приходят с поверхности автоматизированной и машинальной речи – их дом в быту, на поверхности, а другие

живут на глубине глубин и, поднимаясь оттуда к нашему привычно-внешнему миру, несут с собой мелодию и свет глубин.

Мне кажется, что поэзия и слово невозможны в этом мире и поэтому они есть...»]

Однако завершу цитирование текста А.М. из ЖЖ "Русского Гулливера": "Николай Болдырев – уральский самородок, разведчик духа, ставящий во главу своего письма честность и достоверность внутреннего опыта – качества, почти утраченные писателями, если взглядеться повнимательнее...» И далее о моих книгах.

Вполне вероятно, что моя персона не столь уж заслуженно уместна в славном ряду, который он здесь приводит, но поэт это как раз человек весьма приватной интуиции и неожиданных союзов. Легко увидеть некую напряженность тона, почти полемичность, так что литературной форме этой заметки в ЖЖ автор, мастер стиля, забывает уделить внимание. Автор словно бы чуточку "ощетинивается" в избранной позиции. В этой истории со мной Андрей Тавров не побоялся что называется обнажить внутреннюю, потаённую часть своей мировоззренческой позиции, в сущности бросив вызов достаточно многочисленной корпорации хорошо устроившихся "чистых эстетиков". Да и наша переписка была чуть ли не на одну-единственную тему: что есть красота и что есть этика? бытийно ли нынешнее художественное слово или оно фантом? а если фантом, то в каких границах?

Причем, все такого рода ссылки на мое существование в провинции (иногда он сравнивал меня аж с Ван Гогом, который "вывел себя из пространства живописи и преследовал реальность") имели место задолго до каких-либо моих попыток отрефлексировать его собственное творчество. Да собственно, десять-одиннадцать лет назад я даже и не знал о существовании поэта Таврова.

А началось всё в августе 2013 года, когда, сняв трубку телефона, я услышал показавшийся мне романтическим женский голос, представившийся Марианной Ионовой, которая звонила по просьбе главного редактора журнала "Гвидеон" с просьбой прислать что-нибудь для журнала. Так началось наше сотрудничество, а вскоре я послал Андрею только что вышедшую свою книгу стихотворений "Мост", в финале которой – пространный поэтический Манифест. Вскоре я получил от него письмо, объясняющее мне, откуда ему известно моё имя и почему оно ему безразлично. В ответ на мой маленький дар он прислал мне свой только что вышедший роман "Матрос на мачте" с надписью яркими синими чернилами: "Дорогому Николаю Федоровичу с благодарностью за чистоту и силу речи, которая не раз меня поддержала". Роман удивил меня настроением и духом чистой философической эротики, чем, собственно, и восхитил, в нем была музыка некой, я бы сказал, постпостромантики, однако в диалог вокруг него включился не сам Андрей, а Марианна. Он же оставался до поры до времени наблюдающим.

Андрей Тавров

15 сентября 2013 г.

Дорогой Николай Федорович!

Спасибо за прекрасную книгу стихов и мысли, завершающие ее. Я – давний Ваш, если можно так выразиться, поклонник. С тех самых пор, как однажды, ночуя на сеновале, продрогнув и почти что впад в депрессию и немилость к себе и миру, я открыл Ваше послесловие к жизнеописанию Карлейля, и под пение птичек и шорох страниц в меня

стала вливаться родная жизнь. В дальнейшем были Ваши антологии дзэн-буддизма, И-цзин, работы о Тарковских, отдельные статьи. Для меня здесь особенно ценно созвучие и, что самое главное, – духовный опыт, лежащий за Вашими строками, а не просто теоретизирование или философствование.

Мне бы хотелось предложить Вам составить сборник Ваших неопубликованных работ, и я бы предложил их на рассмотрение редколлегии издательства "Русский Гулливер". С уважением,

Андрей Тавров.

[Уже в первых письмах Андрей (так он просил меня его называть, хотя постепенно я перешел на "Андрей Михайлович", ибо мы были одного возрастного поколения) по существу объяснил, что нас единит: понимание *целящей* и трансформирующей приватную жизнь одиночки сущности логоса, то есть бытийного слова. «С некоторых пор я стал делить все написанное на две категории, – писал он в предисловии к моей книге эссе "Письма к Орфею", – то, что написано при помощи авторитарного мышления, и то, что написано при помощи мышления опыта. Второе – подтверждено всей жизнью писателя, его духовными поисками, и в результате является не "вымыслом", не теорией, а "отчетом" по проделанной духовной работе. Такой отчет всегда ведет нас к правде. Такие книги способны поднимать на ноги упавших духом и исцелять больных... »

По существу, поэт высказывает здесь свои заветные мысли и переживания, указывает на тот фундамент, на котором стоит и возрастает его дух.

Отвечая на вопрос журналистки Елены Серебряковой, кого он считает современной поэтической элитой, Тавров признавался: «Есть поэты, которые прибавляют к жизни жизнь, а есть те, которые отнимают жизнь у жизни. Как я уже начал говорить, поэзия как таковая – терапевтична, целительна, "болящий дух врачует песнопенье", по выражению Баратынского, поэзия призвана выправить вывих мира, и те, кто занят этим делом, ведая или не ведая, те для меня и являются элитой. Они как церковь официальная и реальное "тело Христово" – не совпадают.

Не думаю, что официальные "лидеры духа" могут сравняться хотя бы отчасти с такими людьми, как (и дальше он повторяет шестерку имен, добавив к ней Экхарта Толе. – *Н.Б.*) Смешно и сравнивать. В поэзии есть своя элита, далеко не всем известная. Но я же говорю о себе, о *своём* восприятии... Талантливых авторов много, но для меня самое главное – интуитивная направленность человека на исцеление мира в том плане, что вселенная – самоисцеляющийся организм, и пока люди не идут вразрез с этим импульсом, она способна на самые невероятные чудеса. Таким человеком может быть и поэт, но тут нужна глубина, духовная зрелость и самоотдача...» Характерно, что Тавров имел мужество и "чувство космического такта" идти не по асфальтированной дороге "автоматического" восславления поэтов, как якобы слуг Божьих (Цветаева, Бродский etc.), а по тропинке приватно экзистенциальной, где ты один на один со своей душой, а не в "боевом строю" профессиональной корпорации.]

Андрей Тавров

17 октября 2013 г.

Дорогой Николай Федорович!

Хочу сказать Вам, что я сегодня с утра взял с собой Вашу книжку "Мост" и читал, не

отрываясь, отчетливо осознавая, как во мне прибывает жизнь. Я испытал чувство глубокой признательности за все те замечательные вещи, которые там написаны и , прежде всего, за напоминание о приоритете этического в поэзии, без чего она теряет связь с собственным источником, осуществляя подмену, многими не замечаемую. Это тем более радостно, что этичность тут не связана с жанром "проповеди", морализаторства, а рассмотрена с точки зрения "свойства", присущего самой Жизни. Вы стоите на своем, на духовном опыте, не на теории, и дай Вам Бог сил на это и дальше. Еще раз благодарен Вам за ту вспышку жизни и жизненности, с которой я соприкоснулся благодаря Вашей книге. Мне кажется, *Манифест* стоит включить в книжку эссе, о которой мы говорили. Андрей.

18 октября 2013 г.

Николай Федорович, спасибо за добрые слова. Включайте оба предисловия – они оба содержательны и самостоятельны. Знаете, я недавно прочитал книжку Лисевича (китаиста), ее составили из всех его "служебных" и рабочих записей, которые он делал, и собрали под одну обложку (больше 300 стр. большого формата). Она не производит впечатления фрагментарной, вернее, этот момент там присутствует, но наряду с более сильным впечатлением цельности. Меня это порадовало. С уважением,

Андрей.

Н. Б.

8 ноября 2013

Дорогой Андрей! Вернулся с горного озера, нашел Ваше письмо. Отправляю текст книги. <...> Кстати, Ваш роман я сперва пытался читать с начала – не пошло. Вошел в середину и совсем иное дело: дочел до конца с чувством не просто тихой радости, но особой ее уникальной модальности (хотя подчас, впрочем очень редко, и возникало желание перескочить через некоторые длинноты “павического свойства”), и вот сейчас читаю с начала, хотя по-прежнему не нахожу его очень удачным (вероятно, придираюсь, ибо не люблю, когда вещь начинается с амуров). Но в целом это, конечно, большая победа: своего рода романтико-метафизическая мениппея (отчасти в бахтинском, отчасти в гаспаровском смысле слова) той эпохи, которая – в нас, свободная проза, которой бы рукоплескал не один только Новалис. (Романтизм я связываю, конечно, с йенцами). Но, впрочем, говорить кратко о таком многослойном, богатейшем романе-эссе просто невозможно, не совершив непоправимой ошибки неверно высветить главное.

Однако я отвлекся. Конечно, был бы рад, если бы Вы предпослали моей книжке небольшое количество слов. Вот видите, до чего я докатился, до каких бестактностей. Но меня успокаивает то, что Вы прекрасно понимаете, сколь ненавязчива и летуча эта моя мимолетная мысль, бесследно растворимая в молчании этого теплого вечера. Ваш Н.Б.

Марианна Ионова

11 ноября 2013 г.

Николай Федорович, спасибо за Ваше письмо! Беглая, казалось бы, характеристика "Матроса на мачте" удивляет и своей сутью, и тем, как с неожиданного (для меня) ракурса схвачена суть обсуждаемого. Это обсуждаемое – и роман, каким он получился, и предпосылки в мировоззрении, темпераменте, духовном опыте автора,

благодаря которым роман получился. А получиться он мог только таким, потому что... есть ходульное выражение – *написан кровью сердца*, так вот здесь оно не праздно. Аналогию с ненаписанной второй частью "Генриха фон Офтердингена", какой она изложена Тиком, трудно обосновать, но у меня есть ощущение, очень сильное, что тот утопический "проект", переродившись, состоялся теперь.

Мне близки Ваши слова о не-новизне, как вообще близко чувство драгоценности неприметного, когда нельзя зафиксировать ни существо того, что драгоценно, ни существо драгоценности. И есть чувство родного как неприметного, безвидного (т.е. и невидного), отсутствующего. Как отсутствия. Я пытаюсь сказать обо всем этом в повести, которую сейчас пишу. Она могла бы называться "В тишине. В стороне" и называется, в общем, тоже вполне "анонимно". Посылаю Вам этот примерно на две трети написанный текст просто потому, что хочу, чтобы бы он был у Вас. Можете расценивать само послание как посвящение.

Что касается Тарковского, то "Зеркало" я (уверена, что многие скажут то же) готова смотреть всякий раз, как его показывают. Это фильм клубится, выходя за свои очертания, действительно уводя в бесформенное. О чем, приблизительно, Вы и пишете. Интуиция о свойстве некоторых людей быть "менее рожденными", чем другие, на мой взгляд, огромного стоит.

Ваша М.

12 ноября 2013 г.

Николай Федорович, Ваши слова о романе – первый со-масштабный отклик на него. "Матрос на мачте" – событие, которое должно было либо произвести фурор, либо остаться незамеченным нашим литературным истеблишментом, подобно тому, как какие-нибудь пигмеи могут жить своей обычной жизнью вблизи чего-то огромного, не замечая этого в силу его невероятных, не совместимых с объемом их сознания размеров. Кажется, пока сбывается второй сценарий.

Ваша М.

P.S. Привожу фрагменты из моей рецензии на "Матроса", вышедшей в "Октябре". <...>

Н. Б.

12 ноября 2013 г.

Добрый день, Марианна! Сразу же после прочтения Вашего письма. О романе Андрея я писал так отстраненно лишь потому, что, вероятно, сдерживал себя, еще пребывая в процессе чтения. Но вообще-то он меня поразил как нечто, чего бессознательно давно ждешь. И захватил именно этим своим цунами страсти, этим ее потоком, словно бы вполне безоглядным и последним. И притом страсти метафизической – то есть редчайшей из встречающихся. Притом с таким редкостно отважным и почти всеохватным синтезом, не впадающим в холодный интеллектуализм, коего (интеллектуализма) вполне предостаточно сегодня. То и дело при чтении я испытывал нечто вроде восхищения по поводу случившегося, то есть по поводу события такого романа, которое наконец-то свершилось. То есть здесь восторг не эстетический, а человеческий: реализовалась некая очень важная форма человеческого. Вы правы: романтический синтез свершен (да ведь нашей эпохе и карты в руки!) и на каком мощном музыкальном вираже! Как тонко (разумеется, большей частью интуитивно) учтен опыт не только йенцев, но и иных

мистических традиций, вплоть до Гессе и Павича, хотя последний скорее ведь игрок-гедонист. (Разумеется, все эти “тени и блики” – подобны пыльце скрытого культурного гумуса, дающего дополнительный импульс к ментальной раскованности). Про немислимо “джазовый диалог” с Соловьевым и японским средневековьем я уж молчу. Это, конечно, не игра в дзэн, но исповедание того чувства прорыва, которое назрело и требовало воплощения в симфонии с вполне скрябиновской небоязнью впасть в публичный экстаз. (Отнюдь не эксгибиционистского свойства). Мистический алфавит остается своего рода тем нерасшифровываемым измерением суггестии, в которой автор укрыт от всех возможных конечных определений своего тайного и высшего умысла. Но конечно, главное – душа автора, высота этой души, ее зрелость (вот почему неуместна подростковость матерщины, пусть и редкая); душа, столь решительно открывшаяся, словно в последней возможности сказать. Прикрывающаяся лишь этой иронией “бесконечной” культурной игры, ставшей сюжетным каркасом выплеска-исследования-исповедания. Точнее сказать, эта душа уже достаточно зрелая, чтобы всё понимать, то есть всё, что подвластно ее интеллекту и природным способностям, но еще *нуждающаяся* в опыте истинно-романтического чувства, еще привязанная к *этому* берегу. Она еще *здесь*, она еще *меж* двух влечений. Собственно, ее страшит другой берег, потому-то из нее рвется такое цунами словесной бесконечной медитации: пока говорю, я еще здесь. Роман-эссе о матросе имеет не просто форму шара и может поэтому читаться с любого места, но он не имеет оснований закончиться, он возникает из места неопределенности и обрывается как рукопись, найденная в бутылке, обрывается по причинам здешне-формальным. Когда душа созреет вполне, она потеряет страсть к женски-эротическому, а затем и само влечение к говорению. Она замолчит. И это будет иной уровень постижения.

Н.Б.

P.S. По поводу профанности сегодняшнего всезнайства. Вот, например, что писал Кьеркегор: «Если бы нужно было в одной фразе выразить разницу между древними временами и нашим временем, нам несомненно пришлось бы сказать следующее: “В древности было всего несколько человек, которые знали истину; теперь она известна всем, однако внутренняя глубина находится в обратном отношении к этому знанию”». Это еще очень мягко. Хотя он, впрочем, добавляет: «В устах того или иного человека даже истина может стать ложью». И далее поясняет, что истина есть переживание, которое свершается в состоянии *предельной отрешенности* от объективных связей, свершается в состоянии “страсти бесконечного”, то есть проще говоря – в страсти к бесконечному. Но это переживание как раз предельно субъективно и безоглядно. И это, на мой взгляд, близко к атмосфере речевого монолога «Матроса». То есть важнее не *что*, но *как*.

13 ноября 2013 г.

Марианна, "Матрос" – вещь ошеломительная, но прелесть ее именно в том, что это вещь не для всех, а для тех, кто созрел для нее. Беда слишком многих пишущих, что они заранее хотят быть понятыми *всеми* и в том числе членами редколлегий и даже критиками (извините!). И потому они применяются к господствующим болезням этого "истеблишмента" – интеллектуализму (рационализму) и эстетизму, танцующему перед текущей модой. Но есть определенный уровень ментальности, когда человеку удастся далеко продвинуться внутри своей субъективности. Это как определенный уровень гор. Человек “долины объективности” не уловит звуков оттуда. Я думаю, для многих роман

Таврова либо должен быть скучен (из-за невладения внутренней стороной материала), либо вызывать иронию или даже сарказм, во-первых, ввиду явной обнаженности/наивности некоторых романтических приемов сюжетики, а во вторых, ввиду непонятности: а собственно, что именно он имеет в виду этими своими закрутками-перекрутками. Ведь обычно современные романские игры в многослойность, в аллюзивность, в бесконечные "гирлянды" преследуют две цели: демонстрацию авторского всезнайства, "утонченного интеллектуализма", созидающего как бы ауру бесконечного движения к "тайне" плюс наслаждение остроумием самой по себе игры, этих иронических цепочек, своего рода колокольчиков смеха, а подчас и иронического гогота над всей культурой вместе взятой. Тут важно понравиться культурной толпе, которая бы с одной стороны понимала, о чем идет речь, а с другой – гоготала бы над высокими смыслами понимаемого. (Ну, скажем, как Пелевин сравнительно изящно играл когда-то в дзэн в "Чапаеве и Пустоте", а потом стал этот найденный уровень опускать и опускать). Однако в "Матросе" иное: серьезный экзистенциальный выплеск, где стадия эстетическая уже пройдена и герой вошел в зону сердца (в восточном понимании этой субстанции). А это уровень, внутри которого ориентируется слишком малое число наших современников. <...> Современность безнадежно увязла в эстетизме нового образца, даже и не понимая, что это такое. Берусь это утверждать не только на основании впечатления от текстов, мое личное общение с "творцами" показало мне, что понятия этической безвкусицы, этического уродства и безобразия, этической красоты (о духовной красоте уж помолчу) для них не значит ровно ничего. Всё для них пребывает внутри кокона эстетической уместности/неуместности, "меры и такта" и т.д., следовательно внутри объектно-интеллектуальной сферы. Холодной как всё объектное и чисто эстетическое. Значительнейшая часть художественной современной продукции лично для меня отмечена знаками того безобразия этического и духовного порядков, что всякие чисто эстетические красоты внутри этого шабаша подлости, низости, цинизма (градации в этом, конечно, самые разные) для меня не имеют ни малейшей значимости. Вот почему многие говорят правильные, а тем более красивые слова, но лишь очень немногие не лгут. Нужна полная революция в искусстве. В том смысле, чтобы ориентация на эту низшую красоту и маленький вкус перестала быть само собой разумеющейся. Да, необходимо сознательное жертвование этими типами красоты.

Ну, вот видите, я снова сел на своего конька. Впрочем, меня ждет Ваша повесть. НБ.

Марианна Ионова

14 ноября 2013 г.

Николай Федорович, по моему наблюдению, современная русская литература сидит на "иронической игле". Есть желание заговорить, наконец, от сердца и услышать слово от сердца, но страх перед "пафосом" заставляет останавливаться у какой-то последней черты. "Пафос" – это настоящий жупел. Высшим пилотажем считается затронуть "большую" или "большую" тему и при этом не впасть в "пафос". Дойти до некоего водораздела, где вроде бы о серьезном, но как бы не до конца всерьез. Слово-паразит "как бы" на самом деле – твердой комочек, сгусток в той каше, которую уже неважно кто заварил, важно, что нас пытаются убедить, будто любая другая пища – яд.

Еще один, родственный первому, жупел – то, что претендует на "тотальность", отождествляемую с "тоталитарностью". Недоверие к красоте, очевидно, растет отсюда.
<...>

Н. Б.

15 ноября 2013 г.

Дорогая Марианна, когда играют в искусство, то ирония, конечно, абсолютно необходима. Но вообще-то роман Таврова дает простор критикам и для размышлений, и для демонстрации своего остроумия. И поскольку Москва переполнена интеллектуалами, полагаю, рецензий будет много. Другое дело, что для того, чтобы понять сущностную ноту того синтеза, которому посвятил свою книгу Андрей, надо уже пройти где-то близкими путями. С другой стороны, легко поиронизировать над реальными слабыми местами "Матроса". Вот я начал читать с середины, и все абстрактные упоминания о тех таинственных обстоятельствах, при которых Арсения была включена в судьбу и жизнь Шарманщика, меня вполне устраивали в качестве романтической потаенности. Но вот я начал читать с начала и сразу попадаю в реалистическое обоснование этой потаенности, и эти обоснования меня разочаровывают своей почти демонстративной недостоверностью. Письмо в дуле револьвера отца на стене, затем текст за три тысячи километров от Москвы, на каком-то чердаке да еще в телескопе... Разве это не ирония? Разве это не пахнет юмором, стилизованной пародией на сюжеты определенного рода. Роман написан, на мой взгляд, в общем и целом в жанре, пользуясь старым термином, магического реализма. Но вспомним, как безупречно входит в "магический мир" герой у Гессе: улочка, дверь, мерцающая надпись. Никаких кульбитов. Травестирование образа Соловьева вполне уместно хотя бы уже потому, что покоится на точных "пейзажных" реальностях. Но реалистические обоснования чудес не должны быть абсолютно неубедительными. Иначе может возникнуть соблазн весь роман прочесть как тонкую пародию на интеллектуально-мистический роман, что скорее всего и будет сделано кем-нибудь из критиков. Ведь читается же роман Сервантеса в таком амбивалентном мерцании. Кто-то, конечно, соблазнится, посчитать, что Тавров сыграл в еще одну дзэнскую интеллектуальную игру. Но для этого придется не заметить тот жанр (и жар), в котором выполнена книга. В любом случае она не просто заслуживает глубоких комментариев, но быть может нуждается в них. Надо полагать, они появятся. Впрочем, сколь многое из глубокого и исполненного сердечного жара, не имело письменного отклика. И разве что-то потеряно? НБ.

Марианна Ионова

16 ноября 2013 г.

Николай Федорович, к Вашим упрекам могу добавить затянутость и повторы, которые для себя оправдываю создаваемым эффектом множества кульминаций, вроде бы "ложных", но в то же время и подлинных, как сам дух романа, где нет ничего, не пропущенного через сердце. Эти кульминации до кульминации заставляют читателя почувствовать, что и он ищет Букву, точнее, находит ее раз за разом, умирая и рождаясь вместе с ней, вместе с миром. Потому что роман написан для читателей, для людей, в том высоком смысле, в каком для людей написана "Божественная комедия". Это призыв к действию и

одновременно, если читать правильно, уже некоторое действие в реальности. Впрочем, как всякая настоящая книга.

Роман написан размашисто. Зачастую "от полноты сердца" (или просто когда сказать надо очень много, по-разному, но об одном) нарушается вкус. Это, наверное, единственный случай, когда такое нарушение простительно.

Мне все-таки кажется, что современная литература начала если не выздоравливать, то искать лекарство. Я вижу попытки сначала превращения интеллектуального эстетства в довольно условную маску, а затем медленного отделения этой маски, внутри одного текста. Читаю роман Евгения Водолазкина "Лавр". <...>

Ваша М.

Н. Б.

21 ноября 2013

Дорогой Андрей Михайлович! Право, о Вашем «Матросе» следовало бы выстраивать встречный монолог-книгу, поскольку он, в сущности, требует ответного действия, всецело, конечно, внутреннего. Надеюсь, это будет кем-то сделано. А пока о моем. Я очень просил бы Вас исправить две вещи: переименовать (в рукописи моей книжки) название манифеста, назвать его вместо «Дом над пропастью» – «Поэзия и поцелуй» с подзаголовком (в скобках) – Опыт творческого манифеста. Соответственно, всю книгу следует назвать иначе, а именно – «Ускользящее таинство». <...> Ваш НБ.

Андрей Тавров

24 ноября 2013 г.

Дорогой Николай Федорович!

Я написал несколько строчек, которые лишь отдаленно выражают то, что мне хотелось бы сказать о Вашей книге. Но, надеюсь, что они все же сориентируют читателя в более или менее правильном направлении.

Пожалуйста, отмечайте то, что Вам захочется изменить или уточнить.

С уважением,

Андрей.

Н. Б.

март 2014

<...> Рад был прочесть отзыв (или фрагмент одного) Иличевского на Ваш роман.

Но конечно, лучший разбор из всех возможных могли бы написать Вы сами. И это бы вылилось в новый роман.

Андрей Тавров

<...> Идея о разборе как новом романе меня развеселила и вдохновила, спасибо большое.

Ваш А.

Андрей Тавров

15 января 2015 г.

Николай Федорович! Господи, как же я благодарен Вам за Ваше интервью Бавильскому – оно буквально вдохнуло в меня силы и мощь, в период, когда их осталось на донце, в период сопелости душевной жизни. Я, возможно, еще напишу Вам более полное и менее эмоциональное письмо на эту тему, а пока позвольте Вас поблагодарить за сказанное, идущее не от словаря и цитат, но из внутреннего сердца. Такая подача и такая искренность, уходящая от ориентации на борьбу и спор и зависимости от них, сегодня беспримерны. Стойте, дорогой, Вы многим вдохновение и опора. И еще, подскажите, пожалуйста, – где можно приобрести 7-томник Рильке, о котором идет речь?
Ваш Андрей.

Н. Б.

28 января 2015

Добрый день, Андрей Михайлович! Спасибо за публикацию переводов из Целана. Вчера выслал вам на Вторую Радиаторскую (на имя Суздальцева А.М.) комплект Рильке заказной бандеролью... Шлю комплект с большими сомнениями в нужности этого, так как эта затея была для меня совершенно приватной, и я вполне отдавал себе отчет в черновом характере всех работ: и переводов, и комментариев. Всё не отредактировано, не отшлифовано, не доведено до ума. О действительной причине этого я никому не говорил, скажу Вам это сейчас первому: всё это делалось для придания самому себе "толчка" в направлении написания биографии Рильке. Бавильскому я тоже и намека не делал относительно таких планов по причинам хотя бы суеверным. Семитомничек, по правде, всего лишь материалы к биографии Рильке: для меня самого и для крайне узкого круга лично меня знающих и потому не пеняющих на дефекты. Так я мыслил, затевая издание. Да и попало оно на Бажовский конкурс "по вине" одного местного поэта, чему я, правда, не воспротивился. Ух как многословно вышло о столь малом обстоятельстве. <...> Перейду ко второму. О моих эссе для вашего журнала. Вероятно, если вам и нужно (если не изменились ваши планы), то два-три, не больше, как я понимаю. <...> Ваш НБ

Андрей Тавров

28 января 2015 г.

Николай Федорович!

Если б Вы знали, как я Вам благодарен за посылку! Рильке тянет меня как магнит, начиная с 10-го класса, когда одна моя знакомая мне показала в журнале "Смена" переводы своего друга из Рильке и, увидев сравнение лепестков розы с веками, я почувствовал восторг и зависть, почему-то к переводчику (ну, это, впрочем, понятно по ситуации). Мне кажется, что некоторая "недоведенность" (а что мы довели до идеала?) не помеха тому духовному контакту, который я испытываю почти каждый раз, когда читаю Ваши статьи и книги. В сочетании с поэзией Р. эти Ваши "рабочие тетради", предваряющие более крупный замысел, в котором от сердца желаю Вам успеха, для меня чрезвычайно интересны.

Надо сказать, что Вы побудили меня с новым интересом обратиться к Целану мне хотелось бы прочитать что-то из Вами написанного на эту тему, но на Вашем сайте я специальной статьи о Целане не нашел. Может быть, плохо искал... подскажите,

пожалуйста, если такая имеется. Послесловие переводчиков, заключающее большое издание Целана с письмами (Ад маргинем, 2008) на меня внятного впечатления не произвело – как и в случае с Рильке, мне кажется, Целан понимается ими больше с филологической, чем с более глубокой точки зрения.

Ваши эссе я поставил прямо по порядку – 2 первых в один номер (на выходе) и 3-е и 4-е в следующий (готовится). Предполагается, что они будут идти и дальше. Впрочем, Вы конечно же можете напечатать любое из посланного в других изданиях, только дайте мне знать. Спасибо за новые присланные.

Николай Федорович, мне бы хотелось заплатить за 7 томов, это все же не открытка на память, скажите, пожалуйста, какова сумма.

Ваш Андрей.

29 января 2015

Дорогой Николай Федорович!

Спасибо за Целана, читаю.

В последние несколько лет на меня произвели большое и радостное впечатление книги Тик Нат Хана, современного буддийского автора, родом из Вьетнама. Еще одна прекрасная книжка, которую я недавно прочитал – Тон Латхауэрс, голландец и европеец по воспитанию, практикующий дзэн. Там есть активный диалог с русскими авторами – Шестовым, Достоевским, а также с Кьеркегором, мягкий глубокий подход практикующего. Это я делюсь с Вами.

То, что Вы пишете на Вашем сайте об избытии культурных реалий в <Проекте> (Имеется в виду книга "Проект Данте" – Н.Б.), словно спешащих вытеснить одна другую (примерно так) вызвало у меня желание немного объяснить ситуацию. Для меня уже давно стало ясно, что и в религии, и в других важных сферах жизни цитата как таковая является средством подмены. Наиболее показательно это видно на примере священников, которые цитируя святых отцов или Евангелия, сами не соответствуют тому, что предлагают слушателям как пример для поведения, жизненную парадигму. В одной из первых своих высказываний на эту тему я даже написал, что цитата ведет в церкви жизнь антихриста, обесценивая духовные практики. Менее заметна роль культурной цитаты в литературе – мы привыкли к тому, что, начиная с первых шагов русской литературы – Третьяковского, Державина, цитата необходимо присутствует в их творчестве как органическая составляющая. Далее, в век постмодерна, она становится необходимой составляющей "университетской поэзии", да и любой другой, претендующей на современность. И тут она становится цитатой в чистом виде – думаю, что с оттенком того же свойства, что и цитата-Антихрист. Но существует одна тонкость. Цитата в Церкви перестает быть цитатой, когда она "раскавычена". Каким образом можно это сделать? Думаю, что весьма определенным, хоть и не простым – осуществить в жизни то, о чем речь идет в цитате. Если в проповеди говорится "блаженны нищие духом", то проповедник раскавычивает цитату, рассказывая, как именно он практикует "нищету духа", делюсь опытом, и тогда цитата становится не "частью речи", а частью жизни. Она раскавычивается.

Думаю, что и среди культурных ссылок в поэзии – всех этих имен, скрытых или явных цитат возможны именно эти два подхода – цитатность или экзистенциальность. Для меня, например, цитатность в поэзии неприемлема. Для меня, скажем, Франциск или

Гроссетест ближе к слову черепаха или ручей, чем к информативному или цитатному присутствию. Для меня и черепаха, и Кавальканти – один, что ли, материал, и явление культуры, как в Китае или в старинной Японии, неотделимо от природы, является святой частью святого и живого, смыкается и отождествляется с явлением культуры, увиденной не поверхностно. Ду Фу здесь, конечно же, ближе к дереву, чем, скажем, к университету, чем к сегодняшнему европейскому роману. Возникает вопрос, как снять кавычки с Данте или с Лао-Цзы и стоит ли упоминать подобные имена столь часто? Здесь я не могу ничего утверждать, но думаю, что такие имена у меня ближе к некоторым универсальным иероглифам, которые Я ПО-ДЕТСКИ ПРИДУМАЛ сам для себя для обозначения некоторых глубоких ситуаций и эмоций, которые я пережил в связи с этим именем и которые теперь я переживаю снова. Например, когда меня забрали прямо с платформы Переделкино, и я отсидел в КПЗ три часа, меня очень заботило, как бы милиционеры не залезли в сумку (дело было в СССР) и не обнаружили там ксерокопию Жизнеописания Будды и другие, куда более одиозные по тем временам книжки. Все это входит в некоторую авторскую внутреннюю форму слова-имени, которую я не дешифрую, но которая, мне кажется больше не цитатна. Тут есть о чем говорить дальше, но я пока что ограничусь сказанным.

Понимаю, что в моей книге много погрешностей, но для Вас мне хотелось бы уточнить мой подход к сути дела в надежде как-то высветлить текст. Смех Бодхидхармы – конечно же, но и плач, и пение этих культурных имен-иероглифов. Плач от их угасания и пение все еще – животворящее. Тем не менее, я вполне разделяю Ваши наблюдения по поводу литературной аскезы, если можно так выразиться. Спасибо Вам большое за Ваши высказывания в "Дневнике" (их мне переслали знакомые) по поводу "Матроса" и "Проекта".
Ваш А.

Н. Б.

30 января 2015

Дорогой Андрей Михайлович! Я внимательно прочел Ваш комментарий к вашему методу, и он мне понятен и вполне симпатичен: так мне, по крайней мере, кажется. Растворить в себе некий чужой опыт (войти в соприкосновение с будто бы чужим) и выйти из него непогрешенным и несогбенным – высший пилотаж, своего рода аскеза, хотя это и всего лишь плаванье к самому себе. Но вот Вы сказали "нищета духа". У одного богослова я прочел, что в оригинале исходное понятие было не собственно дух, но то, что, скажем, дух в немецком слове Geist – это больше ум, а если и духовное, то в смысле интеллектуальном и разумном, но никак не в том, в каком его употреблял, скажем, Серафим Саровский, когда говорил о "стяжании духа святого": о таинстве присутствия говорил, об открытости той святости мира, которая всегда здесь в качестве таинства спонтанного диалога, говорил о той кротости и отпущении на волю своего эго, когда обретается как раз нищета умствований. Но не стоит ли за всей современной ситуацией как раз этот самый главный грех: стяжание духа как умствований? Если одна часть общества стяжает деньги, золотого тельца в прямом и примитивном смысле слова, то вторая стяжает "духовные блага". Но поскольку дух по природе своей не причастен к этому измерению душевной жизни, существуя лишь там, где эго "выведено за скобки", то

стяжать можно лишь интеллектуальное. Так что я бы переписал "блаженные нищие духом" в "блаженны нищие умствованием" и делу конец.

Кстати, Киркегор (а затем и Швейцер) бросили пасторскую должность именно по причине катастрофической опасности и бессмыслицы проповеди "истины Христа", не будучи самому в истине. Ведь это, если память не изменяет, именно Сёрен сказал гениально: "истину нельзя знать, в ней можно быть или не быть". Что очень рано поняли и Швейцер, и его ровесник Рильке. Сегодня мир разделен именно по этой границе. Вы ведь об этом и пишете: поэт – тот, кто бытийствует в слове, а не оперирует знаниями. Конечно, вы вправе ожидать от читателя того же естественно-природного чувствования реалий, пришедших формально из текстов. Но здесь встает глобальная проблема современного "образования" притом виртуального пошиба. Поле поэзии и прозы перенасыщено неразстворенными в авторской душе знаками, знаками его "начитанности" и нахватанности. *Образованец* демонстрирует (и прежде всего себе) свою "причастность" к тотальному обладанию "всеми", т.е. всем универсумом знаний. В то же время людей, способных вписать культурные реалии в свою экзистенциальность (чтобы экзотические слова вполне этически естественно стояли рядом, скажем, со словами "топор" и "унитаз"), – единицы. Здесь автоматически часто бываешь насторожен против виртуальных фокусов, самозащищаешься. Лично я склонен видеть эту опасность, уже почти съевшую западный мир, столь обнаженно и столь "наивно", что мне, например, кажется блефом, если поэт, никогда не видевший плуга, пользуется этим словом так, будто стоял за ним, или словом подпасок – так, словно был когда-то подпаском. На мой взгляд, он имеет право (этико-экологическое право) пользоваться этими словами именно в контексте лишь виртуального о них знания. (Не говорю о развлекательных жанрах, где полет воображения открыто заявлен как главный прием и пункт взаимной договоренности на "дуракавалянье"). Я бы хотел (как какой-нибудь Савонарола), как бы это ни казалось смешно, укоротить блефующий пыл современного человека, дерзающего "демиургически" возвыситься над реальностью, то есть подмять ее и забыть про нее. Ведь что такое "плуг" или "подпасок"? Это цитаты из мира, где поэт уже не бывал. Но как их вывести из цитатности? Ввести в свою бытийность. Последуй человечество этому принципу, мгновенно бы очистились авгиевы конюшни культуры. Разумеется, это было бы обрушение принципов так называемых "прав личности" и "свободы слова", так как они существуют исключительно в эстетической парадигме. А она-то как раз оказалась бы обрушена, ибо ее принцип – играть словами и в слова.

Когда Данте или Лао-цзы пережиты вами "по-детски", тогда они становятся частью ваших тактильных ощущений, той причастностью к нашему донцу-атману, куда стекаются все праинтуиции. Конечно, чуткий читатель это почувствует, но не обязательно сам окажется в присутствии. Требуется еще и наличие подобного опыта присутствия. Конечно, опыт таких сугубо экзистенциальных состояний "присутствия", о которых Вы пишете, те всполохи себя-осознавания, случающиеся точно, как тоннели во вневременное, остаются в поэте как факты и вовсе не требуется их "разъяснять". Интуиция читателя, обладающего подобным опытом, совершит нужный прыжок. "Авторская внутренняя форма слова-имени", о которой Вы пишете, весьма сильна, кстати, у Целана. Он откровенно (как бы) не озабочен тем, чтобы быть понятным или даже понятым. Он просто-напросто открытым текстом крайне эскизно описывает свои душевные, экзистенциальные или метафизические переживания – записывает так, как

пишут в дневнике, который ведут действительно и на полном серьезе *только для себя*. (Хотя без частицы иронической дистанции тут обойтись невозможно). Зачастую его стихи весьма прямолинейно-просты в психологическом смысле, если знать биографическую составляющую их возникновения. Но поэт, разумеется, комментариев не давал, и зашифровка получалась серьезная, стихи вставали как парабола или фантастическая метафора или еще что. В этом смысле он действовал в русле позднего Рильке, который почти совершенно забывал о читателе, фактически выводил его за скобки, хотя и писал весьма внятно. В этом одна из прелестей целановского метода дыхательности. Там, конечно, есть важные коррективы этико-метафизического замеса, но это был бы долгий разговор.

Однажды я в живом журнале "Русского Гулливера" прочел подряд три ваших стихотворения именно-таки в стиле "Проекта" и они меня покорили моментально, я пришел в восторг, прочитав на единой вертикальной волне как неразмыкаемую целостность. Вот после чего я заказал книжный вариант "Проекта Данте". Там, в книге, мое восприятие раздвоилось: иногда я попадал в то же поле, а иногда застревал. В один из моментов застревания и написал в дневнике эту реплику. Для чтения "Проекта" нужно поистине освобожденное внутреннее пространство, нужен благоприятный настрой. Мое чтение *Проекта* еще далеко до вхождения в то состояние, которого он заслуживает. Что у нас есть кроме внимания? Лишь *качество* внимания определяет, что именно нам открывается.

А если говорить о несовершенстве (применительно к моей самокритике семикнижья), то оно бывает двух видов: несовершенство, когда ты знаешь, что не сделал всего, что мог, и несовершенство после того, когда ты сделал всё, что мог. (Во втором случае признание несовершенства – кротость; но это, увы, не мой случай). Ваш НБ.

Андрей Тавров

30 января 2015 г.

Дорогой Николай Федорович!

Я с радостью читал Ваши строки почти как свои собственные – настолько они мне близки и понятны. Спасибо за столь созвучное письмо, оно поддерживает и вдохновляет, не говоря уже об открытом усилии к пониманию довольно-таки плотных строк Проекта.

Надеюсь написать Вам поподробнее об "основных созвучиях" и не только – сейчас, после похода к зубному и антибиотиков, это несколько затруднительно, к сожалению.)

Ваш А.

Н. Б.

30 января 2015

Андрей Михайлович, я тронут неожиданно увиденным Вашим анонсом-рекламой моей персоны в живом журнале "Гулливера" от 15 января. На этом остановлюсь.

Будьте благополучны. Ваш НБ.

[В довольно большом тексте А.М., размышляя о сути поэзии в истинном смысле слова, называет "истинными духовными лидерами" тех, в ком реализуется "интуитивная направленность человека на исцеление мира".]

Андрей Тавров

30 января 2015 г.

Это был какой-то внутренний импульс, которому не стоило противиться...

16 февраля 2015 г.

Дорогой Николай Федорович!

Вторую неделю я читаю Рильке в Ваших переводах, и так сложилось, что начал с его "статей о Боге". Я благодарен Вам за ту атмосферу чистоты и углубленности, в которой оказался, как благодаря автору, так и (не менее того) комментатору и переводчику. Статья о Целане также произвела на меня сильное впечатление, за что отдельная благодарность. Рильке, действительно, становится ближе и родней в результате такого чтения – но вот что предварительно мне хотелось бы сказать. Те обвинения, которые Рильке предъявляет христианству, направлены, конечно же не на Христа и не на его слова. Иисус многого не произносил из того, что произнесли потом богословы и церковные люди, проецируя на немислимое, доминировавшее в его словах, свое мыслимое с акцентом на мысль и логику. Мне кажется, что и к "логосу-слову" подход должен быть более осторожный, во всяком случае не отождествляемый с "креативной проективностью". Скорее, если уж отдавать предпочтение Ветхому Завету, это понятие (а нам невольно приходится говорить о "понятиях", а не о Христе) располагается ближе к "слову" Псалмов (которое пребывает между людей как и закон буддизма), чем к греческой философии.

Если Вы когда-нибудь рассматривали Древо Сефирот – великолепный словарь символов и живых богов-сил для поэта – то могли бы обратить внимание на то, что анонимные создатели поместили Христа в центр, в сферу "Солнце", которое взаимодействует и с землей и с неизреченным (Айн-Соф), откуда приходит Творение. Но поскольку Творение осуществлено отчасти вне времени, то говорить о проекции Логоса не предполагается возможным, потому что в Древе все сразу и во всем, пока не вмещивается мысль. К тому же Бог трогает человека, но и трогается человеком и это обратное творчество тоже происходит вне времени, как и вся голографическая и фрактальная картинка-карта Древа.

На мой взгляд, в Христе есть что-то утонченно-простецкое (вернее в молитвенном отношении к нему, которое его и выявляет), что-то опережающее мысль и время. Современная церковь, да и предшествующая ей во многом, это то место, на мой взгляд, где искать Христа труднее всего, во всяком случае, имея в виду тех, кто ее структурно определяет. "Молодой рабочий" пишет о потусторонности христианства, и он, вероятно прав, но мне не кажется правильным утверждать то же самое, имея в виду пророка из Назарета. Он любовался цветами, говоря, что они красивей Соломона, созерцал птиц, оплакивал родной город, а о запредельном говорить часто отказывался, как и Конфуций: "я вам говорю о земном и вы не понимаете, как же вам говорить о небесном?" (Иоанн, кажется). Мне кажется, что образ Христа так искажен, как никакой другой на сегодня, и поэтому меня радуют такие книги, как например, книга Тик Нат Хана, современного буддиста из Вьетнама, о котором я Вам писал "Христос и Будда – родные братья". Я же, читая Рильке, с радостью отмечаю те места, где его интуиции сходятся с евангельскими (в моем личном, естественно, понимании) и слежу, как растет это тонкое здание единства, где ничто не мешает ничему.

Мне очень помогли Ваши размышления по поводу "Прибытия", вещи для меня (не владеющего немецким) крайне зашифрованной вдобавок теми переводами, с которыми приходилось иметь дело.

У меня сейчас забытое чувство радости чтения – прочитал всего одну книгу! – остальные меня ждут и я предвкушаю радость общения с ними.

Ваш А.

Н. Б.

17 февраля 2015

Дорогой Андрей Михайлович, я совершенно с Вами согласен, что Рильке рассматривает Христа, "оприходованного" практическим богословием (и вполне понимает это, хотя никогда специально об этом не говорит), а реального Христа (насколько мы можем Его представить и ощутить) как реального мистика понимали именно на Востоке, ставя его в ряд аватар. Именно Восток имел верную интуицию Логоса, не определяя его терминологически, но созидая ощущение его косвенными способами, близкими к интуициям Дао и к другим "дхармическим" структурам, где слово ни в коем случае не ассоциируется с логикой в европейском смысле. Не случайно даже Ницше называл Христа мистиком в некоем высочайшем смысле слова. Реального Христа европейская прагматичная элита уж точно никак не смогла бы использовать в практических своих целях.

У меня не было задачи как-то высказываться по поводу личных интуиций, связанных с образом Христа. Мне надо было лишь хотя бы очень грубо набросать эскиз некоторых важных приятий и отрицаний Рильке, у которого была своя глубоко интимная история с Христом, которую, он, конечно, не пытался обнародовать. Скажем (один из нескольких моментов), его очень отвлекала от фигуры Христа мать; ее патетико-интеллигентская, экзальтированная набожность, с культом Христа, действовала ему на нервы. В ее безоглядном "иномирии", оторванности от "святости земной" он видел и чувствовал фальшь и ложь, когда земное предается, как ближний предается во имя дальнего. Мне кажется, с детства Рильке вынес отвращение к громоздкой и напыщенной словесной конструкции христианства. Конечно, Христос в качестве Бога для кого-то факт, не нуждающийся ни в каких доказательствах. Так что тут логика и богословие не помогут. Для Рильке важна не конструкция и не идеология той или иной религии, а реальная фактичность "бытийных монад" и "бытийных происшествий". Его трогал Франциск, некоторые другие святые. Но характерно, что Христа он обходит даже в "Часослове", словно бы его божественность была для Рильке неубедительна, и здесь мы просто перед фактом внутреннего видения, где божественное всегда не там, где его пытаются обозначить этим словом. Вероятно, Христа пытались ему навязать в качестве чего-то обязательного, и ребенок в нем это не принял.

Актуальным для Рильке всегда и неизменно была трансценденция, ее опыты. В реализации ее он и становился постепенно мастером и магом. Равновесие и равноправие миров – вот один из важнейших пунктов его личного катехизиса. Ни тот мир не высший и наш не низший, но они оба сосуществуют лишь в актуальности наших переходов туда и обратно, в актуальной динамике нашего их претворения в реторте духовной плавки, где топливом служит неизменная сила благоговения, ибо в "реальности" они вдвинуты друг в друга и друг без друга бессмысленны в каком-то непостижимом наивысшем "смысле".

Логос как первомантра тоже трактовался бессчетно разными способами, иное дело, что постепенно мистические энергии в нашем его (коллективном) восприятии обессилены, так что фактически мы имеем сегодня подмены как в случае с Христом, так и в случае с Логосом, что в каком-то смысле было и есть одно. Разумеется, логос изначальный не мог быть связан с функциями и логикой нашего интеллекта, но являл себя в измерении вневременном и в том святом, в котором только и происходят все подлинно важные онтологические события (хотя и масло масляно, но именно так). В свое время меня поразил Бёме своим необычайно смело-естественным восприятием мистической целокупности Христа как вписанного во всю бездонно-безбрежную космогонию. Мне даже показалось, что он заново изобрел кабаллу, на свою особицу, и его мировое мистическое древо (в поэзии Рильке постоянно присутствующее, но без отсылок к Сефирот) непостижимым образом вписалось (внутри его духа) в конкретику этического закона Христа, так что этика оказывалась главным измерением в мировом растении. Так вот туманно я вспоминаю впечатления тех давних лет.

А в Тик Нат Хана я загляну, я уже даже кое-что из него скачал. Ваш НБ.
P.S. Вы еще убедитесь, читая семикнижье, сколь часто я бывал небрежен и в других случаях, утешая себя тем, что это черновые наброски лично для меня и горстки семинаристов. Хотя никакого бегства от возможной критики я, конечно, не замышлял, более того, ряд текстов написан в провокативной манере.

27 февраля 2015

Добрый вечер, Андрей Михайлович! Кажется, я поучаствовал в одиннадцатом номере Гвидеона? Если это так, то я рад. <...> Что касается Рильке, то хотя он и жаловался постоянно Лу Саломе на свое невежество и на жажду образовываться, фактически же он обладал отменным инстинктом "дикого зверя", страстно подчиняясь интуициям, в отношении которых все время шел вглубь и вглубь, в ту дремучую пред-рожденность, где наша потенциальность хранит память того грандиозного срыва/перехода из бытийного измерения святости (эдемский сад) в интеллектуально-счетную вселенную, объятую воистину пьяным пафосом познания Всего.

Андрей Тавров

28 февраля 2015 г.

Дорогой Николай Федорович, Ваши письма я получил и очень им рад. Мне совершенно близки Ваши мысли по поводу христианства Рильке, думаю, что и в наше время все затруднительнее становится называть себя христианином на фоне столь успешно торжествующей Православной церкви, во всяком случае, лично мне. Спасибо за фотографии. <...> Я на днях напишу более обстоятельное письмо, в частности по поводу чтения Элегий в Вашем переводе – столь решительно внятном и убедительном. Думаю, что Вы проделали огромную и бесценную работу в плане идентичного переноса Рильке на русскую почву. Сама форма переводов, окруженных столь удачным комментированием и другими документами – чрезвычайно удачна и Вы это делаете с невероятной чуткостью и вкусом, я это заметил еще при составлении антологий по Дзэну и И-цзину. Мое путешествие с Рильке с Вашей подачи продолжается. Сегодня воскресенье и намечен ряд дел, я не прощаюсь, вернусь к письму чуть позже, хотелось бы поделиться с Вами одной идеей.

Ваш А.

2 марта 2015 г.

Дорогой Николай Федорович!

То, что Вы пишете о произвольной этической доминанте в поэзии как условии для существования самой поэзии, для меня понятно, близко и несомненно. Вне этики поэзия (как и проза) теряет внутреннюю энергию, свернутую внутреннюю пружину и превращается в одну из форм (не самую интересную) игры в бисер. И понятно, что такие поэты, как Гельдерлин, Рильке, Трахль, – утверждают прежде всего этический приоритет поэзии, через переживание которого им дано (и они приглашают читателя присоединиться) заглядывать в начало-начал, в область бесконечной и внесловесной потенциальности, которая является родиной и источником жизни и сил для любого, вне зависимости от того, ведает он об этом или нет.

Но мне хотелось бы сказать пару слов в защиту "индивидуалистической поэзии", не споря с Вами, а скорее, делясь своими соображениями по этому поводу. Такие поэты, несомненно разные, как Лорка, Цветаева и, скажем, Есенин, при всей их непохожести, тем не менее имеют одну общую составляющую их лирики, которую Лорка называл дуэнде, Цветаева – огонь, а Есенин, кажется, и не называл никак, но этой составляющей, которую чаще всего именуют словом "вдохновение", обладал вполне. Я перечислил первых пришедших на ум поэтов из тех, чье творчество Вы относите к эстетическому по своей природе (индивидуалистическому). Я совершенно согласен с Вами, что именно в поле эго-поэзии рождается наибольшее количество замкнутых на себе, ярких, но безжизненных поэтических образцов, не говоря уже просто о скучных стихах скучных авторов. Эта неинтересность происходит, как мне кажется, от невозможности для автора выйти с поверхности вещей и ощущений, вызванных собственно поверхностностью эгоистического, эгоцентрического мироощущения, невозможностью, в силу этого мироощущения, добраться до глубины-глубин, откуда и происходит магия и волшебство поэзии. Когда контакт с этим изначальным источником, предшествующим слову, достигнут в процессе творчества и осуществлен в стихотворении, оно начинает жить вполне необусловленной жизнью. Оно сильно отличается от "обусловленных" поверхностными мышлением и порывом стихотворений, спеленатых привычными конвенциями, модой, концептами, наработанным языком и т.д. В них есть абсолютная новизна, абсолютное прибавление жизни к жизни, то, что Рильке называл преображением вещей и земли.

Тут я подхожу к своей основной интуиции. Мне кажется, что вдохновение – это (далеко не всегда) та священная сила, действие которой в поэте несомненно вызывает связь пишущего с изначальной глубиной вещей и вообще, форм, той глубиной, откуда само это вдохновение пришло. Не зря в первоначальной поэзии Музы были богинями, а не риторическими фигурами, а Вяч. Иванов, например, предлагал Дионисическое вдохновение сблизить с влиянием вдохновляющего святого духа. Оставив вопрос об этичности Богов пока что в стороне, я хочу сказать, что сверхъестественная сила могла застигать поэта врасплох, овладевать им и создавать через него шедевр (пользуясь поздним словом), причем зачастую сам создатель не обладал при этом сколько-нибудь повышенными этическими достоинствами. Эта тема тревожила Пушкина, когда он создавал жадного Импровизатора, обладающего даром улавливать божественное

вдохновение и тут же воплощать его в совершенные поэтические формы. С точки зрения Сальери таким же недостойным Импровизатором был, например, Моцарт (отличающийся, кстати, в основном, кристальной чистотой жизни, что не отмечено, хотя и намечено Пушкиным). Так вот – не осуществляется ли присутствие абсолютного и неизреченного в творчестве Цветаевой или Лорки – через другое окно, окно священной одержимости при помощи внесловесного ветра. Обратим внимание на то, что этот внесловесный ветер вдохновения намного тоньше и изысканней тех слов, которые он, долетев до поэта, рождает в его душе и гортани. Что слова, которые он вызывает к жизни, во-первых, намного грубей этого источника паруса, а во-вторых, вынося слова на поверхность, этот необусловленный порыв каким-то образом влияет на их эллиптическую (двухцентровую) природу, изменяет удельный вес этой природы и отношения внутренних полюсов, утончает и преображает слова. Весь этот процесс происходит вне осмысления его поэтом в период написания стихотворения, хотя бы потому, что раскладываясь как в квадратики киноленты, проецируясь на них, создающих иллюзию времени, сам свет вдохновения расположен вне времени.

Попросту говоря, не может ли порыв вдохновения сделать для эгоцентрического (эстетического) поэта до какой-то степени задаром, ту работу, которую выполняет поэт этический через глубинное созерцание вещей и явлений? Не может ли он на миг самого поэта сделать "святым", причем понятно, что эта "святость" (этическая безупречность) надолго не удерживается, но все же реально присутствует короткое время творчества, что и дало возможность Пушкину задуматься над тем, совместимы ли гений и злодейство. Тон Латхауэрс пишет об одном буддийском монахе из секты "Чистая земля", который, отчаянно боясь своего несовершенства, был однажды достигнут абсолютным интуитивным знанием, что, если Будда Амида спасает достойных, то недостойных он должен спасти в первую очередь – утверждение логически неубедительное, но открывшееся ему с поразительной достоверностью в виде истины.

Быть может, и в поэзии существует такой канал, через который эгоцентрический и недостойный этически поэт достигает изначальной Чистой земли и имя ему – вдохновение, огонь или дуэнде.

С большим увлечением читаю Ваши переводы Рильке и Целана.

Ваш А.

Н. Б.

4 марта 2015

Дорогой Андрей Михайлович, я думаю, высшая сила не будет ни у кого спрашивать совета и тем более разрешения, надо ли ей вмешиваться в те или иные человеческие дела. Каждый случай человека есть случай исключительный, и потому ничего нельзя исключить. Дух дышит где хочет, и тут книга Иова тоже нам говорит о возможности "невероятных несправедливостей", где чисто человеческая святость (близость к ней в человеческом ее уразумении) как бы презрена и даже наказана, почти обличена, выведена в парадокс. Так что и самые большие заслуги в сфере морально-этической могут не высечь ни одной искры "божественного огня", ибо не возникнет точки острого соприкосновения, но из темных родников какого-нибудь заблудшего, в смысле социально-сообщительном, сердца может протянуться серебряная или алмазная или иная антенна в немислимое и вызвать молнию прозренья, которую еще, конечно, надо воспринять,

вместить в себя, вместить именно туда, где ей и место. Скажем, для меня Лорка поэт, преемствующий некое испанское народное ведовство; некое ухо древнее в нем жило. Это нам чем-то близко отчасти, я думаю, потому, что в Испании столь сильна была связь "гордой бедности" и "рыцарственного духа".

Ведь по большому счету святость есть высшая жизненная сила, скажем та, которую мы можем представить по атмосфере эдемского сада, где сексуального конфликта (ни внутреннего, ни внешнего) не было и в помине и это в нашем смысле тоже отсутствовало и внимание было направлено на некие совершенно иные и ныне забытые модусы и модальности. Собственно, реликтовая интуиция в этом направлении и составляет, признаюсь, одну из сторон поэтической гениальности, мне интересной. Святость есть проявление той высшей жизненности, которую справедливо назвать полнокровным, полносоставным чувством бытия (не жизни только), тем чувством, что слышит (приходится говорить штампами) пульс сердца универсума (не мира только, но всей *misterium magnum*), поскольку только высший слух способен на такое слышание. Такой высший слух и есть инструмент святости, с высокоморальностью мало или вообще не связанной. Как раз в поэзии последнего века "безжизненных" проявлений словесности очень мало. Много именно очень жизненных, очень ярких, шумных, красочных и в бытовом смысле объемно-выпуклых картинок, сцен, переживаний, объемно-представимых порой до навязчивости, даже до прилипчивости, но – внебытийных. Как раз на поверхности вещей, как мне кажется, происходит неслыханно-невиданное количество нового, конвенции не застаиваются, постоянно меняются, равно и моды, так что нюансировки этих пейзажей непрерывно изменчивы и неожиданны, новизна комбинаторики здесь по существу бесконечно гарантирована. Полная иллюзия, что жизнь бурлит, и скучных книг уже не пишут. Но всё это – поверхность, хронос, "здешний мир", почти совершенно коллапсированный, отрезанный: от измерения атмана в нас ("говоря по-восточному") или от нашей первой родины (говоря в традициях библейских). Однако в то же самое время (в то же самое вневремя) из "глубины глубин" идет всегда одно-единое, а отнюдь не многообразно-разное и в этом смысле новое, и, ежели оно берется в качестве эстетического, то оно "скучно". Для эстетического внимания, для эстетического человека великие тексты скучны, равно и музыка. Хотя сила соблазна в ней столь велика (и здесь Рильке прав), что в иных редких случаях ее хватает даже и на профанный слух, в силу великой ее многослойности. Симфонии и концерты Моцарта сегодня ловко приспособили для выбивания слезы десятки, если не сотни кинематографистов.

Вернусь к испанцу. Открываю наугад биографию Лорки, написанную его братом: "Федерико с ранней юности излучал неповторимое очарование человека, погруженного в нереальный (в том числе внеисторический. – *Н.Б.*) мир и одновременно совершенно простого и естественного". Это, я думаю, можно сказать и о Пушкине, и о Моцарте. Открытость к ведовству особого рода.

Мальчик искал свой голос,
спрятанный принцем кузнечиком.
Мальчик искал свой голос
в росных цветочных венчиках.

- Сделал бы я из голоса

колечко необычайное,
мог бы я в это колечко
спрятать свое молчание.

Мальчик искал свой голос
в росных цветочных венчиках,
а голос звенел вдалеке,
одевшись зеленым кузнечиком.

Вот она, мелодия интуитивной трансценденции, превращающий поэта в наследника древних волхвов, называвшихся в Индии ришами, не помню, как их звали в Испании. Ведовство на каких-то глубинах связано перепутьем дорог, где в одном направлении – наша первая родина, эдемский сад, в другом – люцефиризм, исполненный и жара, и страсти, и огня, и чары. Поэзия, и самая первоклассная в этом поле вполне возможна, да и представлена многими-многими именами. Здесь царство возможных тонких подмен, различимых лишь на уровне интуиции, тонкого нюха. Проще говоря, человеку, живущему в двух мирах одновременно, попросту будет скучно слушать чародея сугубо этого мира, отрезанного от всего "божественного" объема. Один из моих любимых дзэнских мастеров говорил ученикам, что у истинного человека даже неистинный дискурс становится истинным. И наоборот. Но кто такой истинный человек? Я это понимаю, как человека, пребывающего в истине, то есть в бытии, где два мира вдвинуты друг в друга. Конечно, такой человек передает ритм истины своим присутствием. Он снимает покров абсолютности с текста как концепции, показывая факультативность и относительность слов в любых отрицаниях и утверждениях. Он понуждает прислушиваться к тому, что *за* словами. А это уже сфера настоящей поэзии.

Разумеется, миги святости случаются со многими людьми и даже не обязательно с поэтами. Но именно миги. Длитель их, разрабатывать словно это рудники – вот задача художника, заслуживающего дара трансценденции. Потому-то для меня всякий художник непременно должен однажды подойти к "теневого черте" и обнаружить рубеж, когда в нем умирает ветхий человек и рождается человек новый. Этот новый человек – человек с чувством перехода, с живым его ощущением. Когда это с тобой происходит, начинаешь ориентироваться в море поэзии, отделяя зерна от плевел, и никакой океан красот эстетического уровня тебя уже не обманет, а красавицу ты разглядишь и под самым заурядным, блеклым одеянием.

Есенин потому, на мой взгляд, и впал в безысходное отчаяние, что вдохновение приходило к нему главным образом через антенну паховой чакры. Сами по себе эти чакры священны, но им необходимо претворение. Он же износил эти энергии дотла, попросту паразитируя на них как на всецело чувственно-эстетических, данных для удовольствий. Но человек-то создан не для удовольствий, тем более поэт. Греховность Есенина (если дозволено говорить о столь щепетильных вещах) не в пьянстве, распутстве и тщеславии (комплекс, уныло повторявшийся у наших поэтов вплоть до Высоцкого и далее), а в том, что эти подростковые дела он всерьез принимал за "бегство в свободу", оставаясь глухо запертым в "здесь", в словесно-матрицированном материальном мороке. Киркегор верно отмечал, что противоположность греха – не добродетель, а неверие в Бога. То есть нечувствование трансценденции, не чувствование ее долга, грех одномерности и потому

вброс всех сил (духовных клеток тела в том числе) в чувственный восторг, в том числе в чувственный восторг стихов, и потому либо глубинная незрелость, либо трусость перед необходимостью перехода на "новую стадию", где, конечно, надо будет оставить все привычные радости, в том числе и три вышеназванные.

Тема, которую вы затронули, конечно, труднейшая, и последнюю точку в ней едва ли кто поставит. Вдохновение, на мой взгляд, явление неоднозначное. Оно не обязательно экстаз, но может быть и энстаз, тихое вслушивание в свой атман с одновременной трансляцией его музыки. То есть, выходит, самовыражение вовсе не обязательно плоско и эгоцентрично. Важно, откуда оно идет, из какого измерения нас самих.

Вдохновение – универсальная энергия, и ей пользуются не только герои, но демоны и асуры. Неужто Сталина вело не вдохновение? Магия универсальна, недаром Хуан Матус у Кастанеды предупреждал, что подавляющее большинство жителей современных городов – это черные маги, не ведающие, конечно, об этом. Следуя этой логике можно предположить, что и значительная часть современной культурной продукции принадлежит сфере "черной магии". Это замкнутый круг.

Другими словами, я ничуть не отрицаю универсальности вдохновения как проводника того или иного духа. Я даже знаю, что форм вдохновения, способов его выявления бывает множество. Ведь вдохновение приходит не только к тишайшему насельнику отдаленного скита, становясь фактом его глубоко потаенной внутренней жизни, или к чаньскому анониму, очищая его внутреннее пространство внезапной диалогической волной, вдохновение является к нам иной раз не только чистейшим прикосновением друга внутри нас самих, друга, который тайно нас ведет, иногда показываясь во плоти, иногда надолго растворяясь в Нигде, но вдохновение присутствует и в дионисических речевых экстазах какого-нибудь Нерона, Муссолини или Гитлера. Я не читал "Майн Кампф", но два художественно экспертных человека признавались мне, что с точки зрения эстетики книга написана превосходно. Дух духу рознь, и вдохновение – не сладенькая конфета, дарящая всем исцеление. Пушкин однажды с горечью написал: "Поэт, не дорожи любовью народной..." Пассионарные личности умеют привлекать к себе вдохновение и вести за собой "малых сих". Толпа шарахается от одного вдохновенного к другому. Вот почему истинный поэт не ищет толпу. Истинного жреца надо уметь найти. На эту тему много сказано и написано еще с древности. «Не всякому духу верьте, но испытывайте, от Бога ли он...»

Так что доказательство "от вдохновения" для меня лично онтологически не самое глубинное. В состоянии вдохновения люди совершают в том числе и чудовищные злодеяния. Начальные стадии вхождения в экстаз дают алкоголь и наркотики. Берсеркер, выпив настой гриба-мухомора, входил в такой раж бесстрашия и неуязвимости, что после битвы ровным счетом ничего не помнил. Типов вдохновение несчетно, как несчетно типов духов, способных нас посещать. Лично я подозреваю, что вся совокупная культурная продукция человечества последних нескольких столетий есть результат проекции именно таки черного, тлетворного, насквозь тщеславного вдохновения. Я полагаю, что мы, жители кали-юги, едва ли знаем, *что* есть вдохновение предыдущих юг, несравненно более близких к "ангельскому чину" бытия. Ныне извращено не только понимание "вдохновения", но и понимание "Логоса". Эти символы приспособлены к нашему прагматико-эгоцентрическому мышлению, питающемуся Иллюзией. Так что бедствование

самого нашего поэтического измерения есть не вина наших поэтов (избави бог так считать!), а их беда, наша общая трагическая участь.

Вдохновение в поэзии дает произведению эстетическую безупречность. Должно ли это побуждать меня к преклонению? Ни в коем разе. В этом-то и существо столь перезрелой эпохи, как наша. Нас пытаются поймать на крючок эстетической безупречности товара. В нас, конечно, срабатывает первая эмоция восхищения. Но если мы найдем в себе духовное мужество и пойдем дальше и спросим себя: а нравится ли мне это *на самом деле*, нравится ли это глубинам моей души, моим, именно моим глубинам, а не отвлеченно-общей душе эстетического воспринимателя современного мегаполиса? Я частенько спрашиваю себя: а на самом ли деле *именно ты* любишь эти стихи, а может быть их любит твое эго, слитое с эго социумной референтной группы? Вот здесь-то и начинается работа. Как очень верно сказал кто-то из православных богословов, "пребывая в этом мире, надо постоянно из него уходить". НБ

Андрей Тавров

5 марта 2015 г.

Дорогой Николай Федорович!

Спасибо, за письмо, которое я сейчас перечитываю. В нем много мест, которые я когда-то выговаривал от себя почти слово в слово в моих статьях, что меня радует и вдохновляет. Место о перекрестках Люциферического жара и бытийных траекторий для меня особенно интересно, ибо отправляет к дальнейшим наблюдениям. Хотелось бы вывесить Ваше письмо в нашем ЖЖ. Как Вы к этому отнесетесь?

6 марта 2015 г.

Николай Федорович! Мне очень близко, то, что Вы пишете, как в последнем письме, так и в своих статьях. Переведя на более поэтический и необязательный язык, я бы выразил одну из центральных идей так, что ли – в современной поэзии, грубо говоря, присутствуют две основные техники – техника коллажа и техника витража. Коллаж прозрачен только для видения ряда слоев собственного (языкового) материала и представляет собой язык, развернутый на себя, забывший о том, что по В. Шкловскому, например, слово – факт жизни, а не языка. Витраж – это стихотворение, словно нарисованное на стекле, за которым располагается основное – солнце, звезды, сам источник всего, сама дословесная безмерность. Такое стихотворение на деле может не упомянуть о застекельности ни словом, оно ее – являет. Так закопченное стекло являет подробному рассмотрению лик солнца при затмении. Так витраж говорит не просто об истории, на нем изображенной, но – об истории, пронизанной светом солнца, а точнее – светом Бытия, изначальным светом. А.

16 марта 2015

Дорогой Николай Федорович!

Попытался написать Вам письмо, но оно пошло в форме, скорее, вопросов к самому себе и в результате оказалось весьма сбивчивым. Наверное, можно было бы и не отправлять, и все же я рискну, рассчитывая на Ваше великодушие.

Можно ли возвратиться в *сад Отца* после веков отпадения, веков, когда мы в

себе и других этого Отца уничтожали в лице людей, зверей, самих себя и его сына, например? В чем тайна Гефсимании – не в том ли, что все разговоры о карме перестали иметь под собой прежнюю основу, что она как неизбежность была снята? Чего это стоило Иисусу и что творилось в его душе? – Вот вопросы на которые, мне кажется, у моего разума нет ответа, но которые продолжают манить, мучить и заставлять чувствовать родство со всем миром именно через те непосильные страдания в отверженности от постоянного контакта с Бытием Отца, про которую Пастернак сказал: <и был теперь, как смертные, как мы>.

М. Цветаева восхищалась тем, что Рильке не нуждается в посреднике (Христе), что он силен обойтись без него, а Яков Кротов (священник), например, пишет, что давайте будем маленькими и слабыми, как нас учил Христос. Обе точки зрения мне не близки:

Тут частичный ответ для меня в том, что каждый творит своего Христа, своего Будду, свою вселенную и, самое поразительное, что Она не возражает. Конечно же, единственный грех – отрыв от Бытия, об этом и Антоний Сурожский прекрасно писал (<единственный грех – утрата контакта с собственной глубиной>). Одно есть условие к таким <созданиям> разума, как Христос или Будда или Бытие и, на мой взгляд, оно заключается в том, что их ощущение должно располагаться вне времени. То, что располагается во времени всегда непоправимо замутнено и испорчено Роком, Фатумом, падшестью. Если я чувствую вещь или Христа вне времени и вне слова (ему, слову, как и року, туда тоже не втиснуться), тогда я имею возможность ощутить некоторый уровень подлинности, достоверности, <звательности>, которая тоже располагается вне времени, прежде слова. (Слово и возникает как ответ на эту вневременную звательность вещей мира, обращенную ко мне). Мне кажется, что и Кротов и Цветаева слишком сильно живут во времени, осуществляя свои интуиции.

Невероятное напряжение сил, о котором Вы пишете, говоря о святости после Эдема – для меня ценное и уточняющее наблюдение, требующее дальнейшего осознания. Мне, например, в течение целых периодов каждый день дается с боем, если уж речь идет о святости как устремлении и связи с Началом всего, иногда мне кажется, что все мое существо именно прелая бумага, через которую пробирается сминаящий ее призыв. На этом фоне удивительна органичность жизни Христа, не знавшего никаких <психологических> и других судорог и экстазов.

Мне кажется, что Иисус именно осуществил ту анонимность, о которой Вы пишете прекрасные слова (применительно к творчеству), меня восхищающие. Сказать Я и Отец – одно, это не выпятить себя, а совершенно – убрать себя. Тут ведь если и есть для других посредничество, то какое-то странное – до полного исчезновения, в котором все равно не затеряться. Думаю, что именно Иисус показал как обходиться без посредников, полностью нераздельно исчезая в Отце и все же <не сливаясь> с ним – вот условие для изначальной личности, которое умом не взять, но Рублев (в Троице) мне это открыл больше, чем богословие. Скорее всего, он это и предлагал ученикам – себя как полное исчезновение в Отце, как Дверь, причем, дверь открытую – пустоту. Удивительно тут то, что миг исчезновения и есть миг проявления.

Можно ли сквозь весь ужас истории (расположенной внутри каждого) придти к

Дому, оставшемуся неизменным? Или сам Дом содержит что-то такое, что вечно растворяет этот ужас, отзываясь на него, быть может, поднимая его до нестерпимой красоты:, но он не может не откликнуться (откликаться) на него хотя бы новым ручьем любви или слезой, что не одно ли и то же? Каббала ведь пишет о том, что Бога трогает молитва. Или ее, историю, надо рассматривать как некоторую духовную машину для отошедших от святости и служащую ее восстановлению? Невозможно: но Бога, страдающего внутри и вместе с историей знали уже греки. Выйти из истории без разрыва себя, мне кажется, невозможно. Но этот разрыв как раз и служит ее снятию, изживанию ее монолитного временного и тупого тарана, устрашающе наглядного и авторитетного для большинства жителей социума. Другое дело – <беспристрастен ли> остается при этом Эдем? – простите мне такую наивную и обусловленную словами постановку вопроса.

Я сейчас читаю Ваше эссе к восьмой Элегии и чувствую, что дышу живым воздухом. Удивительно, что мало кто способен понять, что Вы сделали для <русского Рильке>, выведя его из области <поэзии> в область жизни. Вероятно потому, что тот уровень жизни, о котором идет речь у Рильке, просто недоступен, к сожалению, большинству авторов переводов да и их читателям (знакомым поэтам, в данном случае, с которыми я иногда поднимаю эту тему).

Думаю, что Рильке жил и обитал большей частью в мире причин, о котором говорится в самом начале Дао Де Цзина, а общее восприятие загипнотизировано миром следствий. Смести этот акцент – и от Рильке ничего не останется ни в подлиннике, ни в переводе.

Н. Б.

20 марта 2015

Дорогой Андрей Михайлович, Ваше письмо вонзается в наш сегодняшний кровотокающий центр. Здесь, конечно, всё решается не теми или иными "мировоззренческими решениями", не постулатами, но исходной точкой силы или, точнее, той жёлкой, тем ручейком силы, которые у каждого свои. У каждого есть такой дарованный "сакральной силой" секрет, некий ключ к миру и к внемирности. В сущности, мы, взрослая, лишь вслушиваемся всё более внимательно в этот изначальный шепот, в ту "вневременность", которая все же отчуждена от истории, и живя в истории в качестве оболочки, бытийствует все же в том, где она пустотна в смысле кротости и нищеты, в смысле не искания тех ложных самоутверждений, приводящих к краху не только "научное сообщество", но и всех отдельных искателей. История не в состоянии ничего сделать с приватным существом, чья сущность не принадлежит никому, кроме того, кто создает феномен Великого Отсутствия. Есть неуловимость ни в какие сети, она-то и корректирует наш путь возможной расшифровки той "вести", которая в нас вложена при рождении, весть эта еще была потенциальной (зерно), хотя уже и хранящей все потенции.

Путей много, но нельзя сказать, какой самый истинный, поскольку ни один путь никуда не ведет (говорю штампами, но в данном случае оправданными), ведь подлинное движение внеременно (не объяснимо из времени) и тем более внепространственно. Принять вариант краха "эдемского дома" и нашей "сирости-брошенности" – значит пойти одной внутренней дорогой. Принять вариант чаньский, что твоя душа и твое сознание

изначально чисты, изначально полны исходного света, – значит пойти иной внутренней дорогой. (Хотя в моем личном опыте они вполне естественно взаимосплетены). "Простор открыт – ничего святого!" Ибо святость изначально, вы верно сказали – она из мира причин, истоков, корней. У Рильке было множество посредников между ним и Богом. Всё говорило ему об иномирье, всё говорило ему, что из щелей мироздания (а каждая вещь есть щель) бьет или сочится тайна, непознаваемое, мощнейший ураган сверхмерного, неподъемного (и потому смертельно опасного) Блага. Удержаться на тонком пограничье, выдержать и зовы ангелов, и кровавый натиск низинного социумного морока.

Мне кажется, Христос, после огромных духовных поражений, упадка еврейского духа, о чем свидетельство поздних иудейских пророков, дал толчок именно вненациональной потаенной жажде в человеке выбраться все же из морока следствий первородного греха. Это был указующий жест оптимизма: каждый может дать умереть в себе "ветхому" человеку (со всем его багажом и со всем накопившемся хламом) и родить в себе человека "нового", то есть начавшего осознанный возврат в эдемскую обитель, то есть назад из "мира науки", из мира, которым правит история и т.п. Разумеется, это требует полного внутреннего переворота и полного восстания против "духа времени". Потому это был и остается путь для немногих. Однако важно не это, а то, что этот путь существует, а это и есть как раз путь к свободе от греха, то есть от недоверия к Бытию. Но Бытие-то пребывает вне временных координат, в этом смысл наших попыток его касаний. Здесь точки, лежащие не на плоскости.

Пока всё. Я, конечно, перечитаю Ваше письмо и поразмышляю над ним более внимательно, там есть во что всмотреться. Мне хотелось бы осознать существо противоречия, которое Вы наметили, которое Вас мучит, осознать более тактильно-ощутимо. Спасибо за доверие. Ваш НБ.

20 марта 2015, вечер

Дорогой Андрей Михайлович, вдогонку к сегодняшнему утреннему письму. Тема тянет саму себя. Конечно, едва ли я сказал (да и могу сказать) что-то для вас новое, но, во-первых, не обязательно ведь при встречах в переулке с добрым знакомым говорить о чем-то кричаще оригинальном (собственно, даже нежелательно), а во-вторых, "банальности" всякий раз проживаются заново, как будто никого до нас не было. Как это ни покажется странным, но без истории нашего грехопадения (библейский миф) ничего не понять нам в тщетности современного человека. (Гнилость ткани, из которой шьется человек). Святость первых людей была естественна и присутственна, абсолютно ненатужна. Они бродили/странствовали по земному саду, встречаясь иной раз с Богом и беседуя с ним так же ненапряженно и искренне-простоудушно как с любым растением или зверем. Хотя и с особым благоговением. Так я наивно полагаю. Таков был их модус бытийства. По сравнению с нашим нынешним он был невероятно внутренне энергоёмок (хотя слово это здесь неудачно, ибо испорчено современным технологическим трюкачеством), ибо немислимо чист от всякого мусора и психических отягощений. Эта неконфликтность сознания создавала особый модус парения, я думаю. В нашем падшем мире святость есть прежде всего выражение особого сверхмерного напряжения в чувствовании происходящего события жизни. Здесь то высшее качество желания и высшее напряжение (жажда), которые одни только и ведут к целомудрию. Здесь ищет себе выхода сверхмерная, идущая из интуитивных глубин взволнованность происходящим,

непреходящее ощущение *сверхъестественной* природы всего без исключения, взволнованность эта приводит к непрерывному внутреннему блистанию. И неважно, сколько при этом собственно биологической витальности в человеке, переполнен он соками здоровья как Пушкин и Швейцер или угасает, начиная буквально с подросткового возраста, как Кьеркегор, Рильке или Симона. Здесь иные законы бушевания этой переполняющей силы/страсти. Ведь гуляя по эдемскому саду рядом с Богом (подобие), человек вовсе не подпрыгивал в нервном экстазе. Он был немислимо прозрачно-промыт. Это был иной материал, иное вещество, хотя мы и наследуем ему в чем-то грубом, в измерении скотского.

Кстати, представив эти прогулки по саду и общение вне слов, вне интеллектуального (двоичного) дискурса (что и было чистой поэзией), мы можем как-то уже представить себе и ту особость первоначального Логоса-Ритма (Мантры), из которой некогда "пошло Всё". Тут может быть нам дан некий намек на характер этого таинственного Перворитма-Перводыхания-Первоблагословления-Первозавета.

Потому-то без понимания абсолютной важности *возвращения* на эту нашу первую родину ничего путного в искусстве быть не может. Лишь шум и чехарда подросткового уровня.

Удивительно, что вот прямо сейчас прочел замечательное наблюдение о. А. Шмемана: «Изначальное таинство покаяния было целиком сосредоточено на одном: на *измене* Церкви, то есть воплощаемой и являемой ею *реальности*. Грех осознавался прежде всего как измена "новой жизни", выпадение из нее. Он был *разрывом, отпадением, предательством*, так же как *святость* понималась не как "нравственное совершенство", а как "онтологически" *верность* Христу и Его Царству. Нравственное учение Евангелия – эсхатологично, а не "этично". *Сущность греха* – не просто нарушение "закона", а отпадение от Бога и от жизни, от подлинного "вожделения"...» Смотрите, Шмеман эдемское влечение к бытию и жажду называет "подлинным вождением", то есть не отрекается от мощи тяготения, которая только и способна дать, скажем, сороковая симфония Моцарта (конечно, это уже я). «Таким образом, таинство покаяния – это *возврат*, это возвращение, путем раскаяния в "новую жизнь", уже данную, уже явленную...» Прямо в яблочко. Христос призвал к творчеству возврата на первую нашу родину, в сад Отца. И подкрепил своими обетованиями. Слабым это нужно. Нужно ли это сильным? Взрыв силы во Франциске был ли обусловлен исключительно образом Христа? Судя по биографии, нет. Юноша внезапно открыл для себя бедность как кардинальное свойство Бога, как измерение, которое (будучи взято и явлено в абсолюте) странным образом касается эдемского. Это его пронзило, и бьющая из него жизненность преобразовалась в бытийство. Ваш НБ.

3 апреля 2015

Дорогой Андрей Михайлович, я как-то спонтанно позволил себе поставить в мою дневниковую дорожку на моем сайте не только то письмо к Вам, которое Вы взяли в ваш ЖЖ, но и Ваше письмо ко мне, откликом на которое мое письмо и стало. (Лишь в диалоге вполне понятны смыслы и интонации). Если Вам это по какой-то причине неприятно, я немедленно сниму Ваше письмо, тем более, что посетителей моей дорожки весьма немного и они почти все местные люди.

НБ.

P.S. Читаю параллельно Флоренского и Розанова и снова поражаюсь, как они при принципиальнейших (сейчас бы сказали – кричащих) разногласиях в вопросах веры умели универсально-глубоко слушать и вникать во "внутренние шорохи" друг друга. Что-то удивительное по благородству и ментальной тонкости.

Андрей Тавров

5 апреля 2015 г.

Дорогой Николай Федорович!

Я очень рад участвовать в Вашем сайте таким образом – для меня Вы сегодня, пожалуй, единственный собеседник, с которым я поднимаю такие темы вполне открыто, хоть и не без скованности, которая, думаю, со временем исчезнет. Культура диалога – это огромная утрата на сегодня. Ведь ставя качество диалога выше личности, участники выходят за пределы иллюзорного эго или хотя бы практикуют такую возможность, что позволяет слышать и видеть. Это, действительно, поразительная форма (и одна из главнейших) общения с миром, когда позволяешь собеседнику себя видеть, лишь потому что от себя концептуально отказываешься (помните, та стена у Рильке, которая видит ящерицами?). Я только час назад приехал из Сочи (это моя родина). Жил в горах у друга, слушал дроздов и хрустальные вопли шакалов.

Ваш А.

Н. Б.

29 июня 2015

Дорогой Андрей Михайлович! Испытывал радость, читая Ваши эссе в "Финбране".

Так это родственно. То, о чем вы пишете в "Эссе не для всех", проверено мною на опыте, если хотите – удостоверено. Как хорош "Дирижабль"! Кстати, о том, что настоящий полет вневременен, пишет и Рильке в 23 сонете первой части (стр.41, кн.6). Очень верно и тонко о деградации нашего видения самих себя и тела в том числе, ибо обычно трактуется об "объективной" деградации нашего мира как падшего. Возможно, что мир сам в себе (мир-в-боге) и не претерпевал упадка, не претерпел (хотя как же он мог не претерпеть его, ежели пал один из приближеннейших ангелов? разве трещина могла не пройти по миру?) Но ведь эта трещина в мире-в-Боге, и мы бы страдали из-за нее почти так же страстно как Господь, если бы оставались с Ним. Но мы ушли, и следовательно этой трещины словно бы и не заметили, а может и без *словно* не заметили. И вот это-то и жутко. Эта ненаблюдательность и есть начало падения, ненаблюдательность касательно того, что суще миру как божественному, то есть истинному. Мир пал вследствие нашего ухода из прежнего исходного видения телесного (плотского) как нетелесного, неплотского. Утрата той модальности, которая так трудно, почти невероятно трудно поддается хотя бы приблизительным нашим реставрациям, попыткам этих реставраций.

И еще два практических момента. <...> И еще одно, касательно Рильке. Есть в рилькеане среди четырех мемуарных женских книг о поэте две особенно важных и знаменитых: книжка Лу Саломе и книжка княгини Турн-унд-Таксис. Оба текста бесценны по информации и взгляду изнутри женского состава. На них иногда ссылаются рилькеведы, но по-русски они не выходили. (Кстати, лишь эти две можно печатать, не запрашивая прав: срок после смерти авторов более 75 лет). Так вот, я их перевел, снабдил

примечаниями и подробным (ибо необходимым) послесловием. Общий объем – 12 а. л. Ищу издателя. Не заинтересует ли этим "Русский Гулливер"? НБ.

Андрей Тавров

7 июля 2015 г.

Дорогой Николай Федорович!

Только вчера приехал из деревни. Спасибо за письмо и отклик на мои эссе, для меня это очень весомо. Всего несколько человек есть на сегодня, к отзывам которых я отношусь с полноценным вниманием, и Вы среди них. Думаю, это 2-3 имени всего. Ваши слова о телесности для меня тема для дальнейших неторопливых размышлений, благодарен Вам за нее. Я был бы признателен за новые эссе, вне связи – были они опубликованы или нет. Сейчас в печать готовится номер журнала, посвященный Армянской литературе. Если бы Ваши эссе хотя бы по касательной задевали тему прозы-поэзии как традиции, как исторического ареала византийского наследия... Но это не обязательно. Если материал будет в принципе о поэзии и прозе – их становлении, замечательно. Пришлите 3 вещи, пожалуйста не очень больших размеров, я покажу на редколлегии, которая состоит не только из людей, разделяющих мои вкусы. Пришлите мне также Ваши переводы Лу и Турн-унд-Таксис, я покажу их Вадиму Месяцу и попробую его заинтересовать. Я в Москве до 14 июля, потом собираюсь вернуться в деревню. Так что чем быстрее Вы пришлете эссе, тем лучше, потому что в деревне связь довольно-таки медленная и лишь через смартфон, небольшие объемы.

Спасибо, дорогой Николай Федорович, и мои пожелания Вам новых работ, которые я жду, думаю, что далеко не один в Москве.

Ваш А.

8 августа 2015 г.

Дорогой Николай Федорович!

К сожалению, Вадим Месяц выступил против издания "Воспоминаний". Это не вписывается в его сегодняшние идеи по поводу формата изданий. Мне очень жаль, потому что я все же надеялся на благоприятную возможность. К сожалению, людей, понимающих уникальность таких материалов не так много. И все же радуется, что они есть на свете, и, похоже, их численность может и вырасти на фоне, казалось бы, безысходного одичания.

Ваш Андрей.

Н. Б.

8 августа 2015 г.

Андрей Михайлович, спасибо за ответ. Я путешествую, в Челябинске буду в начале августа, поэтому сейчас могу выслать только фрагменты двух названных книг. То, что Месяцу это неинтересно, не страшно, у меня есть другие варианты. Сожалею, если внес разногласия в Ваши отношения с директором "Гулливера". Творческих Вам летних дней и звездных ночей. Ваш НБ.

Андрей Тавров

9 августа 2015 г.

Дорогой Николай Федорович!

Никакого вреда в данном раскладе я не претерпел. А вот пользы, которую я получил, читая Ваши книги – принял много. Более того, думаю, что Вы для меня источник незамутненной воды, каких за всю жизнь могу перечислить по пальцам (ну, если не сам Источник, то хотя бы проводник живой воды))). Так что не тревожьтесь об этом. Я очень рад, что Ваши книги заинтересовали издательства, дай им Бог легкой и плодотворной судьбы. Завтра еду в деревню дописывать кое-какие работы. Но почта джимейл у меня там есть.

Ваш А.

Н. Б.

29 октября 2015 г.

Добрый вечер, Андрей Михайлович! Всё забываю одну маленькую ремарку: мой опус "Снег идет..." (внутри той подборки, которую Вам когда-то посылал) я переписал почти полностью; это я на случай, если вы вдруг захотели бы его, столь корявый, поставить в журнал. Прочел манифест Вадима Месяца, в хорошем смысле поулыбался. Манифесты вообще надо писать для самого себя каждый месяц, правда. Но именно что для самого себя. Тогда они будут крепче. Со своим двухгодичной давности манифестом я ничуть уже не солидарен, а уж с его формой – избави Боже. И еще одна просьба: не могли бы вы прислать PDF моих "Писем к Орфею"? Ваш НБ.

Андрей Тавров

30 октября 2015 г.

Дорогой Николай Федорович!

Манифесты – жанр смешной, юмористический, пытающийся что-то зафиксировать в мире, где это невозможно, или, в случае осознания этого – шутейный и веселящийся. Думаю, что манифесты Вадима, в основном, относятся ко второму разряду. Я уже несколько лет после периодического созерцания гексаграмм И-цзин томлюсь мукой смертной, мечтая провести сюда хоть одно стихотворение, равное листу или снежинке – мгновенное, говорящее вне слов, существующее "так", несомненное в перемене. Сегодня в парке с тоской и счастьем вглядывался в желтый кленовый лист, прикидывая возможность схожего стихотворения. Не знаю, увенчается ли эта мука результатом, но надеюсь. Идеальное стихотворение мне все больше представляется как если бы с двух лопат одновременно кинули бы два разных вида грунта и они бы на миг пересеклись в полете, образовав разнофактурное, но общее облако. Вспыхнув вне времени единством и скоростью.

Ваша публикация и множество других, к сожалению, отодвигаются из-за того, что возникают внеочередные номера, привязанные либо к праздникам, либо к литературным конференциям. В данный момент я занимаюсь внеочередным "армянским" номером, а следующий еще непонятен, Вадим тут определяет больше, чем я... Присылайте Вашу новую подборку с исправленными вещами, с той очередностью, какую сочтете нужной.

Прилагаю ПДФ "Писем".

Читал недавно Ваше предисловие к Траклю с благодарностью и волнением.

Ваш А.

Н. Б.

31 октября 2015 г.

Андрей Михайлович, спасибо за PDF и за приглашение продолжать участвовать. Прочитав Ваши мысли об идеальном стихотворении, я вспомнил о своем тексте, где косвенно об этом речь, а иногда и не косвенно. Шлю его. <...> Вообще-то слово "идеал" (Ваши заметки об идеальном стихотворении) коварно... Ваш НБ.

10 ноября 2015 г. <Ответ на еще не найденное письмо>

<...> А если еще дальше вглубь, то вся электронная система связи для меня под вопросом как форма греховности, в которую я коготком увяз. Для меня постоянным незримым укором – бытие одного знакомого московского поэта, моего ровесника, который так и не завел компьютера, электронную почту, не поддался соблазну мобильного телефона, но остается при этом центром притяжения для многих существ вокруг (поэтов в том числе), генерируя негромкую энергию, но особого, редкого типа: персонально-чутко-избирательную. Разумеется, у каждого свои обстоятельства пробуждения экзистенции, кто-то просто не может (так ему по крайней мере кажется) выжить без электронной переписки; и все же тихую музыку его героизма я слышу, хотя он-то бы рассмеялся, услышав такой мой пафос, ведь это всё для него абсолютно естественно и вне малейших интеллектуальных или волевых усилий. Разумеется, это лишь крошечный (!) пример музыки укора, который я слышу так же и из иных некоторых мест. Надо ли говорить, что это не жалоба. Впрочем, возможно и бессознательная попытка восстановить чуть потерянное равновесие. Но разве всё, что делается под видом "творчества", не есть именно что нескончаемая попытка восстановить утраченное некогда равновесие? Не есть ли всё это – разнообразные йогические позы в пространстве не вполне физическом? Возникает вопрос: достаточно ли какой-то одной-единственной позы? И существует ли она – абсолютно-царственная и аристократически-безупречная? Быть может, наш удел как раз и есть это трансформационное балансирование на "границах миров" (с угрозой свалиться, рухнуть в слишком этот или в слишком тот), то, что мы считаем танцем на острие бритвы, для которого, чтобы не сверзнуться, как раз и нужны равновесие и вдохновение. Танец на территории этого мира, сколь бы он ни был хорош, все же не есть настоящий танец. Здесь сонмы эстетических игроков, мастеров ничем не рискующих красот и эффектных поз, но это всегда не последний танец (хотя бы потому, что здесь всегда рассчитывают на аплодисменты). И лишь танец пограничья что-то значит, лишь он пробивает ток, схватывая ту в нас суть, по которой мы ностальгируем. Здесь-то, в этом пограничье, и создается подлинное (а не сугубо эстетическое) равновесие. Но в этом пространстве "произведением" может оказаться то, что и не нуждается ни в каком обнародовании. Когда прекратится эстетическое доминирование слишком этого мира, возникнет другое искусство. В сущности, только оно-то и нужно душе, той, что тоскует по возврату в "дом", выстраивая его контуры в сновиденности реликтовых воспоминаний. Архитектура идеального стихотворения, если бы оно было возможно, напоминала бы силуэт этого дома в окружении родного, то есть "вечного" ландшафта. НБ.

Андрей Тавров

12 ноября 2015 г.

Дорогой Николай Федорович!

Ваши листочки (фрагменты из моих "Записок гиперборея", полностью так и не опубликованных. – Н.Б.), вначале показавшиеся мне грубоватыми, произвели на меня очень сильное впечатление. Вы один из немногих людей, который позволяет себе говорить правду, не оглядываясь на то или иное мнение, а на сегодня для этого нужно большое мужество. Такое мужество кроется в опоре на силу, бóльшую, чем та, на которой стоит сегодняшней социум. Такое мужество заразительно и вдохновляет. Перечитав листки Гипербореи, я понял, что они никого не могут по существу задеть, тем не менее, заденут. Ибо есть некоторое культурно-обусловленное соглашение участников лит-процесса, по которому слово плебей рядом с Бродским это хуже, чем оскорбление собственной мамы)). В обычае современного человека отождествлять "себя" с некоторой системой приоритетных ценностей, а не с неименуемой собственной глубинной природой, и в силу этого, такие оценки звучат для них как посягательство на собственную жизнь в прямом смысле, несмотря на дальнейшие разъяснения по поводу того, что это относится (определение плебейства) в той или иной степени и к автору, по его словам. Ваши наблюдения – это расшатывание дурной магии, которая обладает гипнотическим действием на членов современного культурного сообщества. Меня тоже упрекают в "религиозности", имея в виду, что правильно писать сегодня – это вообще обходиться без намека на слово Бог, Бытие, Источник, к которым в стихах я обращаюсь, впрочем, редко. Не сговариваясь, смотрю на лица в метро, вглядывающиеся всем вагоном в мерцающие экранчики – с оторопью. Такое ощущение, что внимание, доля которого требуется хоть для того, чтобы задержаться на дереве или фразе из книги, отобрано как вид энергии и перенаправлено в нужную для матрицы отводную трубу. Картинка с одной стороны юмористическая, с другой – страшноватая.

Ваша идея пограничности и баланса мне очень близка, и конечно же ничего нельзя раз и навсегда. Вообще ничего, по-моему. И только в этом балансирующем мужестве быть, всей силой принимая все новые болезненные вызовы и есть залог жизни, отвечающей на тихий призыв Высшего, если уж выражаться высокопарно.

Идея анонимного письма, мне кажется, невероятно ценной, но хорошо бы понять, как следует, природу такой анонимности. Письмо *как бы никому*, мне кажется, это только предварительный подступ к делу. Потому что он отрицает важнейший духовный принцип – служение. Мне предложено передавать то, что хочет через меня (любого, хорошего или плохого, сильного или немощного) на сегодня передать другим людям Высшее. Я проток, а не озеро, пусть даже анонимное. Моя истинная анонимность в том, чтобы забыть о себе, передавая. И тогда я получу новые силы к следующим работам такого рода. Я, исчезнувшее в такой передаче, и есть внутренняя анонимность. Поэтому можно вполне писать, адресуясь к неведомому читателю, и даже к ведомому, в процессе этого письма, растождествляясь с эгоцентризмом и предполагая, что обретаемая в нем (письме) терапия коснется и читателя. Зная, что это не моя заслуга и даже не ведая, каким образом это осуществится.

Ваше одиночество, а я думаю, что у человека, занимающегося тем, чем Вы, его не может не быть – невероятно плодотворно, потому что разделено с "одиночеством Бога". Еще раз спасибо Вам за Ваше бесстрашие и заряд бодрости, который я почерпнул из Вашей "Гипербореи". Если Вы не возражаете, я перешлю эти страницы Марианне Ионовой.

На связи,

Андрей.

И вот еще – мне кажется, на глубине глубин этика и эстетика нераздельны, и, если эстетика не забыла своего кровного родства, то она может даже и преобладать у художника, во всяком случае внешне, а внутренне уходить, ведя за собой, желаемого, к тому пространству, где красота и правда сплавлены в Софию-Мудрость. Это, естественно, не императивы, а некоторые личностные на сегодня утверждения, на которые мне можно опереться. Что касается манипуляций с эстетическим и только с ним – это, конечно же, духовное плебейство, и я не раз говорил об этом на вечерах, где современный "прогресс" письма выдавался за единственную правду искусства, и докладчик как будто забывал, что этому "искусству" срок – с утра до обеда, а предшествующее жило, накапливая прозрения веками и тысячелетиями.

Н. Б.

25 декабря 2015 г.

Добрый вечер, Андрей Михайлович! Шлю Вам предновогодние приветы и пожелания. Конечно, прежде всего здоровья физического, а затем и остального! А Рождество, оно, конечно же, наступит! Ибо где оно как не в нас. Шлю Вам солидную подборку переводов из Целана. Для Гвидеона. У меня такой умысел: Вы сами отберете какую-то небольшую часть. Исхожу из наивного помысла, что вам интересен Целан. В то же время знаю, как Вы невероятно загружены. В этом случае, разумеется, я сам составлю подборку, хотя едва ли она будет слишком точна в выборе. <...> Читая Целана, Вы, конечно, обратите внимание на то, что я не делаю поясняющих сносок. Они у меня есть, но я их намеренно убрал, ибо сам-то Целан публиковал свои книги стихов без малейших комментариев и даже бурно противился, если в журналах кто-нибудь из издателей указывал даже только год создания стихотворения. Он как раз страшился "бытовых" расшифровок своего шифрования. Конечно, его стихи большей частью вырастали из конкретных ситуаций его повседневности, в них много точек его биографической конкретики. Однако читаемые вне этого знания стихи вырастают в энергиях суггестивной напряженности. На это он и рассчитывал, я думаю. НБ.

Андрей Тавров

28 декабря 2015 г.

Дорогой Николай Федорович!

Спасибо за письмо, Целана и подарок. Надеюсь, подборка появится на наших страницах, несмотря на все новые идеи редколлегии по поводу чеховской простоты (не люблю Чехова) и наглядности изложения. Если хотите, можете составить подборку сами, и я думаю, что ее хорошо бы предварить со временем (ближе к делу) краткой преамбулой. Спасибо за поздравления в адрес Марианны, мы с ней недавно гуляли в Царицыне и, вообще, переписываемся, обязательно передам.

Моя загруженность с Вашей не сравнится, кстати, судя по ритму, в котором выходят Ваши статьи и записи. Я перечитываю Вашего Пушкина, и многое отдается. Такой подход, как в первой статье (о пустотности Пушкина, о его дзэнской интуиции), я думаю изначально правомерен, хотя мысль о том, что христианская интенция Пушкина погубила (простите, что я так уж грубо пересказываю), мне кажется спорной, или, во всяком случае,

требующей дальнейшего развития. Христианство видимое и церковь невидимая, куда, кстати, я и Вас отношу – разные вещи, как я это понимаю.

Спасибо за поздравления с Рождеством, конечно же, оно внутри, как и все самое главное. Рождаться внутрь – всем нам! Если конечно есть "внутри" и "наружу" и они не одно и то же. А у меня по приоритетам чтения этот год – год Болдырева, я думаю.
Ваш Андрей.

Н. Б.

28 декабря 2015 г.

Добрый вечер (уже у нас), Андрей Михайлович! По поводу Целана договорились: я сделаю небольшую подборку с наиболее "внятными" текстами. Говоря о моей "продзэнской" грубоватой трактовке Пушкина, Вы совершенно правы, то мой давнишний и во многом намеренно провокативный набросок. Поэтому я и попытался, готовя книжку "П. против П.", углубить тему, войти в чуть более тонкие ее слои ("Духовной жаждою томим"), оставив открытым финал. (Хотя чем дальше пытаешься продвинуться вглубь, тем мощнее чувствуешь, почти тактильно, как холоднее и ледянее становится твой потенциальный читатель). По сути же здесь тайны и тайны: судьбы неуловимостей. Чудо волшебной жизни остается за пределом интерпретации. Ваш НБ.

Андрей Тавров

29 декабря 2015 г.

Жду в таком случае подборку переводов, Николай Федорович!

Сегодня не в очень хорошем состоянии отправился за водой – у нас тут родники в парке, и медитация между сосен меня выпрямила и исцелила, а поди передай ее словами. То, что Вы сказали про Пушкина – единственно внятное и фундаментальное – в том, смысле, что на этом стоит здание хотя бы приблизительного понимания АС, так как все остальное (теории и исследования природы его творчества) – отскакивает или ускользает. Это к Вашему замечанию по поводу предела интерпретации.) Обратите внимание на ноль у Пушкина, не говоря про Нулина, но также и то, что цифры он выводил из окружности, нуля, а любимые слова – кругом, вокруг, это все туда же – к пустоте, которая полнота. Марианне передал Ваши поздравления.

Ваш Андрей.

30 декабря 2015 г.

Дорогой Николай Федорович!

Спасибо Вам за чудесный подарок и – как же я ему рад! И еще я рад за всех, кто купит эту книжку и прочитает ее. (Речь идет о книжке переводных воспоминаний "Два лика Рильке". – Н.Б.) Может быть, и хорошо, что *Водолей*, у них тиражи побольше, чем у нас. Поздравляю Вас, что такая красивая и что так быстро решился вопрос с изданием. С особой радостью увидел, что в книге большое Ваше послесловие. С наступающим Новым годом Вас и Вашу жену! Новых Вам книг, стихов и постижений! Здоровья!

Ваш Андрей.

14 мая 2016 г.

Дорогой Николай Федорович!

Не могли бы Вы скинуть мне выходные данные семитомника о Рильке? Дело в том, что я процитировал оттуда в статье для журнала *Комментарии*, но сейчас нахожусь в деревне, а меня просят прислать реквизиты издания, год, издательство и т. д. <...>
Ваш АТ.

Н. Б.

14 мая 2016 г.

Да, Андрей Михайлович, конечно: Р.-М. Рильке. Малое собрание сочинений в семи книгах. / Составление, перевод с нем. и комментарии Николая Болдырева. Челябинск: Студия "Единорог. ООО "Работа плюс", 2012 - 2013.

К "Комментариям" я бы с удовольствием присоединился: тему нашел, но писать отчаянно некогда, чую ежесекундно колебания ветра. Удачи! Ваш НБ.

Андрей Тавров

14 мая 2016 г.

Спасибо, Николай Федорович! Я с Вашими книгами надолго не расстанусь и смотрю на колебания ветвей сливы в умиранье-рождение, какая чистота!

14 мая 2016 г., вечер

Рад, что мы вместе.

АТ

Н. Б.

20 февраля 2017 <Ответ на пока не обнаруженное письмо, где обсуждалась сакраментальная тема "В Начале было Слово...">

Андрей Михайлович, так я ж как раз вполне ясно (как мне кажется) и подразумевал, что "в Начале было Слово" – это уже поздний перевод изначального "в Начале был логос", но в том-то и суть, что еще досократики понимали логос как бытие в самом широком (мистически-для-нас-непостижимом) смысле, а позднейшая эпоха (начиная почти с Сократа) понимала уже логос как слово, понятие. *Бытийное* основание из (трансцендентальной) речи было отодвинуто на задний план (опущено), а вперед выведена словесность-понятийность-интеллектуальность и не просто выдвинута, а возведена в креативный Исток, что стало измышлением, то есть ложью: придумкой. Ergo: мы, мол, владеющие словом, подобны именно вследствие этого изначальному Креатору. Разве не в этом суть того высокомерия, которое извратило западную линию человечества (философски опиравшуюся на западную метафизику), сделав его постепенно невероятно поверхностным, занятым именно поверхностью вещей, поверхностью мира, то есть прагматикой?

Переводы с китайского, конечно (и это не удивительно), весьма различны. Но я исхожу из переводов людей, глубоко укоренённых в Востоке. (Д. Судзуки, Р. Блайс и др.) Но даже не это главное. Главное – это общее (нажитое) чувство восточной ситуации и, в частности, чаньской. Гёте, как известно, полемизировал: "В начале было Дело!" На что любой чаньский мастер или истинный монах немедленно возразит: "В начале (если оно было) было Не-деяние". На всё восточный человек ставит это замечательное не-. Во

втором джане "Дао Дэ Дзина" в переводе уже не Ян Хин-шуна, которым я прежде часто пользовался, а Бронислава Виноградского читаем: "Человек мудрости пребывает в осуществлении отсутствия. Таково его дело. Совершает действия без пояснений словами. Таково его учение. Ведь мириады сущностей совершают работу, а нет оформления в словах. Происходит рождение, а нет обладания..." А как Вам нравится двадцать первый джан: "Путь (дао) реализуется в вещах лишь как мерцание, лишь как трепетание, трепет..."

Понятие Начала, наверное, имеет в виду все же либо начало во времени, либо в пространстве. Если бы Иоанн хотел сказать о Корне Всего, то он так бы и сказал. Но на дворе была уже эпоха Хроноса. Однако бесконечность во времени и пространстве (вечность, абсолют и т.д.) как раз и указывает на отсутствие начала. Восток же понимает это очень просто: конец и начало существуют лишь в нашем уме.

А по поводу "не-владеющего" слова Вы, конечно, совершенно правы: разумеется, у поэта есть способы приближаться к тайнам вещей. Кто же это будет отрицать, равно кто будет отрицать присутствие на Западе чудных созерцателей уровня Ван Гога или Франсуа Милле. Да и с полдюжины поэтов найдется.

14 сентября 2017 г.

Да, Андрей Михайлович, я всё забываю поблагодарить Вас за наводку на дуэнде Лорки. Когда я это его выступление (вскоре после той нашей переписки) стал читать, то был поражен прежде всего его красотой. Словно само дуэнде дало ему сказать о себе. А потом уже был покорен внятностью хода его мыслей, концептуальной прозрачностью. Хотя, став модной, эта лекция Лорки вступила в фазу "замыливания" и следовательно непонимания, то есть использования. Типичный пример: монологи Виктора Сосноры в известной безумноватой книге В.Овсянникова. Соснора транслирует дуэнде уже как экстремизм, эгозазнайство и "авторитарную" психопатию, что вполне в духе времени сего, но, конечно, полностью противоположно духу дуэнде у Лорки. НБ.

Андрей Тавров

14 сентября 2017 г.

Я очень рад, Николай Федорович, что Вам отозвалась эта лекция Лорки. Она действительно, почти нестерпимо красива той красотой, что уводит в ходе изложения внутрь вещей, к непроговариваемому, к освобождению, которое чувствуешь тыльной стороной кожного покрова. Ваши замечания в статье о "шероховатости" стиха мне абсолютно близки, правда я употребляю термин "некоторая корявость", но, думаю, речь идет об одном и том же. Читая первую Вашу статью, вспоминаю требование древней китайской эстетики о том, что стиль должен быть "пресным", как вода, не тащить внимание на себя, а дать возможность пройти в другие дали. Соснора в лучших стихах своим как раз безумием дает возможность почувствовать какой-то проблеск, какую-то сдвинутость "несомненного" функционального и жестко социализированного мира, но все же это бывает редко и одинокими непрозрачными вспышками. Овсянникова читал, когда читаешь долго, то подозреваешь, что кто-то из нас троих – Поэт - автор - читатель – сходит с ума, бесконечно крутясь в одном и том же кругу тем и имен. И еще я не люблю самоопределения при помощи слова "гений".

Вторую Вашу работу прочитаю вечером. Первая – прекрасна, и новелла Андерсена меня зачаровала даже в пересказе. Не подскажете ли ее название?

Ваш АТ.

Н. Б.

21 декабря 2017

<На публикацию Андреем Михайловичем фрагмента из моего текста о природе красоты>. <...> Я разбирал как-то папку бумаг юношеского своего периода и натолкнулся на пару страничек об Альберте Швейцере, которого я в те годы (мне 20 лет) читал по микрофильмам. Так вот что я писал: "Идея красоты, очевидно, мало занимала Швейцера, по самому складу его характера и ума. Возможно, в ней ему чудилась некая искусственность: в делении мира на красивое и некрасивое (людей, явлений, природы) есть нечто жестокое, снобистское. Он с детства привык видеть в музыке явление не эстетического, но духовного порядка. В этом смысле и люди были для него сущностями не эстетическими, а духовными либо бездуховными. В существе его "Этики" содержится призыв жить этически, а не эстетически. Сущность этой дилеммы он понимал ясно. В духе, взятом изолированно, нет борьбы между красотой и добром (обычно внутри нас торжествует либо одно влечение, либо другое): соблазн красоты как чувственного опьянения возможен только на уровне телесного, плотского, пластического..."

Для людей уровня Швейцера, Родена, Рильке или Розанова предельно ясна подростковость эстетической парадигмы. Они ее просто минуют, не устаивая никого спорами. Бах и Вагнер (любимцы Швейцера) были для него не искусителями красоты, но этиками-космиками. Но кто сегодня слышит их так? Конечно, единицы. Кто способен переживать Вагнера так, как это случилось у А.Ф. Лосева? Разумеется, Швейцера был пробужденным, то есть освободившимся от власти эго и тем самым постигшим пустотную природу нашего "Я". Но конфликтность "красота – не-красота" действительна лишь для эго, сущность которого – иллюзорность. (Клименко недавно приводил в fb прекрасную цитату из Томаса Мертона на этот предмет). Возьмем самый примитивный уровень: скажем, какой-нибудь палаццо в Венеции или Флоренции. В чем его сущность? В горделивости. Он весь – средоточие энергий эго. И потому он иллюзорен, небытийствен. В этом измерении иллюзорна вся помпезно-прекрасная Европа и всё западное измерение сознания внутри каждого из нас. В этом измерении нас самих мы иллюзорны. Бытие не дихотомично, оно *есть* и баста. Но кто это поймет в мире, из которого изъят дхармический закон? В массе своей "просвещенные" люди сегодня заняты самовосхвалениями денно и нощно. Какой чань, какая дхьяна, какая исихия подпустит их к себе хотя бы на километр?.. Ведь интеллектуально ничего не понять, а только усугублять заблуждение. Да и какая Дхарма заговорит с людьми, которые постоянно помнят о своих дипломах, званиях, наградах и "достижениях"? Как тут не обернуться на хохот 28-го патриарха... Разумеется, Швейцера был от природы тончайшим эстетиком (равно и все иные из перечисленных), однако он ни чуточки от этого не зависел и уж тем более не делал на этом карьеру, подобно тому, как в порядочном обществе глупо педалировать на "моральных ценностях". "Никаких заслуг не существует". И вот тогда – "простор открыт".

P.S. Конечно, Швейцера и по Флоренции гулял спокойненько, как по своему сельскому Гюнсбаху, неажиотажно-бытийно: дворец или хижина представляли ему в их сущности, то есть в бытийной основе, а не в эстетическом фанфаронстве. Так просветленный Востока (в известной притче) видел скелет той красавицы, которая шла соблазнять его. Палаццо или

скромный домик и даже хижина (в Ламбарене): они равно эфемерно-трогательны под вечным небом. Спасибо за сотрудничество. – Андрей Северский. (Н.Б. присоединяется к моему отклику).

Андрей Тавров

23 декабря 2017 г.

Дорогой Николай Федорович!

Когда речь идет о все более жесткой ориентации на внешнюю и воспроизводимую "красоту", у меня нет никаких сомнений по поводу Ваших определений в ее сторону. Более того, Ваша позиция, благодаря ее мужественной стойкости, меня вдохновляет, ибо стойкость я наблюдаю сегодня по поводу совсем других вещей.

Понятно, что люди, постоянно повторяющие фразу "красота спасет мир", давно уже не понимают, о чем идет речь, да и понимания нынешний социум не требует даже в мире литературном – достаточно воспользоваться подходящей цитатой как средством для подтверждения своей правоты. "Исправления слов" не произошло, и, думаю, те времена, если и были хоть в какой-то мере, то прошли и вряд ли вернутся в качестве доминанты. Впрочем, я надеюсь, что они происходят и сохраняются в отдельных личностях, если можно так метафорически выразиться.

Я хотел бы поделиться с Вами одним своим глубинным переживанием. Еще со времен СССР люблю бывать в Сергиевом Посаде и время от времени туда приезжаю. В Троицком храме, как Вы знаете, покоятся мощи преподобного Сергия, и рядом с ними я несколько раз испытывал глубокие и неуловимые откровения. Каждый раз это бывало совершенно неожиданно. Года два назад, когда мы с женой приехали в Лавру и зашли в храм, я неожиданно для себя в какой-то вневременной отрезок увидел суть русской красоты, суть ее, России, глубинной культуры, вернее, света, ее предвещающего и ее образующего.

Это было настолько невероятно, настолько утонченно, настолько живо – ничего подобного, ничего похожего я никогда не чувствовал в качестве ауры или духовного истечения от других великих культур мира. Собственно, я сейчас пользуюсь словами, не выражающими смысл, а указывающими на него. Это сверкнуло и – осталось в душе, думаю навсегда. Это «послание», невероятно концентрированное, многое мне объяснило по поводу русскости и ее внутреннего наполнения. Эта красота была живой, действенной, беззащитно-непобедимой. Нестерпимо прекрасной, невероятно тонкой, тончайше простой, утонченно-светящей. Тонкая Европа с ее великими замками и поэтами казалась грубоватой рядом с тем, что явилось мне на миг как русское в своей глубочайшей сути. Кажется, я не выдержал этой близости и заплакал.

Я, вообще, не очень большой любитель логики и философствования, и многие вещи до меня доходят крайне трудно и медленно. Вероятно, поэтому меня ведут по смыслам жизни такие "телеграммы", в которых многое просто очевидно и постигается не через рефлексию, а напрямую, как в детстве.

Мне кажется, что такая красота присутствует в каждом человеке, просто не все ее видят. Но без нее мы пропали бы. Это, впрочем, уже и не красота, а собственно "красота" – лишь следствие ее, этой глубинной жизни, наличности. Наверное, это переживание или похожее на него и побудило греков сформулировать свое определение этического идеала, как благо-лепия, калокагатии.

Мне нравится статья Аверинцева, в которой он пишет о понимании красоты русскими, приводя характерную легенду о том, что религию на Руси выбирали по признаку красоты, отдав в результате предпочтение пышной православной службе. Там же он упоминает о русской интуиции, которая звучит так: красиво, значит истинно. И мне кажется, что в этом есть своя правда. Ведь "лифт восприятия" ходит у почти что любого человека, достигая в некоторые мгновения и тех этажей, из которых видно небо и горизонт, в отличие от того, что открывается в подвале, в котором многие из нас проводят основное свое время.

Разве невозможна красота в природе или в человеке как форма богооткровения? Я думаю, что в устрашающем потоке «жестко-красивых» форм, способность встретиться с красотой тонкой и божественной людьми все же не утрачена, хотя и переживает жесточайший кризис.

Истинная великая красота живет чаще всего в ранах, в убожестве, в «пресности», которую предпочитали китайские писатели. Но и через литературу, даже иногда не очень «духовную», нет-нет да и блеснет. Собственно, живет она, конечно же, в самом человеке, но есть слова и ситуации, к ней ведущие, ее активизирующие. Мне кажется, что одной из форм постижения живой красоты как откровения Бытия, была ситуация катарсиса, которая, начинаясь от мистериальных святых переживаний, прошла через греческий театр и в театр европейский и даже в литературу Европы. Сейчас и катарсис тонет в потоке бессмысленной и кричащей информации, ведь для того, чтобы противоречия обрели мучительную силу и потом блеснули молнией постижения всего сразу (когда сильнее, когда глуше), нужно время, для того, чтобы накопить эту энергию, разряжающуюся во вневременную вспышку познания. Такого времени и такого внимания сегодня почти что ни у кого нет.

Тем не менее, духовные пути неисповедимы, и иногда великие кризисы вели к обновлению, исцелению... хочется верить, что такая возможность все еще существует. Простите, что так много написал, а до обещанной темы личности так и не добрался. Конечно, хотелось сказать и несколько слов о возможности на первый взгляд недуховной поэзии и прозы все же выражать невыразимое, как это было у Рембо или в повести Грэма Грина «Сила и Слава», а иногда и в простых до слез стихах Жуковского. Мне кажется, что Хемингуэй для меня, с его описанием сада после дождя, проявил Бога не меньше, чем некоторые действительно духовные стихи. Тут мне близко определение Вл. Соловьева о том, что прекрасное это отсвет и пребывание Царства, небесного Рая на Земле; абсолютного и полного – в искусстве мира конечных вещей. Но, может быть, об этом в следующий раз.

Видел Ваш многотомник Рильке в «Москве», книжном на Тверской, и порадовался за Вас и тех, кто будет его страницы читать.
Ваш Андрей Тавров.

Н. Б.

29 декабря 2017

Дорогой Андрей Михайлович, извините, что отвечаю не сразу, – был занят. За письмо спасибо, Вы поделились сокровенным. То, что случилось в Троице-Сергеевой лавре, очень важно. С этим местом (лаврой) и особенно Троицким храмом у меня тоже связано много волнующих воспоминаний и переживаний. Прежде я там часто бывал, благо, что на

окраине Сергиева Посада жила моя родная сестра с семьей, и я часто ее навещал. Полная таинства атмосфера Троицкого храма меня взволновала с первого же раза, меня вновь и вновь тянуло туда. То, что Вы пишете о почти незримом истечении "русского", то есть русского архетипа, мне очень понятно, я с детства знаю это измерение, оно существует как реальность, хотя едва ли может как-то убедительно быть внешне выражено. Моя полемичность в связи с темой красота, остаточна и не соответствует уровню проблемы. Она была направлена скорее читателям фэйсбука, нежели Вам; хотя ясно, что им это попросту непонятно, ибо не интересно. На самом деле лично для меня реальность всегда выбрасывала столь сильный импульс, что он перехлестывал всякие аполлонические и эстетико-структурные мерки. Всякий фрагмент реальности зашкаливающе изумляющ и изумителен, так что это даже и красотой назвать нельзя, особенно в той мере, в какой этим словом люди пользуются. В этом смысле для меня сама реальность в любом ее сегменте была порой подобна рилькевскому ангелу в том смысле, что была ужасна, неподъемно таинственна и устремлена на тот диалог со мной, сил на который во мне не было. Эта мощь вынуждала меня прятаться разными способами. Красота – лишь часть (незначительная по моим ощущениям) той энергетики, которую с детства на меня излучали вещи, независимо от их "эстетического" качества. Эти мистические эманации были связаны для меня с ощущением живого, вероятно, именно "трансцендентного" сознания, которым были полны не только все встречаемые существа (птицы, жуки, коровы и кони), но и все вещи. Так что когда я поступил однажды в московскую аспирантуру по специальности "эстетика" и благополучно окончил ее, то в ходе этих штудий в ужасе пришел к пониманию полной извращенности европейского искусствоведческого менталитета. Наша миленькая цивилизация (и здесь я весьма неоригинален) кастрировала реальность, уйдя от бытия в сферу измерения, контролируемого рацио и, соответственно, подчиненных ему структур психики. В итоге была выделена дистиллированная идея красоты и воспета. Но реальность-то открывается в момент озарений, "инсайтов", хотя они могут быть и тихими-тихими, постоянными как та неназойливая музыка, которая постоянно идет на нас из сфер и которую слушает не наше ухо, но наша целостность (если она, конечно, актуализирована). Вездесущность красоты Вы очень верно подметили. Русский человек простодушен в восприятии красоты, и ему нужно немного для радости. Избыток в этой сфере, как и во всех других, уродует некую в нас основу, забивая "канал связи" разнообразными шлаками. (Разумеется, это мои личные наблюдения, не более того). Спасибо за добрые слова и за откровенность. Я помню Ваш вопрос о моем восприятии книг Померанца. Но мне, собственно, нечего сказать, особенно учитывая, сколь благоговейно Вы всегда относились к Григорию Соломоновичу. (Мне ни в малейшей степени не хотелось полемики). Я сгоряча в свое время купил две, надеялся на удовольствие общения. Однако общения не получилось, я скорее перелистывал, чем читал. Всё там справедливо и умно, он демонстрирует многообразие начитанности и пр., и пр. Однако это как-то оказалось для меня пусто. Я даже не задавался вопросом, в чем дело. Стал думать, когда Вы спросили. Еще раз полистал, почитал в разных местах. Причин может быть несколько. Одна из них, вероятно, в том, что Померанц в своих книгах знает ответы на все вопросы. Он быстренько и очень легко отвечает на любой встающий, рассыпая цитаты в великом множестве: он в курсе всех интеллектуальных процессов. В этом есть что-то для меня отчуждающее, так уж я устроен. Мне интересен человек, у которого конкретное, ограниченное поле избранной любви. Когда же это поле

не имеет границ, магнетизм уходит. Кроме того по моим ощущениям ни на один сакраментальный вопрос не существует ответа. Возможны лишь гипотезы. Это не упрек, конечно, книгам Померанца; это попытка объяснить мою (неожиданную для меня самого) невзволнованность его текстами. Возможно, это ситуативно-временно. Кто знает, может быть это просто результат моей личной нынешней фазы, которая крайне неохотно идет на общение с любыми текстами вообще. И это истинно так. На этом, пожалуй, закончу. В наступающими празднествами, дорогой Андрей Михайлович, доброго здравия! Ваш НБ.

Андрей Тавров

3 января 2018 г.

Дорогой Николай Федорович!

Спасибо за два Ваших письма, одинаково важных для меня. Замечательно высказывание Лосева, которое я до сих пор не встречал, мне также близко Ваше нежелание широкого общения с текстами. Сегодня, разговаривая в кафе с друзьями – писателями и филологами – я уподобил Ваше творчество, такое для меня жизненно насущное, сторожу, который ходит, пока все спят, и стучит в свою колотушку, определяя правильное время, уж простите за вольность сравнения. Речь шла о том, что в сегодняшней литературной ситуации, когда спрос определяет содержание литературного продукта (не зря Маркс все более в цене), возрастает значение отдельной личности, отдельной судьбы, пишущего на свой страх и риск человека, но не только пишущего, а дающего своему письму эту самую судьбу, ее отпечаток, несущий на себе присутствие ответственности, осмысленности и иногда тяжкого пути вперед не в составе легкой армии профессионалов, а одиноко. Эту идею сформулировала Марианна Ионова, у которой в январе в *НМ* должна выйти новая повесть. То, что литература, вослед обществу, вошла в те пространства, где конфуцианское исправление имен следует начинать применительно почти что к любому слову – если этот труд не окажется просто противопоказан самому процессу письма и чтения – требует, чтобы мы хотя бы отдавали себе отчет, какой сейчас час ночи и куда мы движемся. Я с большой радостью читаю книгу "О поэтах и поэзии", составленную и переведенную Вами, – заново прочитал статью Хайдеггера в Вашем переводе, и мне он оказался намного ближе (и яснее), чем предыдущий. Марина Кузичева, филолог, подарившая мне Вашу книгу, зная мои пристрастия, хвалила переводы Целана, которые я пока что просмотрел бегло.

Москва делает ясным слова дона Хуана по поводу того, что окружающие нас люди действуют (сами о том не подозревая) как черные маги. Нужна большая стойкость и дисциплина (во всяком случае, такому впечатлительному субъекту, как я) для того, чтобы постепенно не сползти в общий, такой широкий настрой литературной и других компаний. Надеюсь оказаться весной в деревне, а пока слава Богу есть друзья, парк, книги.

С Новым годом, Николай Федорович!

Хотел описать Вам одну детскую историю со звездами, но, сейчас, не получится. Надеюсь сделать это в одном из следующих писем.
Ваш АТ.

13 марта 2018 г.

Дорогой Николай Федорович!

Книжку послал, идет почта обыкновенно не спеша, как Вы знаете. Вот код посылки: ... Некоторое время назад я заинтересовался, как же определяли наши и западные философы понятие "личность". В буддизме я нашел больше поэтическое, чем строгое определение в книге Тик Нат Хана "Христос и Будда как братья", чему очень рад. А в отечественной философии более всего меня порадовал Флоренский, сказав примерно так, что определение личности дать так же невозможно, как определение Бога. Тем не менее, хотелось бы продолжить поиски внутренней пластики того, что названо этим словом. Если у Вас найдется время, не поделитесь ли Вы Вашим ощущением, пониманием? С уважением,
Андрей.

Н. Б.

14 марта 2018 г.

Дорогой Андрей Михайлович! Еще пару слов в продолжение темы. Павел Флоренский личностью называет то, что я, вслед Кришнамурти, называю индивидуальностью. Он пишет, что "личность, единая и себе тождественная, познается в своей биографии", однако само целостное ее единство непостижимо, ибо имеет трансцендентные корни: оно "уже не во времени, по крайней мере не во времени нашего порядка, а в том, что сравнительно с нашим временем, можно назвать вечностью..." Естественно, что такой взгляд исходит из интуиции корня корней – Единого, без духоносной связи с которым мы – ничто, тля, мушиный гомон. Гаутама не случайно избегал разговоров о Б-ге, ибо исходил из понимания того, что всякое "я" если и существует, то в качестве не-я. Он исходил из интуиции непостижимости бытия и всего, что с ним связано, из понимания явленности нам внутренне безусловного закона дхармы как закона не теоретико-познавательного, а практического и вполне достаточного на путях мудрости как путях кротости и непритязания на власть и владение чем-либо (на любых путях). Потому-то мудрые – вне страсти познания, лишь – самопознание.

У Флоренского есть формула: "Человек – это homo liturgicus". В этом сущность человека для Флоренского. Человек замыслен как свершающий богослужение, включенный изначально (ab ovo) в литургическую тайну, а во взрослом состоянии заново всё глубже входящий в нее. Вне этого служения человек распадается. Лишь в ходе литургического процесса человек вновь и вновь восстанавливает себя, а в промежутках падает в бездну. Ближайшим к нам эпицентром этого самораспада Флоренский полагал эпоху т.н. Возрождения, где реализовало себя беснование личностей. Мы живем при времени окончательного гниения и маразма этой философии, полагал он. Философию нового времени он характеризует как "голое самоутверждение". Эпоха неовозрождения фарисейства, где два идола: натурализм и гуманизм. Нынешний человек сам изгоняет (изгнал) себя из Божьего мира, то есть попадает в небытие, не замечая этого.

Я думаю, что это "голое самоутверждение" сегодня часто протекает в весьма закамуфлированных формах, где личность прибегает к разного рода симуляциям литургичности и богопознания в целях придания себе значимости и важности, и вот по этой горделивой осанке, по жестикациям и ритмике тщеславности и амбициозности, по отсутствию истинной самоиронии и искреннего признания себя никем и ничем – нетрудно увидеть "неофарисейство". На этом поле каждый из нас потенциально под ударом. То

есть приходится быть начеку. Идем по минному полю. Однако бывают и "перекуры": откроешь вдруг том Симоны Вейль или поставишь сонату Бетховена в исполнении Софроницкого или, еще лучше, Фазиля Сая.
НБ.

Андрей Тавров

14 марта 2018 г.

Дорогой Николай Федорович!

Читаю, большое спасибо, что откликнулись и с важным для меня дополнением. На днях напишу.

Ваш АТ.

14 марта 2018 г.

Конечно, конечно же Вы правы, Николай Федорович, что нужна причина моего вопроса о личности (для меня это скорее то, что Вы называете индивидуальностью, а я «образом и подобием»). Вот в чем она заключается. Собственно, ее можно сопрячь с вопросом о форме. Если формы – это то, что имеет начало, то они и имеют конец. Если оттолкнуться от этого, то придется принять следующее – эго будет разрушено, исчезнет как иллюзия. Но и большое Я, имеющее некоторую форму тоже подлечит слиянию с Океаном, утерю себя во Всем.

С другой стороны, Адам был создан как бессмертное существо, т.е. существо, обладающее некоторой просветленной формой, поддерживаемой вечным истечением энергии, которой он открыт. Т.е. он не просто мимолетный всплеск на поверхности Океана, т.е. творение имеет ценность как таковое, а неповторимая человеческая личность (образ и подобие Высшего) воскресает в некоторой форме (теле духовном, о котором пишет ап. Павел).

Меня заставили задуматься слова Бердяева, который говорит, что вглядываясь в глаза любимого кота, он знает, что обретет его (кота) в Царстве небесном, выражает надежду, что и любимые вещи и животные будут так или иначе присутствовать в вечном. И я точно знаю, что когда я мальчиком глядел в глаза своему коту, то я ЗНАЛ то же самое. Предмет любви не пронизан ли некоторым «бальзамом нетления»? Вл. Соловьев пишет, что любить это значит утверждать – ты (предмет любви) не умрешь! Т.е. речь идет о возможности бессмертного существования человека и, возможно, вещи в некоторой форме, которая не может быть бессмертной, ибо переменна и имеет начало. Но, не может ли она, будучи соотносима с Источником и будучи ему родственна, обрести вечное и для формы, для неповторимости духовного лика в его высшей области бытия. Т.е., грубо говоря, не есть ли Высшее – такая батарейка, которая обеспечит нераспад рядом с собой. Помните грубый вариант Федорова о «воскресении отцов» в теле? Но в нем интуитивно угадывается правда, желание истины.

Еще неслучайно православное почитание мощей – преображенной плоти, начала «воскресения тела духовного». И тоже ясно в таких местах, как рака св. Сергия, что космос (духовный) здесь искривлен по-особому, что мощи – это тайна будущей жизни. И мне кажется, что для понимания того, что вы называете индивидуальностью, а я личностью можно осуществить трудно выговариваемый подход, но я все же постараюсь это хоть как-то выговорить. Личность (образ и подобие) и статична и подвижна, она и

другой природы, нежели эго с его воспоминаниями и все же содержит в себе лучшие и наиболее светлые из них, она и здесь и там одновременно, она и есть всей силой Бытия и ее нет, она и мерцает и не мерцает, она и Бог и человек, она и всплеск и вечная форма, не похожая ни на какие другие, она и разлита в Боге как капля и обладает собственной формой, как океанский залив, она и не проявлена всегда и всегда проявлена одновременно. Вот такая грубая и противоречивая модель. И все эти свойства способны в ней играть, соотносясь с рядом ведущих сил, которые личность накопила, отзываясь на Бога и его творение и продолжает накапливать и отдавать.

Это как водить рычажком реостата, но результатом будет не только яркость лампочки, а смешано-нераздельное бытие этой неповторимой лампочки, то превращающейся в саму энергию электротока и в ее источник, то в лампочку проектора и картины на экране. Тоже грубовато, но я надеюсь на то, что, в основном, могу быть понятным.

Я согласен с Вами в описании картины современного мира и современного искусства и особенно со словами о том, что космос непрерывно струит на нас анклавы духовной красоты, которая и есть «охранный эскорт» истины. Никогда не забуду, как после медитации на сефиру Малхут и ее ангела Сандальфона я вышел на балкон и мне открылась потрясшая меня красота живого Лица неба и тающе-рождающаяся женственность живой плоти растений на балконе, пронизанная этим же Лицом, которое я готов назвать присутствующей Премудростью, или Софией.

Спасибо Вам за такие важные для меня письма. Я их перечитываю, возвращаясь к ним неоднократно, как и к Вашим книгам и переводам.

Ваш АТ.

Н. Б.

15 марта 2018

Дорогой Андрей Михайлович, конечно же, спонтанность и делает поэта мудрым. Ваши впечатления от переживаний на ночном балконе, мне кажется, очень точно передают одну из сторон сущностного контакта духоносных личностей (пойдем за Вашим словом), переполняющих универсум, который от этого отнюдь не становится тесным. Но когда мы говорим о любви, то едва ли стоит забывать, что всё исполнено любовью: каждый листок и каждый комочек земли источает нежность и хмелящий экстаз. И в этом смысле всё претендует на бессмертие, а не только Гёте, ждавший продолжения своей энтелехии после смерти именно вследствие того, что он "выработал себя до конца", т.е. исправнейше трудился над "заданием", ему данным Свыше. В этом вопросе есть и западная, и восточная сторона. Запад чересчур антропологичен. В. Соловьеву, например, вторит Габриэль Марсель: «Любить человека – значит сказать ему: "ты не умрешь!"» Далее он говорил, что в самом глубоком смысле для него "смерть любимого существа бесконечно важнее моей собственной смерти". Для него это было критерием подлинности чувства. Это, конечно, романтически-западное исповедание, хотя и вполне простое: смерть любимой – вот-она, она потрясает, а о своей смерти ты узнаешь потом. И все же здесь чувства насквозь антропологичные, еще не космические. "Ты не умрешь!" – это, конечно, сильнее, чем просто горе смерти. В первом лозунге человек клянется, что его сердце равно универсуму. Но в сущности так оно и есть. Помните, у Розанова удивительный пассаж после смерти Шперка. «Сказать, что Шперка *теперь совсем нет на свете* – невозможно... И не то, чтобы "душа Шперка – бессмертна": а его бородёнка рыжая не могла умереть...

Всё бессмертно. Вечно и живо. До дырочки на сапоге... Я хочу "на тот свет" придти с носовым платком. Ни чуточки не меньше...» Для Розанова Бог отнюдь не только в грандиозном; может быть даже напротив Бог "коллекционирует" священные мгновенья, видя их отнюдь не в антропологической системе ценностей. Розанов как бы говорит: *здесь мир* и все его происшествия настолько пронизаны жизненностью и токами абсолюта, что прямо сейчас, в это же самое мгновение втягиваемы в абсолют вплоть до каждой "дырочки на сапоге", до "носового платка".

Создан ли человек "по образу и подобию Божию", для меня этот вопрос никогда не стоял как слишком горделивый, слишком личностный, слишком "расовый". Помню, как в детстве (кажется лет в десять) я впервые испытал потрясение, упершись внезапно лоб в лоб с жуком на летней лужайке нашей большой усадьбы возле отчего дома. Я стоял на коленях, почти лежал, опершись на руки, а жук шел на меня, а потом остановился, внимательно меня изучая. После стадии возникшей медитации, точнее - в этапе ее завершения меня вдруг пробила/потрясла догадка, что это я, моё существо заперто в этом маленьком теле жука, я мгновенно перенесся в его ситуацию, я в буквальном смысле стал *этим жуком*, почувствовав весь ужас тесноты, причуждивости условий обитания и потрясающей одинокости. Дело дошло до того, что я начал задыхаться и вынужден был отползти, сбежать от диалога, в который вступил. Это был, несомненно, один из ранних малых опытов "пробуждения". За ним последовали (хотя были и до него) опыты чувствования сознания не только в живых существах, но и в предметах и вещах. Я познавал общность сознания, разлитого во всем. Из этого сознания невозможно было сбежать, соответственно смерть тоже охватывалась Сознанием.

О "заслугах". Что есть заслуга? Здесь мне тоже стихийно ближе восточный подход. Народную среду я никогда не воспринимал как серую массу в одинаковых фуфайках. Несколько неграмотных людей из "низов" на всю жизнь остались для меня камертонными, космоцентричными, почти безупречно настроенными на "ля" Универсума, на его Сердце. Чистота настройки неизменно связана с пониманием человеком своей пустотности, смехотворности любых амбиций. Нормальный человек не может не прикасаться к веществу жизни с максимально возможной нежностью и трепетом (что и есть любовь). (Это и есть контрольный к себе вопрос в часы и дни помутнения Восприятия). Но человек не делает при этом ничего ни героического, ни новаторского, ибо любовь источает/изливает весь универсум изнутри каждой своей клеточки, которая в той же мере эротична, в какой духовна. Мы лишь откликаемся (пытаемся откликаться) на поистине "божественные зовы". (Боги, я думаю, втайне пасут нас: тех, кто не отвергает свою участь пасомых овец). Потому проблема самоутверждения мною сразу же была вынесена за поля. Потому-то еще в юности я написал такую фразу: по-настоящему великие люди никому не известны и никогда не будут известны. Феномен Рильке стал для меня интересным именно в связи с отсутствием в этом человеке "личностного" фермента, но присутствием жажды быть в великой тени, оставаться антропологически невидимым и неслышимым. Ощущающим сверхъестественность ближайше-естественного. Человеческий земной хаос создал заглушку, изолируя индивида от Источника индивидуальности. Потому я предпочитаю держаться чуть в стороне от объятий "слишком человеческой" мудрости. Она слишком навязчива, слишком самоуверенна. Священны не книги, не обряды, не статуи. Акцент на внешнем изолирует нас от Дао.

Страх смерти, конечно, побуждает нас размышлять. Но интеллект тут, само собой, беспомощен. Лет восемь-девять назад я был обеспокоен возможностью скорой смерти. И вот однажды мне снится сон из разряда тех немногих, что называют вещими. Их сразу узнаёшь. Мне явились три мудреца на перепутье пустынных дорог, они сказали: перестань беспокоиться, перестань бояться, *там* ты будешь продолжать заниматься тем же, чем занимаешься *здесь*. Я сразу понял, что именно они имеют в виду. Отмахнуться от такого сна довольно трудно. Был и еще один мистический опыт, но уже наяву, подтверждающий несомненность взаимосвязанности, взаимосплетенности жизни и смерти. Разрывы и потери исключены.

Я думаю, трудно не согласиться с мнением мистиков разных конфессий в том, что наш главный труд – выращивание духовного тела, хотя бы начатков оно. Если было пра-Слово, то и Адам обладал полнотой духовного тела. То есть и мы несем в пра-памяти впечатления от своего духовного тела. Несомненно, что если даже физические останки святых (это духовное тело выращивших в значительной степени) нередко остаются "бессмертными", источая (Вы об этом пишете) целящую ауру, то что уж говорить о внефизической стороне индивида. Физическое тело смертно, оно истает, однако как может истаять тело духовное, если оно хотя бы еще только начало нарастать? Мы бессмертны хотя бы в той мере, в какой нарастили духовное тело поверх физического. Разве может умереть духовная субстанция? Это и есть наш шанс. Хотя это всего лишь антропологический взгляд на сакраментальную тему. Шакьямуни смотрит гораздо шире и глубже. Н.Б.

Андрей Тавров

17 марта 2018 г.

Дорогой Николай Федорович!

Спасибо за чудесное и глубокое письмо с жуком и Розановым. В нем много для меня нежного и близкого, и я надеюсь ответить Вам через несколько дней.

Ваш АТ.

19 марта 2018 г.

Дорогой Николай Федорович!

Вчера читал в одном видео-проекте (сайт журнала "Комментарии", будет готово через месяц-другой) стихи Рильке в Вашем переводе. Обратил внимание на сильное расхождение с вариантом З. А. Миркиной, в частности, в цитируемой мной строке – "красоте так легко нас разрушить", контрастной по настроению благостно вспоминаемому высказыванию Мышкина по поводу того, что красота спасет мир. Мне с моим полным незнанием немецкого невозможно заглянуть в немецкий оригинал, но Ваш вариант меня тревожит (в хорошем смысле) и убеждает больше, чем вариант Миркиной, где речь идет о Бездне. ("Ангел вводит нас в Бездну"). Красота, действительно бывает нестерпима, я помню несколько таких ситуаций из своей жизни, и она же – целебна. Говорил также о красоте идущей от Бесформенного (внутренней, духовной), и красоте, идущей от знака, протезируемой, созданной людьми по уговору. Кстати, об этом еще очень давно заговорил Аверинцев, сопоставив слово-вербум, западное слово, которое сейчас стало *знаком*, и слово-логос (греческое и русское), как раз то, что Вы называете словом-намеком.

Вот еще что. Я убежден, что поэзия сама по себе обладает даром прикосновения к богам, к Источнику той самой внутренней красоты, это, так сказать встроено в ее древний "механизм", ее божественную функцию, о чем, как мне кажется, размышляя о Гельдерлине, заговаривает Хайдеггер. З. А. Миркина недавно опубликовала довольно внушительное опровержение моим взглядам, и я, подумав какое-то время, ответил на это большой же статьей, которую вскоре опубликует тот же журнал. Мне кажется, что как есть *Путь чая* или Путь самурая, так есть и *Путь поэзии*, и если его пройти серьезно до конца, то выйдешь к Прикосновению, делающему стихотворение Живым. В этот процесс входит и владение техникой, поэту, как и самураю или мастеру чая знание секретов ремесла необходимо.

Немного о другом. Ваша удивительная история с жуком и фрагмент о Розанове много мне дали, я Вам очень благодарен. Я не очень хороший мыслитель, образы мне ближе, интуиция меня может сделать тонким и видящим, а когда уходит, превращает в крайне ограниченного персонажа. Ваши образы разбудили интуицию, я был там прямо с вами и жуком – за компанию. Спасибо!

Вы пишете, что вопрос "создан ли человек по образу и подобию Божию" для Вас слишком личностный, горделивый и расовый. Но ведь это высказывание из Библии можно понять и по-другому, – как раз как отказ от личностного, горделивого и расового, в случае согласия с этим высказыванием. Мне кажется, что это определение как раз и призывает отречься от эгоистического начала в себе, которое есть источник гордыни, эгоистической личности, включая расовые различия, – отречься от своего ограниченного эго в пользу безмерно превосходящего его божественного в себе (образа и подобия), присутствующего там постоянно, но заблокированного своеволием, эгоизмом. Христос, говоря, что я и Отец – одно, говорит абсолютно смиренную вещь, он этим полностью отказывается от "своего особого" существования, своей особой воли, своеволия, гордыни, подчинив себя Высшему в себе.

Сейчас гулял по парку с синичками и белками. Снег днем тает в сильных лучах солнца, несмотря на минус. Надеюсь, что и до Ваших мест весна добирается в лучах солнца и капли, и хорошо бы – в радости и мире.

Ваш А.

19 марта 2018 г.

Николай Федорович, простите, не напомним ли Вы вот какой момент? Где-то в Вашем семитомнике Рильке, в комментариях, речь шла о дирижаблях (ле), о которых Рильке отозвался в связи с темой Времени, то ли остановленного, то ли замедленного. Может быть, Вы помните это место? Кажется, это либо из "Элегий", либо из "Сонетов". Если не затруднит.

Н. Б.

19 марта 2018

Андрей Михайлович, у Рильке я не встречал образа дирижабля. Этот образ есть где-то в моих комментариях, где я размышляю о замедлениях как форме приближения к вечному. Что-то в этом духе. Ваше письмо читаю. НБ.

2 апреля 2018

Дорогой Андрей Михайлович! "По образу и подобию..." Всё было бы мило и безобидно в наших многообразных и прихотливых самоотождествлениях, если бы мы не несли на себе "грехи мира". Мир давит на меня именно самостно-тупой антропологической гордыней: "человек – мера всех вещей". Здесь легко войти в предлагаемое приятственное царство подмен: мол, поскольку мы созданы по образу и подобию, то мы и мера; в нас бог и божественные все паутины. Но цивилизация, гниющая уже не одно тысячелетие, гниет именно из-за лицемерия, из-за логических и демагогических трюков. Надо держать каждую вещь на ее исконном месте, не сваливать всё в кучу. Бог есть бог. Человек есть человек. Сойтись ли им вместе? Это вопрос исключительно индивидуальный, его не только не решить извне, но и увидеть извне нельзя. Этическая сфера – вне наблюдений. Она есть тайна частной экзистенции. Она же в свою очередь реализуема лишь при наличии в субъекте души, которая единственно и общительна с божественным. Сообщительна при определенных, весьма нелегких для индивида условиях. Остается фактом, что у громадного большинства сегодняшних людей души в этом ее собственном смысле нет. Душу заменила эмоциональность. Поэтому я стихийный сторонник держаться очевидного древнего факта, что мера всех вещей все же бог. (Сегодняшний мир – даже не антропоцентричен, а эгоцентричен: как же он может даже просто подойти к феномену божественного?) Человек должен поставить себя под вопрос. Он должен подвергнуть себя великой беспощадной ревизии. Самовлюбленности своей он должен положить если не конец, то предел. Человек должен бы (если бы проснулась совесть) забиться в самый дальний и глухой подпол и не совать голову в дела земные, где он всё испакостил и извратил. Поэтому для меня формула "по образу..." неприемлема. Она либо неверно передана, либо неверно понята. К тому же я не сторонник абсолютизации священной исключительно еврейской книги. Каждый этнос имел (имеет) свою священную весть. Для меня как стихийно религиозного существа (надеюсь) северный олень, питающийся мхом, ничуть не менее создан "по образу и подобию божьему". И журавли, и жуки, и утки, и ондатры, и киты. Наибольшие сомнения в этом смысле у меня вызывает именно человек. Не идея человека (а откуда мне известно, какова его идея: здесь сфера всего лишь наших интеллектуальных гаданий и махинаций, всегда нарциссически-амбициозных, противохристианских), а сам исторический человек, которого мы знаем. Величественность *homo sapiens`a* предстает лишь в одной-единственной парадигме – эстетической. (Интеллектуальность – та же эстетика, та же чувственность эгокрасования). Во всех этих обезьянно-цирковых кульбитах и выкрутасах. Да, здесь он артист, мастер пускать пыль в глаза, стрелять фейерверками в свою честь. Во всех остальных сферах и измерениях он ничтожен или ужасен.

Я от природы ощущаю универсум как исконно этико-духовную вселенную (в ней и произрастает онтологизм Поэзии), и повёрнутость мира во вселенную научно-техничко-эстетическую чувствую и постигаю как морок, обморок, тяжкий грех против истины. Посему "богатство" упоений эстетическими вибрациями и наслаждениями, которым кичится вся культура тысячелетия, на меня не действовало позитивно. Хотя я отнюдь не лишен от природы эстетических дарований, в частности музыкальных. Сама духовность трактуется культурой извращенно, сущностно извращенно. На уровне слов это даже и не выявить. Как видите, ничего нового я не сказал. Но зачем поощрять в себе кичливость, так ведь?

По первой элегии. Я пытался держаться контекста Рильке. Фраза, реченье из которой Вы приводите, в оригинале буквально значит такое: "Ибо красота есть не что иное, как тот зачин (начало, преддверье) Ужаса, который мы еще переносить способны, и мы поклоняемся (изумляемся) ей, ибо она с презрительным равнодушием пренебрегает <возможностью> разрушить нас". Во всех трех предыдущих югах люди, произнося слово "красота" всегда имели в виду духовную красоту. Иной красоты, собственно, и не было. Красота – сила демиургическая. Современный человек даже и не знает, что это такое. Но парадокс в том, что наш современный мир уничтожается, в сущности-то говоря, красотой – вот только товарной. В ее избыточных массивах, пожирающих всё и вся, в прении этих монбланов мир задыхается.

Ну что это я так печально заканчиваю? Птички поют у меня под окном с раннего утра до сумерек. Моя кормушка исправно работает. На той неделе прилетали свиристели-красавцы. В иные пригороды залетели лебеди. На озере Кисегач царственная тишина и божественный воздух. Как хорош мир и как прекрасна земля без активности человека! Мы забываем о том, что здесь прямо у нас на глазах, невидимые и не чуемые нами, существуют и бытийствуют многие-многие иные миры, иные измерения, существа, тоже имеющие "права" (надеюсь, что они без субъектных претензий на "сверхчеловечность") на образ и подобие. И когда человечество сожжет себя в третьей мировой, то весь взорвавшийся хаос ничуть не коснется этих многих иных миров, что под нашим носом блаженно безмолвно поют. И потому, когда же наступит праляя, нам неизвестно. Вашу книгу читаю. НБ.

7 апреля 2018 г.

Андрей Михайлович, спасибо за полезное чтение. (Роман А.Т. "Клуб Элвиса Пресли", подаренный мне Андреем 13 марта). Полезное в том смысле, что образ героя нашего времени, Вами очерченный, рельефно-биполярен; он дан не только в трогательных его ипостасях, но и в достойных глубокой печали, так что вершины, которых он (герой) достигает, оборачиваются зияющими безднами и звезды вдруг осыпаются фейерверком иллюзий. Полезно увидеть этот юмористически-трагический объем. Ваш НБ.

Андрей Тавров

7 апреля 2018 г.

Дорогой Николай Федорович!

Спасибо за прочтение книги и отзыв. Это действительно история о неинтеллектуалах, простаках, которые не могут жить в сложившемся мире, социуме и пытаются найти Бога и его правду, на свой страх и риск, совершая для этого простодушные, но конкретные усилия. Я думаю, что несмотря на все нелепости и провалы, именно такие простаки и "уродцы" окажутся победителями и найдут и себя и Бога в дальнейшем, вместе с их мятущимся, но устремленным к истине лидером.

Напишу Вам большое письмо, бог даст.

Ваш АТ.

Н. Б.

7 мая 2018

Андрей Михайлович, когда я читал, я так и подумал; ощущение конкретного ландшафта было сильным. Многие в Вашем романе трогают и побуждают к со-размышлению. Но у каждого читателя они, естественно, свои. Я не мог не заметить, насколько сбиты с толку эти люди, по человечески трогательные, но в общемировоззренческом и "мистическом" смысле бегущие совсем не в ту смерть, где корни и пра-основа, но к каким-то экзотическим измышлениям, в том числе к несуразным коктейлям, где архаически-языческий бог почему-то сливается с сатанической энергетикой музыкальной кукольности. Тут можно возразить, вспомнив: "Ангел и кукла – вот в чем суть спектакля". Но Пресли – вовсе не рилькевская марионетка, чистая от эгоментальности. Напротив, Пресли – это тот танцор из четвертой элегии, который на самом-то деле "переодетый бургер", и все его подлинные интересы – жлобские. Не мог Пресли, ожиревший от избытка эго, сидеть после концерта в гримерке и думать о том, что вот, де, не с кем поговорить по душам. Американцы не "говорят по душам", в случае тревоги они идут к психоаналитику. Объединиться в "клубе Пресли" значит решиться похоронить в себе остатки души. На мой взгляд. (Представляю, как в штатах выходит роман под заголовком "Клуб Владимира Высоцкого"). Это ведь в 50-х, 60-х и 70-х годах был раскручен миф об америке как царстве свободы. Жвачка, джинсы, джаз и все прочее. Аксенов, Бродский, Саша Соколов и т.д. Но ведь, кажется, мы это проехали, весь этот детский сад и штаны на лямках. И Саша Соколов давно "всё осознал". И давно уже все вроде поняли, что джаз есть музыка для развлечения, что все его "свободы" есть способ наслаждения фактурой чувственно-физического эгонатиска, а все его духовные потенциалы – воображаемые мифологизмы. Негритянский джаз, конечно, обладал реально-мистическим измерением. Но америка быстро эту мистику выбросила, облив материал хлоркой. Ну и т.д. Разумеется, это моё сугубо личное "заблуждение восприятия". Потому-то я читал Ваш роман "против течения" скрыто-авторского монолога; я наблюдал героя извне как трагический ментальный тупик. Не думаю, чтобы герой нашего времени был другим; вероятно, он именно таков: он сбежал от цивилизационного шабаша, от натиска эгокультуры, но оказался в абсолютной растерянности. .. И все же пусть несходство моего восприятия этого героя с образом, Вами задуманным, с образом, который живет в Вашей душе и, несомненно, бесконечно богаче всех моих поползновений к пониманию, не побудит Вас вычеркнуть меня из списка тех, кто умеет наслаждаться Вашей прозой. Это я на всякий случай. Ваш Н.Б.

15 мая 2018

Пару слов к вашему прекрасному размышлению, Андрей Михайлович. Музыка музыке рознь. В финале первой элегии Рильке пишет об "отваге первомузыки Лина"; плач природы был, собственно, по этому. Пространство испугалось утраты сакрального ("навсегда ушел юный полубог"). И тут в действие пришла Пустота, то есть чистота. Она вошла в особую вибрацию. Эта вибрация – сущностна для настоящей музыки, в ней плач и тоска по "сакральному звуку".

Для Рильке как "раба божьего" (бог – это Орфей) источник музыки – потусторонность здешнего, "другая сторона природы". Настоящая музыка у него "идет и уходит прямо к Богу", минуя человека, который уже не способен воспринять ее духовные вибрации, и потому попытки современности "оприходовать" музыку, сделать ее повседневной (то есть способом развлечения) есть ее опошление и даже умерщвление. Пример из сегодня: Денис

Мацуев, играющий последние сонаты Бетховена. Полная материализация звука. Играет "владеющий роялем" в совершенстве купец первой гильдии. Рояль для него не духовное тело, но вещь из струн и дерева. Что такое духовное измерение звука, он не знает, поэтому духовные грозы Бетховена, который из-за глухоты, собственно, и не знал чисто физических красот звучания, ему не ведомы. Они ведомы, скажем, Фазилу Саю, чье прикосновение к "бетховенскому" роялю – благоговейно-осторожно, пустотно-мистично, то есть орфично, ни в коем случае не "владельчески". Эпоха наша, разумеется, на стороне Мацуева, лихо бацающего джаз. На стороне Элвиса Пресли, выразившего предельную степень овнешненности.

Изначально, музыка, вероятно, "не от мира сего", то есть она касается тайны нашей природы, тайны нашего "теста". Что ясно из всякого древнего народного пения; сама манера пения была мистична. Ее истинный предмет почти всегда один – загадка перехода между жизнью и смертью. Трагедия героя нашего времени, которого Вы вывели в коллективном образе в Вашей повести (Вы прекрасно этого героя развенчали, сознательно или нет, другой вопрос), в том и состоит, на мой взгляд, что он поклонился истукану Пресли, этому беснующемуся голему-нарциссу. Пресли, Майкл Джексон и Мэрилин стоят в одном ряду, это двухсотпроцентная овнешненность, предельность соблазна иллюзией "личности", красивость как агрессия. Народная песня (да и тот же негритянский спиричуэл) пелась неизменно из глубин потаенности; она не продавала ни красоту, ни эмоцию; материальная сторона звучания никогда не эксплуатировалась. Тут как бы всё само собой ясно: эстрада вообще вне музыки, если брать ее, музыки, архетип. Орфей (живший, вероятно, еще на исходе двапара-юги) у Рильке научил зверей слушанию вневещественных звучаний: он построил в их слухе храм. Современность замуровала этот вход в ушах даже и у людей. Суть музыки, по Рильке, неизменна: "То дует в нас Ничто с божественных высот". Всё та же вибрация Пустоты-Чистоты. Чистоты как свободы от знаний, опыта и всех иных личностных вожелений-самоутверждений. Это и есть ключ к чистому восприятию, к "чистой связи". Когда нет чистого восприятия, то и услышать "первомузыку" никак не удастся. Никому и никогда.

Скажем, какую чистоту мог транслировать самовлюбленнейший Пресли, с редким напором благословлявший вьетнамскую бойню, бывший ее пламенным апологетом и яростным доносчиком на пацифиста Леннона? Пресли был сфабрикованным продуктом бизнес-американизма, то есть архетипически-утробным антиподом Лина и Орфея, в то время как в габитусе Леннона орфические черты усмотреть нетрудно.

В том-то и сложность предмета, что в восприятии ее конкретики мы чрезвычайно субъективны; потому-то споры неуместны, возможен в лучшем случае лишь обмен впечатлениями. Рильке, например, заболел от какого-нибудь одного прослушанного произведения, надолго "выходил из строя". А христианин Киркегор, считавший всю новоевропейскую музыку *медиумом демонической чувственности*, то есть подтверждая древнюю интуицию о музыке как стихии соблазна как такового, знал моцартовского "Дон Жуана" наизусть.

17 мая 2018 г.

Дорогой Андрей Михайлович, моя дискуссия едва ли была уместна, как-то незаметно для меня моя мысль сползла с темы музыка как таковой на темы почти идеологические, так что я даже джаз свел к одной-единой функции, что, конечно, писаревщина. Но

дипломатия, увы, не мой конёк. А мне при чтении как-то стало жаль ребят, всё лезущих в петлю, и я, видимо, стал озабочиваться поиском лекарства. Так вот и пошло-поехало... Но надо ли говорить, что дитя, Вами рожденное, вовсе не нуждается в комментариях. Комментарии нужны тем, кто комментирует. Интенсивность Ваших откликов на текущую плазму жизни, на реальность меня неизменно восхищает. Всех благ! НБ.

Андрей Тавров

17 мая 2018 г.

Дорогой Николай Федорович! Если бы Вы знали как я ценю Вашу работу и дорожу диалогом с Вами! Я рад, что у меня есть возможность время от времени в него входить, уточняя и корректируя свои интуиции, и проводя их через Ваше смысловое поле. Я восхищен Вашим мужеством говорить вслух вещи, которые большинством публики не только не могут быть поняты, но, возможно что и восприняты <могут лишь> как одиозные. Ваша работа с Рильке удивительный по силе проникновения "проект." Надеюсь увидеть книгу о нем, о которой Вы говорили.

Искренне Ваш,

Андрей.

Н. Б.

18 мая 2018 г.

Добрый день, Андрей Михайлович! Вы правы, в ф-буке вести такие разговоры – по крайней мере странно и неразумно. Немедленно попадаешь в разряд монстров. Надеюсь, что поумнею. Книга о Рильке. Она вышла в серии ЖЗЛ в "Молодой гвардии" месяц или полтора назад (уже продается), но я все еще жду-пожду авторские экземпляры. Осенью я по настоятельной просьбе редактора, которая по несчастью (для меня) оказалась яркой западницей (профессор факультета журналистики с двойной фамилией), вынужден был вдвое сократить рукопись. Гл. редактор Петров звонил мне и говорил: "Н.Ф., у меня философское образование и все же я с громадным трудом продираюсь сквозь текст. А ведь наша серия для совсем простых людей..." Была и другая причина: редактор искренне не хотела верить, что Рильке имел именно то мировоззрение, которое имел. Ей казалось, что я навязываю искренне-изощренному европейцу Рильке некую склонность к архаике России и Востока. После тяжких раздумий я все же решился на сокращение и упрощение. (Но не на смену парадигмы). Опасность была в том, что приходилось всё делать буквально в считанные дни; так что нестыковки неизбежно где-то возникли, равно и пропорции сместились. Что-то крайне важное вылетело, а второстепенное вышло на первый план. Но слава богу, никаких предложений по вмешательству в текст не поступало. Впрочем, я бы их и не потерпел. Зато я сейчас знаю, каковы реальные требования к жанру этой серии. Только зачем они мне?

Выслал сегодня Вам почтой (заказная бандероль) книжечку моих виршей, вышедших в прошлом году. Дарить ее Вам я по понятным причинам не собирался. Но утром начал (для одной цели) просматривать и почему-то захотелось показать это Вам. Я увидел там субъекта с неким мировоззренческим ядром (а не с россыпью эстетических грез); это выраженная позиция о "другой красоте", Вам уже известная, но здесь она в стиховой форме. Если что, подарите книжечку какому-нибудь юноше с метафизическим уклоном.

НБ.

Андрей Тавров

19 мая 2018 г.

Дорогой Николай Федорович!

Для меня большая радость узнать, что Ваш Рильке вышел отдельной книгой. Пускай они сокращают и режут, что всегда больно и мучительно для автора, но я убежден, что на сегодня это, возможно, лучшее о Рильке и не только на русском языке, и конечно же, постараюсь купить книжку в ближайшее время. Люди с философским образованием, считают, что им все по плечу в смысле восприятия сложных книг, но им никогда не дастся, на мой взгляд, та простота созерцания, та смиренность, при которой вещь открывает себя, как и дерево, и небо, и ангельское пение (сокрытая для обычного уха музыка). Сегодня после некоторых трудных событий пошел отнести квиток за воду и по дороге увидел гроздь сирени над головой, и все дело было в том, что они смотрят *так*, и что они в каплях, и в каждой капле есть и сирень, и ты, и все остальное, и это – родное, и это – та музыка, которая идет к душе, минуя ушную раковину. Какое чудо под боком! В том, что в нас вложено, чтобы сирень нас увидела, какое тишайшее чудо! (Кстати, пишу постфактум, интересно, что Беньямин давал определение ауры вещи как состояния, когда вещь тебя видит). Если б я шел и думал о Канте или об Агамбене, или о том же Беньямине, то вряд ли бы я увидел то, что увидел. А то, что трудность, с которой я столкнулся, вызвала нужду общения и после – простоту общения с другом и переход от оперативного ума к смирению, открыло мне вход к сирени.

Большой спасибо за посылку с Вашими стихами – у меня лежат две Ваши зеленые книжки ("Мост"), одна из которых совсем развалилась от употребления, и я купил вторую. Время от времени я их перечитываю, мне это нужно и важно. Послесловие о стихах, Ваш манифест, тоже крайне интересно и толкает к диалогу, к размышлениям.

Спасибо,

Ваш Андрей.

Н. Б.

28 мая 2018 г.

Добрый день, Андрей Михайлович! Вчера вечером просматривал ту стихотворную книжечку, которую Вам послал, и обожгло ощущение ненужности её распространения. Это такая районная самодеятельность; давно потерявшая всякий смысл эксплуатация слова "бог", как и многих прочих. И, размышляя о причинах такого рода графоманства, я подумал, что, вероятно, необходимо изойти словами, чтобы убедиться в их тщетности. Вновь и вновь пускаться в предприятие, заведомо обреченное на поражение, ибо это такая редкость, когда кто-то вылупляется из слов. Мне даже подумалось, что быть может вообще вся культура в целом есть не что иное, как выработка потенциала тщеты, отчасти с целью постижения человеком границ этой тщеты. Вполне вероятно, что вся культура – это строительные леса. Однако трудно предположить, чтобы Мировой Орел не наслаждался третьим концертом Рахманинова или 32 сонатой Бетховена, когда они дошли до его слуха. Есть ли у Мирового Орла свои строительные леса? Иные строительные леса, быть может, становятся собором или даже новой галактикой. Какой фантастический размах игры! Н.Б.

Андрей Тавров

28 мая 2018 г.

Дорогой Николай Федорович! Сегодня я размышлял на ту же тему. Выбрался в Новодевичий к могиле Соловьева, там же недалеко А. Белый. И стоя перед темной Богородицей пережил что она касается меня, моей души, входя в глубь необусловленными слезами, и при этом не нужны ей слова, сноски, пояснения и уточнения, потому что этой великой простоте нечего пояснять и прояснять, потому что она – такая. Вот такая, так. Однако это и явление культуры, которое помогает сформировать пространства Встречи. А потом стоял с колокольчиками, которые кто-то посадил на могиле Соловьева, и тоже было просто, как у иконы.

Культура, создающая пространство возможной Встречи... она нужна и прекрасна. Я прочитал сегодня первые страницы Вашего Рильке и они начали мой день, сделав его вдохновенным. Уверен, что тот же потенциал таится и в книжке Ваших стихов, за которой завтра иду на почту. Это не просто слова, конечно, это жест, указание, след Единого. Ваш Андрей.

28 июня 2018 г.

Дорогой Николай Федорович!

Хочу поблагодарить Вас за Вашу книгу стихотворений, к которой я периодически возвращаюсь последний месяц, когда нужен толчок или глоток чистого воздуха. Особенно откликнулось о Пушкине и его шумерском языке, стихотворение таинственно, как свет в окне, когда набредешь в лесу на избушку, как это случилось со мной в пионерском лагере под Тарусой на Новый год. Конечно в таких стихотворениях есть скрытый коан, как и во всем, что указывает на тайну при помощи слов, там есть и "философия", т.е. любовь к мудрости. И, конечно же, там есть страсть, неравенство самому себе, и что восхищает – страсть, жажда правды, неприятие всей череды обманов культуры, которая нас морочит. Эти стихи "не бумажные", они имеют золотое обеспечение – Ваши прозрения, боль, опыт, труд, одиночество, жизнь. Таких стихов сейчас я практически не знаю. Когда-то я сформулировал для себя, что "стихотворение это преступление", это нарушение установленных обществом границ, причем такого рода, за который можно поплатиться, иногда даже жизнью, как в случае Лермонтова и многих поэтов и писателей, действующих в первой половине 20 века в России. Красноречив опыт Мандельштама в этом смысле – он нарочно пишет "преступное стихотворение", нарочно читает его вслух, таким образом, придавая написанному весомость жизни/смерти, уравновесив тяжесть слова и тяжесть крови. Что такое жертва? Классическое жертвоприношение? – не узаконенное ли государством преступление: убийство животного, иногда человека. Стихи, лишённые элемента преступления и жертвы (но не государством прикрытых, а Богом желанных), становятся пустяком, ненужной игрушкой, которых уже горы и они все множатся, особенно в виртуальном пространстве. Они ничего не значат, более того – дискредитируют и убивают смысл поэтической работы как таковой. Я много читал за последние 7 лет – но даже наиболее мастерски сделанные вещи перестали меня завораживать, ведь они – безопасны, они не рискуют, они "не написаны кровью" по выражению Ницше. Преступления сегодня не получается – все дозволено, все можно, преступать нечего. А преступать необходимо – всю болезнь апокалиптического общества. Ваша книжка – из другого (к сожалению, на сегодня совсем малочисленного) ряда.

Спасибо Вам за нее, она как источник в чаше.
Ваш Андрей.

Н. Б.

22 июля 2018

Добрый день, многоуважаемый Андрей Михайлович! Только что приехал из путешествия, где не общался с интернетом. И вот получил Ваше письмо, столь неожиданное и столь тронувшее меня. Спасибо. Ваша метафора "преступления" мне понятна, но мне Ваша мысль ближе, если ее повернуть: преступают законы Дхармы как раз люди инерционно-сновиденного хаоса, а поэты пытаются свято исполнять закон, "записанный-в-сердце", как полагал, например, большой поэт Джозеф Конрад, с книгами которого я проводил время в поезде. Его "Лорд Джим" – поэма о чистейшей, поистине реликтовой душе; человек невероятно страдает из-за сущего "пустяка", из-за такой тончайшей моральной ошибки (скорее, он жертва роковой случайности), мимо которой прошел бы даже Достоевский. А "Сердце тьмы" с чувствованием сплошных вибраций тайны, где малейшая нечистота (прежде всего собственная) вбрасывает героя в ад.

В мире нашей текущей кали-юги, я полагаю, поэзия льется тремя почти параллельными потоками, согласно общеизвестным трем стадиям жизненного пути: стадия этического тела (великолепно показанная Конрадом или Сент-Экзюпери), стадия духовной чувственности и стадия чувственности эстетической. Три разновидности красоты. В последней стадии ныне живет подавляющее большинство сапиенсов и литераторов. И этот поток будет возрастать с ускорением. Понимание поэзии стадии духовной чувственности для массовой поэзии нашей юги совершенно закрыто; здесь либо как бы нечего воспринимать, либо всё слишком примитивно. Равно для человека стадии этического тела вся эстетическая изысканность наших цивилизационных соревновательностей невероятно воняет и потому есть шлак и ложь. Ну и т.д., и т.д. Всё это, конечно, древние понимания и разграничения (разумеется, для саттья-юги всё это неприменимо), и они не имеют смысла, пока не переведешь их в плоскость реального ими пользования, реального осознания соприсутствия трех фактически автономных вселенных.

Мы давно оторваны от нормальной духовной, этической и эстетической атмосферы. Ведь самые ранние артефакты, нам известные, на которые мы могли бы опираться как на сигналы из саттья-юги, принадлежат пограничной эпохе между двапара-югой и кали-югой. Они уже горчат длительным упадком. Однако для нас они все же сиятельны чистотой и нежностью, правдивостью, порой непостижимо жестокой. Дело у нас дошло до того, что даже столь простое и очевидное разграничение красоты бытийной и красоты товарной отторгается: культура в обмороке; все содержательные смыслы и символы духовно-этического традиционалистского порядка вбрасываются в эстетическое варево. И что значит сегодня успех книги? Пишутся талантливые романы о полубомжах-полусвятых, о просто святых, и как эстетически блистательно они написаны. Но каково их потребление? Сугубо эстетическое. Фантастическая легкость фантазии и стиля от Эко до Павича и прямиком в наши дни, где десятки шармантных имен. Разумеется, эстетическая рафинированность и изощренность в эпоху кали-юги неизбежно будут возрастать. В сущности, мы обречены на всё возрастающий (почти в геометрической прогрессии) поток талантов во всех сферах, поскольку ядро человека "освобождено" от этического и тем

более духовного творчества-роста, так что совокупная внутренняя энергия, жизненная сила вся устремлена в единое русло эстетики, принимаемой с божественными почестями. Неимоверный поток художественных талантов и есть погибельный путь для культуры, для ее остатков. Это страшный крен, который должен был бы ужаснуть экспертов. Но эксперты восхищены.

Чуть в сторону. Моя жена перечитывала в поездке "Войну и Мир". Когда закончила, я дал ей томик Брэдбери "Вино из одуванчиков". (Бредбери "Марсианских хроник" ей близок). Она почитала и отложила: да, талантливо, поэтично, порой трогательно, но пусто, всё это не обо мне; в "Войне и Мир" всё обо мне, каждая страница, а здесь он занят собой. Сколь часто я сам откладывал эстетически талантливейшую книгу или фильм с чувством неотвратимой зевоты или отвращения.

Для кого мы пишем? А для кого цветет и наливают нежностью плоды абрикосовое дерево в кавказской непроходимой чаще на краю обрыва?

Но что-то я зарепортировался. Ваше противопоставление драйва и созерцания я приветствую. Куда ты мчишься, цивилизация, дай ответ? Не даёт ответа. Но индийские архаические тексты все же чуть-чуть приоткрывают эту завесу. Ваш НБ.

2 октября 2018 г.

Добрый день, Андрей Михайлович! Прочитал я Ваш разговор с Миркиной (мир её душе!) о сущности поэзии (в "Детях Ра") и почему-то написал текст. Шлю его Вам. Может быть, имело бы смысл опубликовать его в тех же "Детях Ра", если это возможно и если материал не вызывает у Вас отторжения (что было бы не удивительно, конечно). В данном случае жертву можете принести именно Вы. (Моя широкая улыбка). Одним словом, всецело на Ваше усмотрение. Ваш НБ.

P.S. Заголовок, вероятно, грубоват. Да и написано грубыми мазками. Однако такого рода разговор неизбежно провокативен, имея целью не персону конкретного поэта, а проблему.

[Приводить здесь текст этой статьи-письма, названного мной "Кирпич и лягушка", не имеет смысла: он слишком громоздкий. Зинаида Миркина и Андрей Михайлович категорически не согласны друг с другом в понимании феномена "духовной поэзии". Миркина говорит вполне традиционные вещи: указывает на сакральный исток поэзии как таковой, соответственно место поэта – топос служения, вслушивания в голос самого бытия (Бытия) и трансляции этой вести на тот язык, которым ты владеешь. (Она во многом была *рилькеанкой*). Поэтому она и пишет, что поэтическое творчество есть перевод невыразимого (или с невыразимого языка) на наш язык, сиюминутно нам явленный

Казалось бы, спорить не о чем. Но, – возражает Тавров, – если так, если настоящая поэзия есть смиренная трансляция подслушанного шороха непознаваемого, если поэт всего лишь чистая мембрана, фактически анонимный медиум, то поэтами могут считаться лишь весьма немногие, этакая малая горстка духовидцев: Рильке, Трагль (и то с оговорками), Гёльдерлин, Силезиус... Но это же абсурд!¹ Неужто все другие поэтические пути и дороги следует отменить или обозвать ненастоящими, несущностными? Неужто

---

¹ Но А.М. сознательно зауживает этот список, куда конечно же легко включить десятка два поэтов только европейских, начиная с Лермонтова, Тютчева и Соловьева и далее к Георге, Шару, Бонфуа, Хлебникову, Тарковскому, Айги... Не говоря уже об испанской, китайской, индийской и японской литературах.

путь к "духовной поэзии" один-единственный? И второй момент крайне беспокоил Таврова: узнаваемость поэтического голоса. Я хочу быть моментально узнаваемым, я не хочу быть серым неприметным посредником между высшей силой и людьми.

1

Мой комментарий к этому спору выглядел примерно таким: «В книге "Нулевая строфа" А. Тавров пишет: «Великий христианский драматург Поль Клодель говорил, что его вдохновили на создание его поэзии не благочестивые стихи, а стихи атеиста и хулигана Рембо. Именно в них он почувствовал и вместе с автором пережил встречу с Непознаваемым, с Другим, с неизъяснимым. Парадокс? Нет, метод. О котором, собственно, и хочу сказать два слова. *Представьте Неизъяснимое, Бога в виде Тихого океана (метафора довольно-таки распространённая). Рыбы-люди этот океан не замечают, как и воздух, которым дышат. Но вот появляется поэт, открывший душу для потрясающей встречи с Безмерностью, с запредельным и переживший её. Он – поэт, он потрясён, он хочет это описать.* Это можно сделать, "подкрасив" участок безбрежного водного пространства. Ну, допустим, существует что-то вроде поэтической марганцовки (символы, метафоры, парадоксы), и с её помощью можно сделать часть "воды" видимой, но все равно выраженной земными словами, вербальной реальностью. Такова поэзия Ангелюса Силезского, поэзия переложения псалмов, вообще поэзия, имеющая дело с благочестивыми словами о Боге (если описывать природу подкрашенной воды). Чаще всего очень назидательная и в общем перестающая быть поэзией. *Но есть и другой способ. Бросить в тихий, бесшумный и неразличимый океан кирпич. Взбаламутить его, вызвать резонанс, не отказываясь от странных и удивительных свойств собственно поэзии. От корявой и неповторимой природы именно этого кирпича.* И кажется, что Тому, Кто и есть этот Океан, нравится, когда поэт в угоду Океану не отказывается от "несовершенных законов" самой поэзии, не расстается с её нетождественной Океану природой, не стремится, жертвуя ей, "обслужить Высшее". Поэт понимает, что кирпич есть кирпич, а Океан есть Океан. Но тогда смотрите, что происходит. Если бросок был хорошим, то Океан реагирует, образует расходящиеся круги, обозначая и Самого Себя, и форму кирпича, вырванного из бытового привычного употребления и брошенного в Океан. И тот, кто следил за броском, становится свидетелем проявленности Неведомого при соблюдении формы и собственных свойств кирпича, теперь более ясных, более просветлённых, невероятных (никогда не виданный Океан благодаря им обозначился – чего же невероятней можно желать от этих свойств!), чем при нахождении в кладке.

Когда Мандельштам пишет: "...по сухой реке пустой челнок плывет", он бросает кирпич в океан. Провоцирует нестерпимым словосочетанием внимание к расходящимся кругам. Когда Рембо пишет об «Искательнице вшей» и детской коляске на лесной дорожке, он бросает кирпич. Когда Маяковский грозит Богу распороть Его до Аляски, он бросает кирпич. Когда Ницше подписывается "Распятый" и говорит, что Христос был слишком юн, чтобы быть мудрым, – он бросает кирпич...»

2

А. Таврову недостаточно сказать, что поэт сегодня ищет парадоксальный образ, образ-парадокс, чтобы привлечь внимание к себе, к своему тексту, то есть к своему переживанию Непостижимого. Но образ швыряния кирпичей в божественный Океан явно

неудачен, ибо натужно театрален (все эти "желтые кофты" и сюрреалистические манифесты со стрельбой в прохожих) и агрессивно-кичлив. Он тактильно-сюжетно создает ситуацию Давида и Голиафа, воинственной толпы, штурмующей крепость, чего стóит одно только сравнение "поэтического кирпича" с большевистски-богоборческими угрозами "Океану" от проплаченного "хулигана" и "горлана-главаря". Иначе как мерзостными эти с позволения сказать стихи назвать нельзя, ибо есть же предел наглости оскала гниющего чрева. Уравнивать амбициозность и яческий апломб Маяковского с "Сонетами к Орфею" Рильке, ставить рядом "Выхожу один я на дорогу..." Лермонтова с "Искательницей вшей" Рембо... Это значит, не обращать внимания на сам душевный состав субъектов лирики. Принимать в расчет только технологию "поэтического продукта". В наш век, пропитанный до доньшка нигилизмом, где вся культура дышит этой отравой, поклоняясь этому демону, где каждое дыхание горчит этим отчаянием, только настоящий поэт способен противостоять этой вездесущей доминанте. Собственно, сегодня в этом и состоит единственно важный его долг.

Для Таврова Океан – это Неизъяснимое. Задача поэта, как он считает, – описать свою потрясенность этой мгновенной встречей с Безмерностью. Он ищет яркие средства, поскольку его задача – привлечь внимание читателя. Но само это привлечение внимание сбивает созерцание с изначального, возможно истинно религиозного, модуса, где любому виду корысти нет места. Никакого Бога в строчке Мандельштама нет, это всего лишь образ экзистенциальной тщеты. Стихи Рембо это сплошной и откровеннейший эпатаж подростка, воюющего с социумом. Почти то же самое с Маяковским, подражавшим своему богу Ленину, который при малейших намеках на трансцендентность падал на пол в конвульсиях бешенства. Маяковский был парализован жаждой социального самоутверждения и "ненависть к Богу" использовал как приманку. Какая тут "духовная поэзия"? Это поэзия подростковых кощунств, то есть изнасилование природы поэзии в корыстных целях. (Кому не известно, что весь революционный, в том числе ментальный натиск Ленина и его окружения основой своей имел органическую ненависть к православию и к любому "Боженке". Это последнее слово было в устах Ленина крайним ругательством. Маяковский, как он сам вещал, лепил себя с Ленина, и неважно искренне он это делал или это была "театральная декларация/декорация". Если пойти по логике "духовного действия", то тогда можно сказать и такое: когда Ленин криком кричит с броневика, то он бросает кирпич. Или когда подписывает расстрельные списки священников. Океан – это бытие, в которое вождь швыряет себя в форме демонического стихотворения, если продолжать мысль Цветаевой о первенстве "поэтов действия" над поэтами словесными. Поэзия (равно и жизнь) переполнена демоническими стихотворениями и даже шедеврами. У духа есть лики, у дьявола тоже есть свои ангелы. Дьявольские вестники тоже парят. Как мы их узнаём? По запаху.

Андрей Михайлович договаривается до того, что именно такого рода радикально "хулиганские" образы и приемы предлагает считать признаками "духовной поэзии": «Собственно, брошенный в Океан кирпич это и есть сам поэт в форме духовного стихотворения». Глава в его книге так и называется: "Кирпич как провокативная функция стихотворения. Заметки о духовной поэзии".

Зинаида Миркина, дошедшая в своем чтении до этой главы, была поражена, и она бы не взялась за перо и не стала бы протестовать, если бы не относилась к поэту Таврову с огромным уважением.

«Обращали ли вы внимание на то, что в процессе развития европейской культуры и литературы всё более интенсивной становится функция стихотворения как преступления? Поэзия Гомера или Сапфо не могла быть политически преступной. Поэзия Ли Бо или Вергилия тоже. Вернее, преступность этих стихов была поощряема их современниками, ибо преступность стихотворения, его функция переступания через обычно неподвижные рамки – этические, мировоззренческие, а самое главное – через рамки, отделяющие единый и вечно новый строй мира от бытовых окаменевших истин в традиционных обществах, ещё помнящих о пророческой и шаманской функциях поэта, – эта сакральная преступность считалась основной функцией стихотворения, которая была востребована коллективным сознанием общества, как примерно была востребована священная преступность дионисийских радений или европейских средневековых карнавалов. Крайний её случай, когда отождествление преступности поэзии и преступности как образа жизни привело Вийона в тюрьму.... Нам нужно унифицированное общество, где все ходят в джинсах и пишут любые стихи, которые в мире однородности, в мире конечных вещей (других современное общество не знает и принципиально не хочет знать) не могут быть преступными. И высказывание о том, что гением быть неприлично, – это обратная сторона неприличности "преступной поэзии". Но поэзия, перестающая быть преступной, – больше не поэзия...» Здесь всё та же футуристически-сюрреалистическая жажда "шокировать приличное общество", то есть громадная зависимость от мнений этого общества, какая же тут свобода? За этим желание обратить на себя внимание и снискать аплодисменты и славу "бунтаря"; это древняя и вполне отработанная "технология успеха".

Дело не в том, что перестали писать "острые" стихи (непристойных, истеричных, "пророческих" стихов пишется море, богохульных и хулящих всякую власть, орущих в пароксизмах протестов; словесники перешли все границы в направлении сатанизма и глумления над природой и сущим, в глумлении над самим языком), а в том, что всякий человек (за редким исключением) стал преступником, нарушающим без стыда и намеков на раскаяние все заповеди Господни; то есть сакральный закон в новое время погран нагло и массово, сверху и снизу. Вот почему сегодня столь смешон посыл понимать поэзию как "бунт гения", как активное участие в общественной клоаке. Поэзия от начала была искусством мудрого бытия, то есть бытием тишайшим и потаённым. И если это бунт, то он именно такого рода: его замечает тот, кто уже идет по узкой тропе, а не по широкой дороге. А вся сутолока, все крики вийонов, рембо и маяковских всегда были симуляцией поэтического действия, словесным торгашеством, но никак не чистым действием. Не случайно мы увлекались (порой до потери пульса) Вийоном, Рембо и Маяковским именно в подростковом возрасте, где бунтарство мятущихся надпочечников кажется поэзией.

Лучшие стихи лучших поэтов – это пролегомены к входу в святилище бытия, но еще не само святилище, это подготовительное пространство свободного созерцания. Сами по себе стихи не могут нам сообщить ничего важного уже хотя бы потому, что поэт молится на красоту формы и обожествляет язык. Но язык обманывает. Всё важное скрыто в несказанном. К этой-то границе великий поэт (который есть одно лицо, рождающееся в разных столетях) и подводит. Устремленные к славе поэты зря раскатывают губу.

Великий поэт Майстер Экхарт (не писавший стихов, но живший поэтически) говорил, что нас делает совершенными не то, что мы создаем и изготавливаем, а то, *что происходит* с нами. Важны не слова, а состояние говорящего, уровень сознания клеток организма. Джон Кейдж как-то рассказал о важной для него встрече с музыкантом Гитой Сарабхай, которая приоткрыла ему нечто, а именно, что в Индии (прежде и сейчас) музыка пишется и создается вовсе не с целью развлекать или возбуждать, но с совсем противоположной: чтобы "отрезвить и успокоить ум и тем самым обрести восприимчивость к божественным влияниям". Это очень верно и в отношении настоящей (а не симуляционной, угодливо социальной или борцовски социальной: сие одно и то же) поэзии. Стихи создают базу для *восприятия* чего-то иного, нежели словесность со всеми ее красотами. Они помогают выйти из словесности, освободиться из тюрьмы языковой глоссы, выйти на простор, где уже возможно соприкосновение с "божественными веяниями". Истинно поэтическое действие (что и есть духовная поэзия) есть та форма достигнутого внутреннего умиротворения и тишейшей кротости (аннулирования самостного "я" и появления на свет Божий атмана), когда Океан позволяет поэту услышать себя, свою музыку и свою трансцендентальную речь. Не кидание кирпичей взъерошенной кичливо-тщеславной самостью, а вслушивание в речь Океана, которое дается только духовной практикой Послушания.

Поэтическая весть, которую мы оставляем на земле, это не наши стихи, не комок слов, а то пенье, которое мы реально произвели своей жизнью в "божественном пространстве" дней и ночей. Пытаться выдать красивую эмблему или картинку на доме за сам дом – полуразрушенный и загаженный, слишком частый трюк у современных поэтов. Этот метод подделки, дешевой подмены целые поколения обыкновенных людей переняли у поэтов, отвергнувших свой долг работать над своим домом – душой. Вот это и есть преступление поэтов.

Разве дух – это не то веянье, что наполняет каждую клеточку мироздания? Так что есть духовная поэзия, как не постижение его, как не ему себя отдание? Поэзия – не словесность блуждания, а духа из пяток восстание.

4

В главке "Запретный огонь реальности" Тавров пишет: «Преступать больше нечего. Раскольникову было, что преступать, – отсюда огромная энергия, высвобожденная романом. В поэзии, где сняты запреты формообразующие и этические, в современной поэзии – преступать нечего, и, как следствие, она утрачивает энергию. Она остывает, как старая звезда. Она уже призналась себе в этом – давайте деконструировать, играть и веселиться...»

В ответе З.Миркиной на ее протесты Тавров снова выходит на тему полемики поэта внутри поэтической тусовки: «... И тут же возникает чувство благой, но опасной общности, единства, в котором тебе надо найти свою "букву", отличающуюся от звучания других "букв" мирового Слова, мировой песни, мирового стихотворения, потому что если твоя буква не будет отличаться от другой, то слова не получится, а получится слияние, междометие, мантра. И чтобы стать другой буквой, тебе надо и согласиться с великими прорывами Духа, которые произошли до тебя, и противопоставить себя всеобщему Духу, Другому, как противопоставляет себя короб бумажного змея потоку ветра, и тогда тот возносит его ввысь...» Я писал автору этих слов о том, что это изложенная другими

словами негожая теория Бродского, провозгласившего поиск "лица необщего выражения", якобы из заветов Баратынского. Но комизм в том, что в контексте стихотворения Баратынского ("Муза") теза о "лица необщем выраженьи" звучит прямо противоположным смыслом. Все вокруг (девы, музы, поэты) суетно озабочены эстетикой своего образа, впечатлением, которое они производят, и лишь она одна (*Муза* Баратынского) абсолютно равнодушна ко всей этой рыночной вакханалии и соревновательности, она естественна и самоуглубленна, равнодушная к оценкам и мнениям. И в этом-то как раз и заключено для Баратынского "её лица необщее выраженье". *Общее выражение* – это набор отрепетированных перед зеркалами лиц и поз: искусственных наигрышей загадочности, таинственности, шика и т.д.

5

Надо признать, что А.М. трактует религиозность (а поиск диалога с Океаном это безусловно форма религии) сугубо эстетически, что приводит к проскальзыванию мимо, ибо сущность Космоса – Душа, а не эстетика. Красота от "всплесков" воды после удара "кирпичом" – абсолютное ничто, а вот мотивы, внутренние "экзистенциальные" желания автора – это то, что будет считано Океаном, и лишь это состояние (донное, исходное) души и духа "будет учтено". Бог – не то существо, которое можно обмануть или увлечь эстетикой. Финты эстетики нужны редакторам, жюри и комитетам по премиям, Океан же (как и "идеальный читатель") слышит неслышимое и видит невидимое. Игры в нигилизм и в эстетические симуляции "полной духовной свободы" и без того уже сидят в печенках человечества. Дошло уже до того, что каждый десятый священник истово занимается живописью или сочинением симфоний; а стихами пробавляется каждый четвертый "духовный пастырь". Да целые монастыри только и делают ныне, что поют и пляшут: "духовно растут".

6

Есть что-то "возрожденческое" в запале современных поэтов, в этом запоздалом "я земной шар чуть не весь обошел". В сущности, они описывают возбужденность своего "владения миром": миром вещей, артефактов, мыслей и концепций, они описывают свои "особенные переживания". Но они совсем не сообщают ничего о Боге, о реальности, хотя много об этом болтают. Они описывают свои богатства, свои коллекции: это, это, это – полюбуйтесь! Но все это дурная бесконечность профанного пространства, в котором увяз еще Бродский. В строфах якобы духовной поэзии встает мир жадных рук и глаз, жадных и хвастливых приобретений, горделивой самодемонстрации, но не встает то единственное, чего ищет и ждет душа – чистое истечение запредельно-здешнего, кротость сердечных ритмов иномирья, делающего нелепыми все наши претенциозные захваты и соревновательные метания. Словно бы духовная поэзия – дегустатор жизни, но не свидетель бытия.

Убежден, что всё совсем наоборот: преступник – это прагматик-демократ-либерал, он же салонный шаркун в разнообразных позах (вспомним у Рильке в четвертой элегии театрального танцора), преступники – это как раз те, кто превращают ныне поэзию в гедонистическую игру, сочиняя фейерверки; против этой тенденции вроде бы как раз и выступает Андрей Тавров. Истинный поэт всегда и неизбежно был (и остается) внемирен, отрешен, "трансцендентально" одинок. Преступник всегда тот, кто преступает

Закон/Дхарму. Поэт же (истинный, то есть чтущий бытийную истину) трепещет перед Дхармой. Он клеточно и пяточно втайне благоговеет (в пиках своей силы) перед мистерией, которая и вовне, и в нем. Преступления совершают именно куцые прагматики, именно они – преступники, падшие, отверженные от эпицентра сакрального пути мира. Именно они дерзят и безумствуют, пытаясь самоутвердиться на путях материально-временного. Поэт же служка, кнехт. Почти вся красота современного искусства лежит в сфере необязательности, дурной раскрепощенности, в сфере свободы, понимаемой как распушенность. Истинная поэзия – вне мира сего, вне законов его эстетики. Возможно, что истинная поэзия вообще никому сегодня не ведома. Примерно то же самое с красивыми женщинами: чем они красивее, тем отвратительнее, ибо их красота чересчур "от мира сего". Поэзия как данность дня сего преступна, ибо не чтит сакрального закона. (Скажу больше: преступна вся современная культура, базирующаяся на принципе почтительности к эго). Истинных поэтов весьма немного, они рассеяны в веках и тысячелетиях, они передают друг другу один и тот же образ, они ни в коем случае не изобретатели нового. На этом зиждется их смирение мудрецов. Поэт – птица чрезвычайно редкая, залетная. Поэтому полагать, что она участвует в "литературном процессе", просто смешно.

Поэт, служащий истине, всегда Одиночка, и пространство его бытия – это то одиночество, где он не только не борется со смертью, но учится дружить с ней, осознавать ее и чувствовать второй половиной священного процесса. Преступает ли сакральный закон Орфей? Будучи мистагогом на Элевсинских и других мистериях, Орфей приоткрывал адептам тайну единства жизни и смерти, тайну их союза, учил вслушиванию в сакральное пенье растительного мира. И в этом смысле поэт недостижим для профанных энергий социальных похотей. В истинном поэте реализует себя существо, по отношению к которому Орфей – слуга. А его реализация суетному миру даже и не видна. Подобное открывается подобному. Вот почему размножение создателей красивых стихотворений отнюдь не говорит о росте поэтического сознания общества.

У мудрой Зинаиды Миркиной Бог вполне реальный, бытийный, а у Таврова бог эстетический, бог-метафора, бог игры. Хотя как у частного лица у Таврова вполне реальный бог – Христос Евангелия. Но в этом-то и разрыв, в то время как его любимцы, Вийон, Рембо, Маяковский, были цельны в своем поэтическом действии, служа анархическому демонизму.

Здесь тема роста – единственно по-настоящему важная. Растет ли поэзия, растет ли сам поэт как "космическая вибрация". Какому росту в читателе подает он энергию своим образом и своими стихами? Так Розанов, относившийся к словам как к реальности, ужаснулся художествам Гоголя в "Мертвых душах", и так Лев Толстой назвал Гоголя русским Паскалем, выросшим духовно настолько, что отверг художественные игры (сожжение второго тома "М.Д" как религиозный акт), избрав путь "внутреннего человека". И так сам Толстой внутренне отказался от служения "чистой художественности", выросши в духовную монаду. Вот с этого и начинается духовная поэзия, если конечно ты не дан сам себе в качестве уже просветленного, как это случилось с Пушкиным. (Даже поздний Толстой называл Пушкина в частных беседах не иначе как "божественный"). Духовная поэзия начинается с внутреннего преображения лица поэта, ищущего отклика не у материализованного бога-Океана, которого ты полосуешь ножом, хамски его оплевывая и выкобениваясь своей "партийной" самостью (другой вариант: ты швыряешь

кирпич в лицо Океану-богу; и если даже Океан духовный, а кирпич тоже нечто одухотворенное, это все же не отменяет хамского жеста: интонация, тон, жест в поэзии посильнее даже семантики), а у своего сердца, у его сокровенного ядра. Чего же удивляться самоубийствам Маяковского, Есенина, Цветаевой, если нож можно было вонзить в Бога, то есть в центр собственного сердца.

Разве искомый духовный Океан блаженно плещет и нежно шепчет свои невыговариваемые тайны не внутри тебя? А эстетический Бог – это химера воображения, сумма художественных достижений человечества, возведение "вдохновения" в ранг чуда, свидетельствующего о божественности поэтического ремесла. Эстетический Бог – всего лишь гиперметафора, способ крика и плача без должных к тому оснований (должные основания были у Иова и у моих предков, донских крестьян, чьи хутора друзья Маяковского сжигали, а их самих в товарных вагонах увозили в Приполярье, выбрасывая голыми в снега при минус сорок по принципу "лица необщего выраженья": ложно истолкованной строчки из "Музы" Боратынского.

Духовная поэзия ищет и находит контакт не с богом, якобы живущим во внешнем мире словесных коммуникаций, а с тем, который живет в святая святых человеческого сердца, интимнейшим образом отключившегося от коммунальной и общественной брехаловки. И когда Рембó писал на стенах парижских храмов "Смерть Богу!", то стремился в этот момент привлечь к себе внимание, равно как ради полностью "раскованной" манеры речеговорения устремлялся в наркотики. Всё это действия зависти, жажды влезть в чужие дворцы, а отнюдь не поэмы духа.

Какую задачу интуитивно ставит перед собой "гений" настоящего поэта? Как минимум – очистить осознанность читателя, а в идеале – подвести это сознание к черте пробужденности.

Но сами слова не пробуждают. Слова есть стена, отрезающая нас от *истинного* измерения...»

Была еще и наша полемика по поводу знаменитого хокку Басё о старом пруде и лягушке, которое А.М. пытался представить все тем же киданием кирпича в Океан, хотя мне было ясно, что японский поэт-отшельник действовал методом "вслушивания и послушания", а в Океан пруда прыгала лягушка, даже не сам поэт. "Всплеск в тишине" там совсем-совсем иного рода.

Примерно таким было мое вмешательство в спор двух поэтов. Я обнажил те острые углы нашего общения с А.М., которые мы в нашей переписке изящно обходили. А тут повод дала Зинаида Миркина, чистопородный мистик. И я занял в общем и целом ее сторону. Реакция Андрея была для меня абсолютно неожиданной.

Андрей Тавров

2 октября 2018 г.

Уважаемый Николай Федорович!

Не скрою, что Ваша статья вызвала у меня чувство боли, горечи и досады. Я сейчас не говорю о многих ценных утверждениях, с которыми я согласен и которые мне близки. Я говорю о Вашем прочтении непосредственно моих идей и моих метафор. Вообще, Ваша статья начинается с диагноза по поводу состояния Таврова, растерянного и страстного, что как мне кажется, не совсем корректно, если уж мы решили в чем-то разобраться объективно. Во-вторых, как кажется, Вы словно бы наложили свою дешифровальную

сетку (такой квадрат с вырезами) на мои высказывания и обсуждаете только то, что попала в эти прорезы, остального Вы словно не замечаете. В третьих, Вы что называется "домысливаете" – говорите от моего лица вещи, которые я никогда не говорил. Я никогда не призывал, например, "бить морду Богу", мне такое и в голову не приходило, и отчего это пришло в голову Вам, я не ведаю, а только выдвигаю предположение, что "кирпич" оказался в Вашей сетке на центральном плане. Для меня это одна из метафор и вовсе не центральная. Вы косвенно упрекаете меня в желании быть "выше всех", занимаясь эстетическими экспериментами, и это тоже совсем не то, что я думаю и к чему стремлюсь. Для Христа каждая личность бесконечно ценна и он никогда не спутает Иоанна с Иудой и Магдалину с Иродиадой, хотя он любит всех. Мой призыв к "отличию" это призыв к неповторимости личности. Ведь и Вы не будете отрицать, что Траакль и Рильке были людьми непохожими и художественный подход к материалу у них разный. Вы судите Ницше и Цветаеву и Маяковского намного строже, чем это делает (а я в этом уверен) Бог. Причем речь идет о Боге этическом, если можно так выразиться, который, тем не менее, признал правоту кощунника Иова.

Вы говорите, что великие духовидцы не могут быть преступниками, однако Жанну сожгли, а Христа распяли, и если бы внимательно прочитали мою статью о "преступлении", то обратили бы внимание на то, что я говорю о преступлении Жизни против деградации, против угасания духовного напряжения, что приводит к тому, что святые часто воспринимаются как преступники, как в наше время например, в случае с о. Александром Менем, от которого избавились физически.

Мне кажется, это дефект вообще дешифровальной сетки убежденного человека – видеть только свое. Например в случае с Рильке Хайдеггер прав, а в случае Ницше – ошибается. Но почему? Потому что в Вашей сетке для Рильке есть почетное место, а для Ницше нет? Но ведь Хайдеггер целостен со всеми его "ошибками" и "удачами" и он как живая личность больше, чем некоторые его отдельные выводы, часть из которых Вам близка, а другая Вам не подходит.

Вы ничего не знаете о моей жизни и моей деятельности, которая совсем не эстетика, которая опирается как раз на другой опыт, где от верного решения во многом зависит очень многое в жизни совсем простых людей, а порой и сама возможность жить дальше. И это не работа – служение.

Но Вы, конечно, и не обязаны это знать. И, тем не менее, в Ваших словах по поводу моих стихов и моих утверждений я себя не узнаю и не нахожу. Более того, некоторые из них звучат для меня оскорбительно. И мне это горько вдвойне, ибо я всегда относился к Вам с большим доверием, несмотря на наши разногласия. Парадоксальным образом воюя с эстетизмом в пользу этики, Вы на деле пишете вещи, которые никак нельзя назвать этически выверенными, мягко говоря. И это парадокс любой слишком страстной борьбы, на мой взгляд. Не потому ли Вы видите у меня желание дать "Богу в морду", что этот образ Вам чем-то близок, внятен, созвучен, пусть и в других контекстах и с другими действующими лицами? Так или иначе Ваша статья не "айкидо". Вы говорите, что Басё было все равно, как воспримут написанное про лягушку, да ведь Вы прекрасно знаете, что у него была поэтическая школа и что он писал руководства к сложению стихов, а с некоторыми своими хокку работал очень долго, применяя всю свою технику в этой области и прекрасно ориентировался в поэтических жанрах и настроениях, носящих, конечно же эстетическую тональность. Майстер Экхарт как-то обмолвился, что "в тишине

Бога-отца Сын произносит свое слово". Так вот, Вы делаете акцент на тишину Отца, а я делаю акцент на произношение Слова. Но это нераздельные вещи. Может Басё и позабыл все в созерцании, хотя это совсем не обязательно, и мастер мог пребывать сразу в двух мирах – и в слиянии с Тишиной и в осознании форм, но над словами он умел работать. Такая пристрастность, несмотря на ценнейшие вещи, которые вы обозначаете в Вашей статье, досадна.

Вы говорите про "грубые" мазки, но это уже не грубые мазки, это использование материала и его произвольная адаптация для своих нужд. Да я взволнован и "страстен". Я пишу достаточно сумбурно и вероятно, мне следовало бы взять большую паузу, прежде чем отвечать Вам.

Во всем что Вы пишете, много правды, но какая-то неуловимая, но и главнейшая ее часть от Вас, как мне кажется, ускользает. Ведь частое повторение слов "кали-юга" или "кирпич" – это то же самое диагностирование, та же самая "подпись", концептуализация события, когда речь идет о конкретном живом человеке, которого нельзя оторвать от "его заблуждений" и нельзя никак определить. Кали юга кали югой, но в ней продолжают жить бессмертные души, конкретные люди, способные как на подлость, так и на непредсказуемый взлет, в чем я не раз убеждался. И если мы здесь, в кали-юге, то это не для того, чтобы людей проклинять.

Пишу все это не от желания Вас переубедить, а в силу того, что относился к Вам как к человеку во многом духовно близкому и уж, конечно же, относился и отношусь с глубоким уважением. Вы навели меня на одну идею – написать об ускользающем факторе, не принимаемом к сведению ни Миркиной, ни, к сожалению, Вами. Но, думаю, что как раз без него и понимание между людьми и сама поэзия – дело затруднительное. Статью в "Дети Ра" я передавать все же не буду, потому что себя в ней почти не вижу, а вижу какого-то малосимпатичного персонажа, изрекающего то, чего я не говорил, и названного моим именем. Мне не хотелось бы никого вводить в заблуждение по поводу моей скромной и все же обладающей некоторым чувством достоинства персоны. Во всяком случае я не хочу в этом участвовать. Впрочем, Николай Федорович, Вы вольны, естественно, опубликовать этот материал и без моей помощи.

С уважением,
Андрей Тавров.

Н. Б.

3 октября 2018 г.

Дорогой Андрей Михайлович! Боюсь, что Вы вполне правы, и всякая исследовательская страсть приводит к этической лжи или невольной клевете. Безусловно, любой тезис и любое наблюдение можно опротестовать, так что ни о каком движении к "истине" не может быть речи, если мы затрагиваем конкретную личность, включая ее даже фрагментно как пример. Я, конечно, вовсе не думал (с какой стати?), что делаю какой-то разбор Вашей персоны и Вашего персонального творчества, знаю которое действительно мизерно, недостойно мало; мне казалось, что речь идет о тезисах. Но вижу, что ошибался. Выбросьте этот ужасный текст из Вашего компьютера! Конечно же, я знал и знаю, что в Вас живет и действует огромная этическая воля, реализуясь в самых разных формах. Однако тема моих размышлений была сверх и поверх этого: мы включены в потоки, где рулят совсем не этические рулевые, используя нашу волю и наши силы. Дух и

"богоявление" в качестве истины едва ли присутственны в современном стиле, когда теоретически все говорят, что мы с истиной, то есть с Христом или Буддой, а на деле всецело на стороне стерильной эстетики. Но это действительно мы, почти все, то есть и аз грешный.

Впрочем, мне и в голову не приходило посылать этот текст в журнал мимо Вас. В то же время даже не знаю сейчас, приемлемо ли было бы написать его как частное письмо Вам и только Вам. Разумеется, между друзьями (как я понимаю дружбу) такой прямой обмен "колкостями" не только приемлем, но обязателен, иначе смысл дружбы теряется; обмен сомнениями. В нашем случае у меня, разумеется, едва ли могли быть основания для столь небрежных, обобщающих жестов. Текст ни для публики, ни для Вас лично: в промежуток. Разумеется, он останется в памяти моего компьютера как его печальная нота. Вот к чему приводит моя берложная жизнь: к медвежьим ухваткам. Остается заверить Вас, что ни самого малого желания Вас задеть или публично уколоть у меня не было. Для меня Ваш отклик как ледяной ливень. Напротив, я полагал, что Ваш образ ничуть не страдает от моих контроверз. Но конечно, это смешно: стоит мысленно поставить себя на Ваше место. Вероятно, мой самоуверенный тон "владельца истины" выглядит чудовищно в этом моем "комментарии"; собственно, Вы об этом и пишете.

Пару лет назад я имел глупость, начитавшись саморекламных постов N. в f/b, сделать ей шутовское маленькое возражение в том духе, что настоящих друзей не бывает сотни, друг всегда один. (Она хвасталась, что приобретает каждый день всё новых и новых друзей; она имела в виду живых, осязаемых). Ничего мне не ответив, она немедленно вычеркнула меня из списка живых. И это, оказывается, меня ничему не научило! О, таёжный я зверь!

Выбросьте, Андрей Михайлович, мою писульку из головы. Вы для меня огромная творческая монада. Разумеется, Вы правы: пророкам не жаль живых людей и не должно быть жаль. Всякая подлинная Истина безжалостна к нам, маленьким людям, вжатым в свое самолюбие, но она и должна быть безжалостной. Но то пророки, которых мы должны отыскивать сами и сами направлять жало их гнева против самих себя. Это, конечно, каждый раз отдельная таинственная одиссея, ибо этическая жизнь любого человека извне никому кроме Господа не видна и не может быть видна. Я это всегда знал, знаю и всегда помню, и с какой бы это стати я стал бы вдруг думать, что могу хоть как-то касаться Вашей личной этической парадигмы; да упаси Бог!

Надеюсь на творческий исход этого нашего случившегося приключения. Всё, даже самое колючее, где пытаются вступить в бой жестокие законы самости, переключать в творческую стезю, в творческую плавильню – разве не это один из удивительных принципов йенцев? НБ.

Андрей Тавров

3 октября 2018 г.

Спасибо, дорогой Николай Федорович за Ваше письмо. Я ощущаю, что общий круг кровообращения не прервался и рад этому. Настоящих друзей и правда, единицы. Напишу Вам просторнее, когда будет возможность. Ваш А.Т.

Н. Б.

13 октября 2018 г.

Добрый день, Андрей Михайлович! Прочитал процитированный Вами в ф-буке пронзительный фрагмент "И призываю я не волшебницу Медею...", в нем такая щемящая музыка, что захотелось раскрыть Ваш "Мотылек" и я начал его поиски в Озоне и в интернете... Но я не об этом. Хочу принести мое покаяние. Прежде всего за изначальную бестактность: как можно было влезать в чужой диалог, диалог с его личными символами и экзистенциальным содержанием; а тем более пытаться быть чуть ли не судьей в этом диалоге, не попытавшись узнать целостный его контекст. Удивительно, что это тогда на меня нашло; сколь силен все же тайный яд полемики, втягивающий тебя незаметно якобы в сугубое содержание разговора, словно бы отменяя всё остальное, словно бы существует некая иная истина кроме экзистенциальной, то есть недоступной овнешненному восприятию. Кто прав в разговоре о сущности поэзии? Тот, кто лучше поэзию знает и кто больше ее любит. А это, несомненно, Вы. (Имею в виду свою неправоту). Вскоре после Вашего письма я нашел "Нулевую строфу" и начал читать эту замечательную книгу. И обнаружил то, о чем мог бы догадаться и без этого: ее контекст не имеет ничего общего с контекстом той журнальной полемики, в которую я позволил себе влезть. Какой бы фрагмент полемики ни взять. Ну хотя бы кирпич. Конечно же, никакие вульгарно-кошунственные ассоциации здесь невозможны. Для меня Ваш кирпич, среди прочего, это коан, останавливающий механистичность восприятия и выключающий на мгновение наш инерционный ум, давая возможность увидеть нечто *как оно есть*. А кроме того существует ведь контекст всей вашей книги, дающий камертон к восприятию частных. А контекст более чем внятный: основание сознания и пракорень поэзии танственно-священны. Книга очевидно исполнена аромата чая *чань*. Бросающаяся черта ее – высокая провокативность. Почти каждый фрагмент или история провоцируют моё собственное размышление или воспоминание. Например, о Торжке. Кстати, фото в Торжке получаются с удивительной атмосферической тональностью. Могу, если хотите, подтвердить это парочкой снимков. Бережность, о которой Вы пишете вслед Рильке и которую я как раз не проявил в весьма большой степени, восходит в каком-то смысле к "даосскому стилю", ибо древнегреческие дела, уходящие для нас в архаику, коренятся, как мы знаем, в Востоке как общей ментальной прародине. С чем-то в Ваших наблюдениях соглашаешься, с чем-то не полностью, с чем-то вступаешь в спор. И всё это идет книге в плюс. Надеюсь, что, дочитав, сумею сформулировать для себя Вашу "поэтическую сумму". Есть, безусловно, ряд вещей, для меня непостижимых. Скажем, персону Маяковского, упорно всеми обожествляемого. То есть я хорошо понимаю ценность того нигилистического взрыва, к которому устремляется сознание, очищающее простор, о котором говорил еще первый патриарх чань: простор открыт: ничего святого. В этом смысле я вполне понимаю юного Рембо, бегство Коженевского или даже пафос Ницше. Но ведь у Маяковского совсем-совсем другой взрыв. По-моему, у нас нет поэта, столь же ложно истолкованного как он. Но это всё, пожалуй, из другой оперы, о Маяковском в Вашей "Строфе" я еще ничего не читал. (Просто я взялся на днях перечитать Владимира Владимировича и был шокирован дешевой богохульной клоунадой, поразительным феноменом саморазложения; дико смешно и жутко; уж извините! Хотя что странного в разное впечатление и воздействие? Будущий тиран-садист Наполеон в свое время зачитал до дыр гётевские "Страдания молодого Вертера", книгу бисерную по душевному рисунку. Гитлер возрос на трех "китах", один из которых – музыка Вагнера; и тот же Вагнер был

любимейшим композитором-философом кротчайшего, христианнейшего А.Ф. Лосева; и т.д., и т.д. Мне известен человек удивительно хрупкой душевной архитектоники, возросший на Ницше.) Да и к полемике я уже совсем-совсем не готов, избави господь. Да я и не занимался ею никогда со времен газетной юности. Какова вообще полемика в ее нормальном виде? Обмен исповедальностями. В частном измерении это несомненно так. Но в "литературном процессе" действуют законы жанра, читатель жаждет схватки, борьбы. Увы нам.

Позволю себе на этом закончить. Надеюсь на Вашу снисходительность и на тот внутренний Ваш душевный анклав, что недостижим и недоступен для обид. Ваш НБ.

Андрей Тавров

14 октября 2018 г.

Дорогой Николай Федорович!

Спасибо Вам за содержательное и открытое письмо. Мне кажется, вы нашли удивительно тонкую формулу про смысл полемики – обмен исповедальностями. Это ведь и есть поднимающий смысл диалога на фоне большинства диалогов, опускающих уровень общения. Образ с кирпичом, действительно, ближе всего к коану – статьи и эссе из книги писались в период некоторого "штурма и натиска", связанного со становлением проекта, в котором я тогда принимал в течение нескольких лет активное участие, возлагая на него большие надежды, отчасти оказавшиеся ложными, но не прошедшие без пользы.

У Маяковского, действительно, много смешного и балаганного, но и сам балаган – жанр, восходящий к сакральному карнавалу (а что не восходит к сакральному началу мира? – даже его противники им питаются). Я понимаю всю его слабость как мыслителя, но есть какая-то с детства симпатия, которая все выдержала. Знаете, не на прямую, а вполне косвенно, и все же в связи с М. я вот что вспоминаю. В процессе работы с материалами о Вл.Соловьеве я набрел на описание мистерий Афродиты (как ипостаси богини Матери). Испытуемые путешествовали по подземным коридорам, с факелами, змеями, музыкой и дикими зверями. И вот когда все страхи и испытания оставались, казалось бы, позади, посвящаемые входили на круглую и освещенную площадку и отдыхали там под звуки божественной музыки, предполагая, вероятно, что все позади. И в этот момент в помещение входил монстр, настоящее чудовище, от одного взгляда на которое возникало непреодолимое желание бежать подальше. И многие убежали. Те единицы, которые оставались и выдерживали его взгляд, несмотря ни на что, внезапно осознавали, что чудовище – вовсе никакое не чудовище, а ослепительно прекрасная богиня Афродита. Я это к тому, что некоторые божественные силы посещают нас в виде отталкивающего и даже страшного (все эти сказки про стареньких старичков или лягушек, которые оказываются царевнами). И тут откликаются еще несколько интуиций. Мамлеев, писатель, которого я не особенно люблю, тем не менее упорно проводил мысль, что в нашем темном мире божественное присутствие воспринимается как что-то отталкивающее, даже страшное. Войдя в людской, современный мир чистые духовные силы видятся как какие-то уродливые вещи. И еще, конечно, хрестоматийное высказывание Рильке о страшных Ангелах. Конечно, все это разноплановые высказывания и все же, как мне кажется, у них есть нечто общее. Тут дальше идет тема о природе безобразного, всех этих химер, горгон, гекат, эвменид – губительниц и спасительниц одновременно...

Конечно, с этой точки зрения подходить к Маяковскому в лоб было бы неправильно, и все же какое-то эхо от вышеперечисленных метаморфоз и его покрывает. И еще я понял, что если что-то делаю или говорю без любви, то я нахожусь в вымышленном мире, в мире иллюзорном, и в нем не могу действовать по истине. Вот почему Евангелие так настаивает на любви и не только к Богу, но и к человеку. Недавно я сильно поссорился с женой и какое-то время наши отношения были вполне натянутыми. Я, естественно, был убежден, что она вела себя "неправильно". И вот как-то она одевается в прихожей, наклонилась застегнуть туфли и тут меня, что называется, пробило. Я вдруг увидел все как оно есть, и это сопрягалось с чувством внезапно наполнившей меня спокойной и очень глубокой любви. У меня словно выросла яма в груди, у которой не было дна. Все противоречия улетучились, но их, конечно же, на самом деле и не было с самого начала. Три дня я ходил с этой ямой как блаженный, я видел все как оно есть с точки зрения, конечно же, более высокой, чем моя обычная. Потом это стало слабеть, но при некотором внимании, я могу отчасти вернуться в это состояние. Понимаете, я увидел, что если я не люблю, то я обманываю себя и других людей, ибо воспринимаю окружение через кривые зеркала реактивных мыслей и эмоций. И про это писал Кастанеда, что люди кругом – действуют как черные маги (невольно) погружая друг друга в коллективный гипноз обыденного ложного восприятия...

Конечно же, есть и другие пути к Реальности, но этот (возлюби Бога и ближнего), видимо, для меня вернейший, ибо отчетливейший и действеннейший, приводящий к смирению, т.к. я понимаю, насколько далек от любви постоянной и действенной. Поэтому простите мне мои промахи и ошибки, т.к. без них я не умею.

Я был бы рад Вашим фотографиям из Торжка и Вашему рассказу о них. "Мотылек" я бы Вам послал с радостью, но у меня остался единственный экз., а в продаже его, скорее всего, нет. Вероятно, он есть где-то в интернете, и его на худой случай можно скачать. Ваш Андрей.

Н. Б.

17 октября 2018

Дорогой Андрей Михайлович, Вы совершенно правы. Видеть и воспринимать мир иначе – чистое безумие. Вне измерения, о котором Вы пишете, мир просто гаснет, аннигилируется. Страшное, конечно, сопровождает ожидание чудесного. В детстве я столько пережил ужасов, на которые шел сознательно, ибо иначе было невозможно увидеть необычайное в самом, казалось бы, обычном. Я ходил в тайгу один-одинёшенек в разное время года, спускался в пещеры и т.д. Не потому, что не было компаний, а потому, что компания убивает экзистенциальный "страх и трепет". Поэзия жутко-безобразного, ненарочитого внешнего вида детству понятна инстинктивно. Моё детско-отроческое чтение Маяковского привело, разумеется, к полной очарованности им, он ввел в некий именно таки волшебный мир, мир сказочно свободный и парящий. Всё, что было прочитано, сразу запоминалось наизусть, и декламирование неизменно доставляло физическое наслаждение. Но вот я взялся перечитывать через бездну лет, и ничего кроме хохота "над глупцом и идиотом"; а эта попытка сакрализовать изобретенный им беспримерно хамский тон! Ведь "Облако в штанах" читать без смеха или физиологического отвращения просто невозможно. А когда-то я знал в поэме каждый слог и всё в ней меня умиляло. Удивительно, ибо я был весьма тонким в ощущениях юношей.

Это я просто констатирую два впечатления через бездну лет. На первый взгляд, они никак не входят в гармонию. Но так ли? А если их воспринять спокойно, а тем более с нежным вниманием как двузвучие, как два голоса, поющие не в унисон, а как первый и второй? Можно ли вообще ставить вопрос о том, чье (какое) впечатление и восприятие более верно? Где заканчивается искусство и начинается идеология, промывка мозгов? Конечно, Хайдеггер был очарован музыкой национал-социализма, а потом опомнился. Разве музыка не контролируется более глубинными восприятиями? Интуицией уже вполне развитой? Я помню из детства одного персонажа из окружения моего отца, влюбленного в Сталина. Он, конечно, об этой чаре не говорил открыто (о любви-чаре не говорят, да и как он мог бы говорить, если был жертвой), но весь светился этим иррациональным восхищением, неким тихим мудрым пониманием величия и ее тайны; своеобразно повторял его манеры, одежду, походку и жесты; и странно, что я тогда это ощущал как то, что он был очарован музыкой этого страшного образа. Так Цветаева, вероятно, была очарована музыкой Наполеона. А разве было что-то ужаснее в 19 и 20 веках, кто-то был ужасней? Иногда мне кажется, что наш человеческий мидгарт всё дальше и дальше зачаровывается музыкой жути, погружаясь в ужасно вязкую и бездонную тину...

Торжок нас с женой в свое время очаровал. В 2011-м мы из Питера приехали в Вышний Волочек, провели там три дня, потом на три (если не на четыре) дня в Торжок, а потом на пару дней в Старицу и на неделю в Тверь. Торжок был чем-то особенным, зачарованным царством с неразгаданной своей тайной; там бездна таинственных пейзажей и домов. Никто не хотел верить, что снимки тамошние мы делали простой "мыльницей". Шлю парочку кадров.

Всех благ! Ваш НБ

24 ноября 2018 г.

Добрый день, Андрей! Шлю отклик, что случился сразу же, но как-то завис в блокноте. [Стихотворение с посвящением Таврову – в ответ на его стихотворение с посвящением мне].

***

Н. Болдыреву

Куда уходит юла, пока стоит?
В рощи, осенние рощи уходит юла,
где деревья гудят, как она,
как она, идут.
А на Луне Каин хворост несет
в бесшумной, как гул, тишине.
Куда уходит зеркало, пока стоит?
В рощи, осенние рощи уходит оно,
может, пруд отразит, облако, может, селезня.
Куда ты уходишь, селезень,
когда гудишь, как юла,
отцеживая вес, словно запотевший фужер?

Куда мы все собрались, стоим,
покачиваясь, кивая, хватаясь
за ускользящую вертикаль.

***

*...хватаясь
за ускользящую вертикаль.
А. Тавров*

Вертикаль никогда не ускользает.
Она одна неизменно есть.
Всё проходит кроме нее,
даже селезень с облаком,
даже Каин с хворостом,
спотыкающийся о бледные лунные камни,
даже зеркала, подконтрольные вековечной магии,
даже сознания нашего юла.
Всё гудит как осенние рощи,
завернутые в цветущий саван тишины,
оставляя безсчестье кругов
на водах без верха и низа.
И когда всё уходит, опадая в бездонность
и безстенность трех цветов и трех звуков,
остается вертикаль, никуда не ведущая,
ниоткуда не пришедшая,
но пронзившая нас.

Мы появились сущей вертикалью,
вопросом, зависающим с утра.
Быть может мы остались залежалюю,
не нужной звездной сущности костра?

Всё улетает – селезень и роща,
взрывается невыпитый бокал.

Андрей Тавров

24 ноября 2018 г.

Прекрасное стихотворение, Николай Федорович! Живое и глубокое, и финал единственно возможный – так всегда хочется сказать, когда чувствуешь, что попадание не "точное", а – несущее жизнь, сдаваясь жизни. Спасибо за посвящение и внимание. У поэзии все же есть собственный Путь, как и у чая, как и у воина. И он не может быть не соткан из противоречий, которые разрешаются в "вертикали", если уж воспользоваться образом из наших стихотворений.

Немного в сторону. Мне кажется, что там, где есть катарсис, есть и Бог. Иногда мне хочется вернуться к этому понятию и переживанию и написать о нем. Впервые я испытал

его в полной мере в связи с литературой (точнее, с пьесой), когда ехал в поезде, мне было лет шестнадцать, и я читал на верхней полке "Короля Лир", а за окном шло море. Много говорится о Шекспире – кто-то упрекает его в поэтической риторике (Паунд), кто-то в надуманности, у Толстого свои к нему претензии, ну, и т.д., и это никак не умаляет ни критиков, ни Шекспира, потому что правы все, я же, когда прочитал фразу героя "удавили мою девочку, как собаку", испытал такое неразрешаемое противоречие в победе зла, причем всем телом, душой, разумом, слезами, что в тот же миг выпрыгнул туда, где этого противоречия нет, хотя тогда и не смог бы рассказать, что именно произошло и почему я от него освободился. Иногда мне кажется, что катарсис можно сформулировать как снятие трагических противоречий прикосновением к основной своей сущности, где они растворяются, не устранившись из ткани "земной" жизни.

Надеюсь, у Вас все хорошо и со здоровьем, и дома, и со всем остальным и неотменимым.

Андрей.

Н. Б.

28 декабря 2018 г.

Андрей Михайлович, с удовольствием – эскиз моей гипотезы. [Отклик на просьбу А.Т. поделиться моей гипотезой: только что написанное эссе "Изгнание в язык"]. Сегодня мысленно с Вами беседовал во время прогулки по лесу. НБ.

Андрей Тавров

28 декабря 2018 г.

Дорогой Николай Федорович!

С большим вниманием дочитываю Вашу работу об «изгнании в язык», переживая мгновения радостного сродства интуиций и раздумывая над теми абзацами, которые вызывают труд понимания или стремление уточнить сказанное. То, что язык сделался ловушкой, для меня совершенно очевидно, и столь точная подача аргументации этого обстоятельства мне в Вашей работе бесконечно близка. Но вот, например, ситуация с Евангельским Логосом у Иоанна требует, на мой взгляд, прояснения. Скорее всего, и это ясно просто из соображений здравого смысла, не мог иудей Иоанн быть знаком с тем, как понимали это слово досократики. И если Хайдеггер и реконструирует его в прежнем варианте как Бытие, то бывший рыбак Иоанн, конечно же, воспользовался современным себе его значением и пониманием как именно что – сущностного слова, смысла, деяния, тем более, что для верующего иудея той поры, которым он отчасти оставался, Божье слово (Логос) неразрывно с делом, и носит не философский характер и смысл, а, скорее, очень грудной, сердечный, трепетный по восприятию, вызывающий возвышенный страх, священный.

К тому же мне кажется, что ситуация со смыслом слова «Логос» в начале четвертого Евангелия прояснится, если мы вспомним высказывание Мейстера Экхарта: «В тишине Отца Бог произносит свое Слово». И здесь речь идет как раз о невозможности «произнесения», выговаривания Божественного Слова (Логоса) вне абсолютной бытийной Тишины, потенциально вмещающей все возможное и невозможное – одно без другого (Слово без Тишины и наоборот) не может существовать, если так можно выразится. Это ,

как мне кажется, очень близко к тому, что Вы говорите про чаньское слово, находящееся на границе слова и молчания.

Речь ведь идет не о том, что слово само по себе плохо, а о том, что оно плохо, когда оно «пало», заболело и к тому же тянет одеяло на себя, что является следствием большого состояния человека и человечества, в котором оно, человечество, оказалось не только в последнее время, а еще при Лао-цзы, и думаю, раньше. Ведь удивительный мудрец прибежит же к языку и даже к письменному языку для выражения своего состояния в бытии – но в его исполнении это были «здоровые» слова, как раз пограничные, как раз указующие на большее, чем они, на неразрывность иероглифа с той тишиной, откуда он возник. Ведь одно и то же слово, допустим, «человек», будет больным в устах менеджера и здоровым, т.е. совсем другой природы в устах Иисуса, например, или Чжуан-цзы. В первом случае оно будет ловушкой, куда условный менеджер попал сам и загоняет свой персонал, а во втором – указанием на сущностное значение человека, эхом его глубины. И большие поэты знают слово из тишины, и не раз свидетельствовали об этом чуть ли не прямыми высказываниями. Т.е. у больного духом человека, в его устах и здоровое слово заболевает, а чистый духом исцеляет и заболевшие слова.

Думаю, что эти заметки не противоречат основной идее вашей статьи, за которую я Вам в высшей степени признателен, во всяком случае, так дело обстоит для меня. Счастливых Вам наступающих праздников, их, можно сказать, изреченной и безмолвной сути!

Ваш АТ.

Н. Б.

29 декабря 2018

Дорогой Андрей Михайлович, Вы прекрасно всё поняли, чему я очень рад. Всё выражено у Вас чрезвычайно точно и тонко, подписываюсь. Разумеется, божье Слово – это не слово человеков. Его природа иная, не "падшая". (Ведь и принимаемая "речь Бога", скажем пророками, не звучала фонетико-лексически-синтаксически, но пророк постигал её суть целостно "непостижимо как" и уже передавал "народу" что называется в своем пересказе). "Истинный человек" (у даосов, например) понимает и чувствует всю бездонность, стоящую за словом и всю крошечность и шаткость вместимости в слово. Он всегда опасается неверного понимания. А посмотрите, как гениально опаслив Будда в разговоре с Субхути в "Алмазной сутре". Это, конечно, только наш подступ к догадке-гипотезе. Иудей Иоанн, пользуясь "логосом", вероятнее всего и не мог не привносить в него смыслов "народа Книги". Да и эпоха была уже поздняя, даже досократики стояли где-то на исходе двупара-юги, уже в начале черной, духовное (внесловесное) знание уже стремительно утекало, как иссыхающий ручей или уходящий родник. То, что христианство принесло в мир слово и только слово вместо чего-то бесконечно более нежного и жаркого, – по этому поводу очень ярко сокрушался еще Розанов, писавший, что слово в "метафизическую эпоху" стало безсемянным. А всё, что без семени, то вне Бога-Отца. Трансформация "логоса", я полагаю, была чрезвычайно длительной, выйдя из времен за пределы какой-то либо достоверной для нас информации. Удачного перехода в новую цифру! Ваш НБ.

8 марта 2019 г.

Дорогой Андрей Михайлович! Четвертого марта с послал Вам бандероль с двумя моими новыми книжками. Сейчас она скорее всего на вашем сортировочном пункте. Не сочтите это за агрессию, просто я знаю, что Вы книголюб. Кстати, я готовлю сейчас еще одну книжку, в ней есть раздел "эпистолы"; хочу поставить туда мое письмо Вам, когда я однажды отвечал на Ваш вопрос, каково мое мнение о природе поэтического вдохновения. Надеюсь, Вы не будете возражать. В тексте моем, разумеется, нет никакой полемики, я лишь несколько развиваю-расширяю свои тезисы. Мощной страстности Ваших последних стихов (в ф-буке) поражаюсь. Ваш НБ.

Андрей Тавров

8 марта 2019 г.

Дорогой Николай Федорович! Большое спасибо за книги! Вы для меня всегда активный и живой собеседник в книгах, переписке или в размышлениях. Стихи мои из поэмы 83 года, вполне эмоциональные, которые я стремлюсь сегодня уравновесить большей центрированностью.

Ваш Андрей.

14 марта 2019 г.

Дорогой Николай Федорович,

читаю Ваши книги небольшими фрагментами, возвращаясь, пронося прочитанное сквозь день. Сегодня добрался до стихотворения о Гельдерлине с его волшебными строками: *Пустынность речи; есть ли человек Смотрящий невозможными глазами*. Смысл таких строк одновременен и более быстр, чем смысл "выражаемый словами", думаю, что он идиоматичен, что ли, опережает слова как сумму, и это для меня один из секретов и признаков поэзии, которая больше загадка, чем сообщение.

Все больше прихожу к выводу, что стихотворение – это существо, как писал Андрей Белый, и если это существо близко к человеку, то у него есть и дух, и душа, и тело. Я бы мог это показать на примере, но сейчас не об этом. Ваши стихи, Ваши книги не дают спать, будят, колют и жгут, вообще, думаю, что это Ваша харизма – пробуждать. Я никаких не хочу оценок – я для себя так примерно формулирую, но это чрезвычайно непростая, неблагодарная задача, которую Вы осуществляете, и когда на разломе речи блеснет такое золото, как это двустрочие, благодаришь и радуешься, что у серьезного разговора есть такая в запасе красота. Вашими словами дополняя – идущая из глубины этического.

Разговор о фрагментах прозаической книги, очень удачной, на мой взгляд, думаю, что впереди. Надеюсь написать Вам еще, более осмысленно, что ли, по мере продвижения в чтении.

Ваш Андрей.

22 апреля 2019 г.

Дорогой Николай Федорович,

сегодняшнее утро началось с чтения Вашей книги, лежащей у меня рядом с кроватью. Я открыл на коротких дневниковых записях, заключающих "В Изборске ночь". Последнее время мне не так легко начать день, но сегодняшнее утреннее чтение меня вдохновило и освежило. Знаете, я ведь тоже однажды пережил это впечатление, связанное с музыкой,

которую Вы услышали во сне. Правда, я ощутил это пение, на фоне которого любимый мой Бах казался чем-то угловатым и слишком плотным, слишком "погромыхивающим", что ли (пусть он меня простит, он – чудный!), не во сне, а как-то наяву, просто идя по улице после посещения церкви, по-моему. Я тогда поразился этой метаморфозе, и не задумался, насколько сдвигается туда-сюда наше восприятие в течение дня, и как с нами играет наша способность слышать разными органами слуха, но отметил и запомнил. Мне кажется, что самые корявые вещи, которые мы пытаемся продолжать делать в направлении к Высшему, несмотря на то, что делать совсем не хочется, но делаешь на долге и воле, угловато, неровно, слабо – так вот иногда мне кажется, что такие действия... – не звучат ли для небес они так, как звучит небесная музыка рядом с великим Бахом?.. Мне нравится противоречивость Ваших стихов и мыслей – духовные тексты не могут быть непротиворечивыми, есть несколько стихотворений, которые сразу запали в душу, а в противоречиях таится жизнь, сила, пульсация. Собственно, главное находится всегда на земном разломе, сквозь который смотрит То самое, которое и земля, и разлом одновременно.

Мне кажется, Вам хорошо бы продолжать этот экзистенциальный жанр коротких записей, перекликающийся отчасти с Розановскими записками зрелого периода. Впрочем, он, кажется, всегда был зрел, гениален и чем-то мне не очень близок. Ваши записи намного ближе, даже те, с которыми сначала не могу найти "состыковки". Вы – живы, Вы – сейчас, Вы работаете, Ваши заметки и стихи для меня важны и ценны, как я Вам уже не раз говорил. И для меня это имеет большое значение.

На днях был на могиле Вл. Соловьева, там теперь обозначили и крестного Андрея Белого, брата Вл. Сергеевича – Михаила Сергеевича (именно он нашел псевдоним – Белый), он лежит тут рядом с женой. Прежде обозначено не было, что они тоже в семейной ограде, просто ничего не было. Жена его – замечательная художница, не пережившая его смерти, покончившая с собой сразу после его ухода, просто уйдя в другую комнату и взяв какой-то смешной пистолет. Еще на могиле Вл. С. готовится дать лепестки посаженный недавно розовый куст. Сколько же в этом жизни! А кусту не надо разговаривать, чтобы сказать то, что он в тот замечательный день мне сказал про жизнь и остальное, что тоже – про жизнь, возможно, с большой буквы.

Успехов Вам и здоровья,
Ваш Андрей Тавров.

24 апреля 2019 г.

ВЕЧЕРНИЕ ДЕТИ

Вечерние дети еще не погасили последнего златоалого ствола.

Солнце падает в собственные ладони в попытке к ним прикоснуться.

Ах, они все играют и прячутся – нетленная серебряная зола замечталась на их плечах, чтоб никогда не очнуться.

Ясноокие вечерние дети, запах розы да крик перепелки...

Вот он спрятался. Не найдет на свете его больше никто.

На шумящей-шуршащей горе сторожат золотые волки.

В воздух взлетает мяч – голубеет, как ангел со скрипкой или латаное-залатанное пальто.

Вечерние дети, благословите, опускаясь за веки, внимая каждому звуку.
С крыши течет асфальт – кличут: "Домой!", но никто не вернется.
Между вечерних стволов босоногие убегают в бухту,
где стоит, покачивается высокий корабль тишины да лиловый архангел вьется.
Вечерние дети перепутали стволы, пол отсутствует вовсе. Сады для скитальцев
бьют хрусталем родников, новым чудят материнством, дети в порфире
воздевают руки: синие, тихие срываются ангелы с пальцев.
Вечерние дети летят и смеются, разбивая бесшумно сердца в золотом эфире.

Николай Федорович, читая те абзацы книги "Изгнание в язык", что посвящены "струению", вневременной процессуальности, Ваших присутствиях в беседах отца с друзьями в последней статье, на мой взгляд, удивительной (слова о непосильности любви для человека, весь рассказ о "школьной любви"), я вспомнил, что однажды хотел описать опыт, похожий на тот, о котором Вы так глубоко пишете, а вернее, к которому отсылаете. Я сделал это в романтическом ключе, мне тогда свойственным, но все же что-то, кажется, удалось передать.

Н. Б.

24 апреля 2019 г.

Досточтимый Андрей Михайлович! Ваши "Вечерние дети" прекрасны. Хотелось бы даже сказать, гениальны именно тем еще, что не модернистичны. Вы знаете, недавно (с неделю назад) случилась странная вещь: мне вдруг открылся Ваш "Проект Данте", почти закрытый до тех пор. Мне всё казалось нарочитым спресованное многообразие информационных полей, и я подозревал в этом некую "жадность" или своего рода многомодное нынешнее тщеславие "всё съесть!" и "всё понять". Пути к восприятию были перекрыты. И вдруг раскрыв книгу в очередной раз, я (вне всяких себя предвещающих настроев или увещеваний) увидел гармоническую и прекрасную музыкальную поэму. Исчезла информационная сутолока, напротив: образы и имена встали в отобранном и немногочисленном порядке. В чем дело? – спросил я себя. И оказалось: я понял, что для Вас нет информационных впечатлений, они все сплошь мифологически живые и вещно-чувственные подобно цветку или удару мяча в грудь. И даже мистические впечатления столь же явственно-чувственны и осязаемы как ощущения, скажем, бредущего по лужам. После этого я вдруг вспомнил, как в каком-то письме Вы мне как раз признавались в этом феномене устройства Ваших апперцепций. Книга прекрасная, внутренне страстная, как всё у Вас. Я даже набросал нечто вроде впечатления по поводу целостности устройства Вашей поэмы или, скорее, по поводу её "внутреннего движителя". Не знаю, может ли кого-то заинтересовать "столь поздний" отклик. Все эти деления на "новое" и "не новое" так нелепы и убоги. <...>

Спасибо за чтение! Ваш НБ.

Андрей Тавров

26 апреля 2019 г.

Дорогой Николай Федорович!

Спасибо за добрые слова о моих стихах. Я сегодня как раз шел по улице (у нас первые листья и очень жарко) и вспоминал, какими живыми и слова, и имена были в детстве, как

и вообще все немногочисленные вещи, которые меня тогда окружали – у каждой была бесконечная душа, которая нигде не начиналась и нигде не кончалась – и у кота, и у дерева за окном, и у ковра на стене, узоры которого я знал наизусть. Думаю, что это детское восприятие меня до сих пор поддерживает, ограждая от сплошной иронии. Я бы с большой радостью прочитал то, что Вы написали по поводу "Проекта".

Вчера смотрел фильм, посвященный Тарковскому, съемкам "Жертвоприношения" и испытал редкое чувство – успокоения, пришедшее на этот раз не от его фильма, а каким-то другим образом, просто при соприкосновении с его миром. Я долго не хотел смотреть этот документальный фильм – какие-то досадные мелочи мешали: то воспоминание о "капризном тоне" его интервью, то заметка одного поэта по поводу того, как он там матерится, когда узнает, что камера была неисправна, и т.д. И вот магическое чувство, когда все, что в отдельности было неприятным и вызывающим отторжение, собралось вместе со всем остальным, и все эти детали, которые мешали просмотру, во-первых, ушли совсем далеко, во-вторых приобрели совсем другой смысл в этой цельности, которая там стала просвечивать с первых же кадров и которая, конечно же, была дана Тарковскому как дар. У Вас наверное был опыт наблюдения за тем, как какая-то вещь, высвечиваясь, полностью меняла в своей цельности весь предыдущий и поверхностный смысл, который казался гипнотически однозначным. Как же прекрасно, что Тарковский возвращает наблюдателя именно в эту точку. Мне правда приходилось то, что он говорил о времени, переводить с его языка на свой, но и это не особо препятствовало радости. В его понимании, как я Вам уже писал, мне очень помогли Ваши работы.

Умер Тик Нат Хан, книги которого я очень ценю и с учеником которого, Борисом Орионом, практикующим дзэн-буддистом, я встречался на медитациях в Москве. Именно он мне порекомендовал прочитать работу Тик Нат Хана "Христос и Будда". Сколько же светлых людей мне послал Бог в жизни!

Ваш Андрей.

Н. Б.

6 июня 2019 г.

Добрый день, дорогой Андрей Михайлович! Наконец нашел свободную минутку, чтобы свести мои спонтанные заметки о Вашей книге воедино и набрать. Возможно, всё это не то и не так, но в любой ошибке есть некоторая закономерность. Магия восприятия есть магия, и всякое ее действие требует ответной энергии. Но энергия всегда окрашена пройденным путем и судьбой. О чем пишем, о ком пишем? Сложно уловить. НБ.

<Прицеп: рецензия "Прыжок Андрея Таврова">

Андрей Тавров

6 июня 2019 г.

Дорогой Николай Федорович!

Спасибо Вам за письмо и вдвойне за статью. Особая ее ценность для меня в том, что в замутненном мире, когда помимо воли вкрадываются в ум и душу его флюиды, его тип мышления, его ритмы – а здесь, в Москве это почти неизбежно, среди, казалось бы безответного и озабоченного, совсем не близким тебе сообщества (с редчайшими исключениями), оказывается все же возможен неожиданный и искренний поток понимания, причем наступивший тогда, когда меньше всего этого ждешь. Ощущение, как,

знаете, в начале "Агамемнона" – что лежит наблюдатель на крыше и вдруг видит, как во тьме, в горах вспыхнул сигнальный костер – это добежал сигнал за сотни верст, от самой Трои по цепи огненных знаков – Троя пала. Я рад тому, что наша переключка при помощи пусть несовершенных, но явно светлых и горячих знаков возможна и, более того, пребывает и существует. Подробнее я Вам напишу немного позже, сейчас немного нездоров.

Кстати, если я предложу Вашу статью в "Волгу", как Вы к этому отнесетесь? В Московских журналах вряд ли нас с Вами поймут в этом контексте, а в "Волге" люди открытые и ко мне расположенные.

Надеюсь, что у Вас все хорошо, как на сердце, так и в семье и Ваши путешествия по замечательным местам продолжатся, как и Ваши путевые заметки, которые читаю с неослабевающим интересом (те, что в книге "Изгнание в язык").

Ваш Андрей.

17 июля 2019 г.

Дорогой Николай Федорович! "Волга" опубликовала Вашу статью о "Проекте" – для меня радость, не меньшая, чем неожиданность появления самой статьи. Спасибо!

Ваш АТ.

Н. Б.

22 июня 2019 г.

Добрый день, досточтимый Андрей Михайлович! Меня уже давно мучает совесть, что Вам привелось читать мой бездарный комментарий по поводу беседы Кришнамурти с Бомом (в моей книжце "Изгнание в язык"). Я давно переписал-почистил этот текст, поставив его в электронный вариант книжки (на своем сайте). И все же и он отнюдь не выходит на существо вопроса и проблемы, и потому я сделал третий вариант, более или менее меня устраивающий, который посылаю нынче Вам. Найдется ли у Вас время и желание его читать – суть совершенно не в этом, суть в моей попытке чуточку снять грех поспешной поверхностности при столкновении с глубиннейшими безвозвратностями.

Ваш Н.Б.

Андрей Тавров

22 июня 2019 г.

Спасибо, дорогой Николай Федорович, за присланный вариант текста о Кришнамурти, для меня это подарок в моем деревенском уединении, только что прошла гроза, а тут и Ваше письмо.

Ваш АТ.

24 ноября 2019 г.

Дорогой Николай Федорович!

Захотелось более полно ответить на Ваш комментарий о "непонятности слов", тем более, что мне эта тема давно близка и в свое время в одной из статей я утверждал, что слова говорящими неосознаваемо используются как омонимы, т.е. при одинаковом написании и звучании они несут в ситуации диалога совершенно разные смыслы, в силу чего диалог часто становится фикцией. Например слово "море" у продавца, рыбака и Хуана де ла Крус

– поэт-мистик, имеют совершенно разное значение. У продавца рыбы – это область дохода, у рыбака территория работы, у Пушкина, скажем или Пастернака – свободная стихия, символ свободы, а у Св. Хуана – символ Божества (море, океан). Но Вы пишете о принципиальной тайне слов, и я согласен, что она существует и что понять ее на уровне "бытового", а тем более современного "городского" мышления практически невозможно. Но разве не бывает в этой темноте просветов у любого из живущих? Разве сама благословенная темнота не раздвигается, чтобы предстать как свет? Пусть редко, пусть потом это уходит на задний план, отесненное кучей забот, но память об этом чуде продолжает жить.

Я тут пережил интересный опыт. На час я утратил способность читать, понимать прочитанное и говорить. Слова ушли из сферы моей умственной деятельности. Но я не стал более, что ли, "глуп" или безумен в этом внесловесном пространстве. Некоторый испуг мешал мне войти в него еще глубже, но потом, ночью, я подошел к окну и наблюдал как чудо отражение фонаря на мокром асфальте. Это было невероятно глубоко, потрясающе тихо и бездонно. Все это, повторяю, без слов. И когда я пишу словами, я, конечно же, на ощупь создаю иную реальность, чем тот миг с фонарем и асфальтом, но разве ветер Музы не дается мне тут как дополнительная просветляющая благодать, делающая за меня то, что я не в состоянии делать сам?

Многие великие вещи создавались отчасти в "блаженном неведении", когда в творчество вмешивался (из сострадания к нашей малости) некоторый неведомый фактор, нас восполняющий до Данте, до Верлена, до Мандельштама. Мне кажется, что непонятные, таинственные слова в поэтической речи иногда способны причаститься, приобщиться к своей истинной природе, и никто не знает, как это происходит, как никто не знает, почему мы испытываем любовь. Это дается как дар. Как акт не интеллектуальный, о чем я сейчас много пишу.

Я совершенно согласен с Вами в том, что современная поэзия утратила представление о своей природе, что это чаще всего подмена и интеллектуальная игра как во французских и американских университетах, так и у нас. Я рассматриваю это как кризис, а качество и функция кризиса – стимулировать его преодоление. Иногда это процесс мучительный. Но за смертью всегда идет рождение и новая жизнь. Я верю в наш потенциал, хотя социальная действительность не дает вроде бы никаких на то оснований, более того, делает такую веру – нелепой. Вот уж где хочется почему-то сказать – верую, ибо абсурдно. Велик потенциал Творца, велика его любовь к своему творению, и я уверен, что человечество для него не просто паутина в углу, которую надо смахнуть шваброй. В каждом живет каждый. Поэтому в каждом живет Будда, и Христос, и последний дурак, и Иуда, и Данте. И в каждом живет свет, который тьма не объяла, ибо это невозможно, хоть и звучит нелепо и абсурдно на фоне того, что происходит.

Блаженны непонятные слова, которые способны просветлиться, и передать, хоть и несовершенно, чувство, вызывающее слезы радости от самого бытия. Это я отчасти о стихотворении Пастернака "В больнице", которое перечитывал, пока болел, испытывая те же самые чувства, которые в нем описаны. Какое счастье!

Спасибо, дорогой Николай Федорович, за диалог с Вами.

Ваш Андрей.

И вот еще что – существует то, что Вы называете красотой этической. У этики есть своя красота и свет от нее, почти неуловимый в этом громком мире, обладает невероятной

силой и сиянием. И оно сильнее при правильном взгляде души, чем сияние эстетическое, во многом как бы отраженное от поверхности зеркала. Сияние этики проходит это блестящее зеркало восприятия насквозь, погружаясь в неведомые рассудку глубины, освещая душу изнутри, а не снаружи, если можно так выразиться. Это тот свет, который струится в театре Но, или в каком-то скромном рассказе позднего Толстого или иногда блеснет у Чехова, или в любом самоотверженном поступке постороннего человека, в том как – в жизнь – тихо растут деревья. Громкие города, ослепленные экранами и рекламой, такую красоту не видят, но это не значит, что она утратила силы и сияние. Ведь Лао-цзы пишет, что гибкое и слабое, почти незаметное – это великий потенциал жизни, а наши "твердые города и их твердые и громкие ценности" – начало смерти. Вот именно здесь, в этическом свете, хочется пребывать и ему открываться и в стихах и в жизни. И это самое трудное – остаться ему верным несмотря на непонимание и невозможность его почувствовать для большинства пишущих. Но писать для себя одного мне тоже не хочется, все же мы – одно. Думаю, что и Ваши стихи направлены в конечном счете на диалог с читателем, затаившем в себе чудо понимания.

Н. Б.

24 ноября 2019

Всё это вроде бы так, дорогой Андрей Михайлович, но беда в том, что всё без исключения есть область непонятного, непонятого, ложно понятого и непознаваемого. Всякое слово есть секрет и непонятность, а красивые их сочетания очень часто просто ловушка, поставленная на нашу душу, когда улавливаются как раз наши умственные рефлексы, выдающие себя за сферу причастного к сакральному. Мне приходилось читать абсолютно темные, непроходимые как джунгли вирши, как клинически больных, так и психически так называемых здоровых людей. (Проблема состояла только в том, чтобы придать им "красоту"). Современный интеллектуализм и сверхинформированность делают невозможным сам поэтический акт. Прикосновение к реальности оставило нас. Реальностью стали слова, но они не реальны. По мне так сегодня практически все пишут абсолютно непонятные тексты. Но к коанам они не имеют отношения. Коан рождает чистая экзистенция, но мы, современная популяция, абсолютно не экзистенциальны. Наш бог – вербальная информированность, наш бог – умственная утонченность, но коан рождается в момент полного разрыва с этой парадигмой. Человек, действительно, породивший коан, навсегда теряет интерес к словам.

Н.Б.

10 июня 2020 [Ответ на еще не найденное письмо].

Ах, Андрей Михайлович, не обижайтесь: понимание/непонимание ведь неизбежно взаимно. Ах, если бы мы жили не в эпоху армагеддона! (Я разделяю толкование нашей цивилизации, выраженное еще Швейцером и Тарковским). Тут ведь совсем иные игры, чем у Бёме некогда были. В культурологическом смысле Вы совершенно правы. По частностям Вы правы и у Вас, как всегда, масса тонких наблюдений. Но ключ ко времени нужен другой. Обоотворение интеллекта в наше времечко делает нас убийцами духа, хотим мы этого или нет. К Пушкину тома пишутся из тщеславия. Ничего "разъяснить" пушкиноведам, разумеется, в поэте не в состоянии, интеллект лишь жадно восхваляет сам себя. Ни Пушкин, ни Гераклит, ни Бёме не были интеллектуалами, они жили и мыслили

интуициями души-духа. И даже скажу больше: интуициями души-духа-тела. "Темнота" Гераклита, на мой взгляд, есть темнота для интеллектуального восприятия, но прозрачность для восприятия внеинтеллектуального. (К тому же фрагменты, обрывки!) Интеллект в прежние времена "знал меру", сегодня он этой меры не знает. И поэзия уже прислуживает эгрегору интеллектуальной изощренности, но не "душе". Поэты хотят себя показать, в этом источник беды, на мой взгляд. Я говорю о мейнстримной доминанте, конечно: насколько я ее способен воспринять. Но дело даже не в стихах, а в общем "бездушии эпохи". И к тому же у нашей цивилизации попросту нет времени. Мы в новом, "благоустроенном и безопасном" мозговом Освенциме, нас успокаивает лишь то, что ворота еще не захлопнулись.

21 июня 2020

Да, Андрей Михайлович, спасибо за мужество, за поддержку, хотя и совершенно с неожиданной стороны. [Я имел в виду реплику АМ на рецензию в НГ на мою биографию Рильке в серии "ЖЗЛ", он назвал её "Рильке и этажи считывания", где "давал отповедь" рецензенту, который, явив полную бессодержательность своего текста, критиковал "темный" язык книги. А. Тавров в частности писал: «... А суть в том, что пишущий и взволнованный темой письма человек не собирается обслуживать язык, но находит для себя именно тот язык, при помощи которого может наиболее точно и адекватно выразить то, что он хочет сказать. И "чиновничий" язык Достоевского вполне подошел для выражения идей его многоголосых романов, так же, как скажем офранцузенный язык пришелся ко двору в отчасти пародийной прозе Пушкина-Белкина. Если этот язык не подходит вам лично, то спросите себя, какой язык вам подходит и почему. Возможны неожиданные открытия.

Чтобы почувствовать индивидуальный язык автора, мало вынимать даже объемные цитаты для демонстрации его пафосности или неуместной "комедийности", нужно войти внутрь вещи и почувствовать ее целиком. Надо почувствовать живую составляющую стиля, ввести понимание во внеязыковой контекст вещи. Большинство пишущих рассматривает чужую речь через прицел своей собственной, озабоченной, возможно, совсем другими задачами, нежели речь автора книги о Рильке и его мировоззрении. Кстати, по моему подсчету, 90 процентов пишущих и говорящих о Рильке (впрочем, и о Болдыреве тоже) никак не обеспокоены тем, что написанного не понимают, а ограничиваются тем, что считывают внешний слой письма, который для них и является единственно важным и "понятным". Но любой стиль серьезного письма это "отпечаток чекана" – идеи, которую он выражает, а иногда и вести, трудно дающейся языку и все же языком выраженной.

Читатель, который не понимает написанного, чаще всего испытывает раздражение, но не на себя, не готового к пониманию, а на автора, ибо подсознательно чувствует, что кто-то из двоих – либо он, либо автор в этой смутно тревожащей его ситуации не гош. Признаться, что не гош ты сам, - далеко не у каждого получается, поэтому такой читатель прибегает к предсказуемому ходу – начинает выискивать недостатки "языка" и остального, практикуя символическую подмену, и, естественно, эти недостатки находит.

Язык становится предметом критики чаще всего в ситуации слепоты по отношению к тем вещам, которые этот язык призван выразить. Мы прозреваем долго и мучительно, для

того-то мы здесь и есть. Или не прозреваем, а самоуверенно ограничиваемся насмешками над непонятными и не видимыми нашим глазам предметами...»]

Вы попали в точку. Имею в виду помешанность цивилизации на форме. Что и стало ей приговором. Двадцатый век всю энергию направил в форму и в формы, ибо отказался от содержания (бытия). В общепризнанные шедевры сплошь и рядом поставлены произведения, демонстрирующие "языковую гениальность", но бездарные и даже отвратительные с точки зрения "внутренней начинки": того сознания, которое, хочет или не хочет, рисует автор. Ошибка Одена-Бродского, обожествившая красоту языка, стала приговором для культур-содружества. Бессмертны не слова, а бесконечные пустоты между ними. "Красивые слова не правдивы; правдивые слова не бывают красивыми", – Лао. Здесь пропасть между зонами. А приватно-феноменологически здесь (сегодня) происходят простые вещи: либо ты устремляешь *полноту внимания* на качество сознания (являемого в том числе и в произведении), либо на форму (на ее "самоценную игру"). Либо-либо. Выбор. Это выбор фундамента, ничуть не меньше. Лично я наивно убежден в правоте Лао: правдивая речь непременно будет неуклюжа, как и объяснение в любви... Только не подумайте, что я не вижу вопиющих слабостей иных моих текстов, в частности "несовременного языка", тяжеловатой его (для сегодняшних бегом бегущих, стремглав несущихся глаз) походки. Но вопрос-то как раз в том и состоит, почему чудовищный язык немедленно карается, а чудовищное содержание, апологетика отвратительных, грязных сознаний, черного воображения вызывает аплодисменты? Многие письма Рильке рядовые члены fb, вне всякого сомнения, не смогли бы прочесть из-за слишком сложного ментального в них напряжения; они бы ничего не поняли из-за сложности смысла и смыслов. Но биография поэта должна быть написана изящным мяукающим современным стилем, короткими секвенциями, понятными светским львицам и львам. Но почему не наоборот: крайне сложным и "корявым" стилем, чтобы львы и львицы заснули на третьей странице и не пачкали струны поэта.

Н. Б.

20 июня 2020 [Неотправленное письмо]

Дорогой Андрей Михайлович! Возможно, включение вашего имени в мое письмо Михаилу К. (в моей книге «Потаенность естества», странным образом вышедшей недавно не в "Водолее", куда я отдавал рукопись, а в "Гулливере"), покажется вам бестактным или даже покоробит (ни того, ни другого очень бы не хотелось), учитывая несколько "нищанский" тон, который я временами применяю в отношении моего приятеля, талант которого (и человеческий тоже) для меня бесспорен. Но ведь речь там идет лишь о вполне реальном факте вашей дискуссии с Миркиной, ничуть вас не роняющем. Всякому ясно, что требование (или совет) поэту (поэтам) перестать быть поэтами той линии, которая утвердилась и реализовалась в истории в формах классико-романтической (а затем постромантической) поэтики, по меньшей мере наивно. И читатель в лучшем случае с недоумением будет читать мои невразумительные ламентации во славу похерить чувственно-эстетическую стадию и войти в те врата, где искусству в привычном смысле этого слова нечем было бы дышать. (Это древняя тема, однако я ее ставлю в особых условиях). Разумеется, я подставляюсь и сознательно расшатываю свой "благопристойный образ" (в книге этого "свинга" вполне достаточно) и делаю это не только потому, что обращаюсь лишь к очень тонкому (количественно) слою людей, находящихся на кромке

промежутка, но также из инстинкта, побуждающего меня возмутиться позой, которую принял современный поэт, живущий так, словно обычная катастрофичность мира не вышла за некие границы, где начинается инфернальное. Мой Михаил (в реальности у него, конечно, другое имя) говорит: да, мир рушится, но я еще могу в нем с интересом прожить. Однако не мир рушится, а сам мой бывший друг, принявший условия нестерпимой игры и подменивший внутреннее-себя внешним-себя. Однако он этого не чувствует, поскольку принял культуру столетия, где эстетическое объявило себя духовным. Он как монада спрятался в ту "чистую художественность", которой давно не существует. Здесь много неясного, и эту неясность я пытаюсь усилить, расшатать "точку сборки". Реальное (чистовое) письмо Михаилу было коротким, примерно таким: иди своим путем, иди до конца и не слушай ничьих советов, особенно моих. Стал бы я всерьез отвечать на его подросткового тона вызов, написанный в пьяную минуту?.. Но тот, кто в промежутке, кто обуян беспокойством и чувством утраты некой царственной возможности, не понимает, например, того, что «блаженство» пробужденного чаньца не есть гедонизм жителя громадного города, жаждущего сенсаций и удовольствий (как о том писал Гессе еще сто лет назад). Пробужденность (даже самая малая) не может быть игровой и эстетической; *это* «блаженство» (вот-оно!) покупается дорогой ценой: внутренним разрывом с "обществом" и забвением его (во всяком случае общественные авторитеты ставятся на второй и третий планы), отныне оно чаньцу только «снится».

Конечно, пытаться быть педагогом по отношению к поэту – нелепица, и читатель моего письма к Михаилу это заметит сразу и будет воспринимать мои аргументы в штыки. Но так оно и должно быть. Разумеется, поэзия – иррациональная стихия, и некоторые поэты подходят к кромке иррациональности, где начинаются пространства духа. Но иррациональное это не обязательно не заискивающее у социальных кормушек. Поэт, который смиренно и кротко прорабатывает смутные пути своей экзистенциальности, проясняет их (отнюдь не рационализируя), тоже движется путями чаньцев, но по счастью даже не догадывается об этом. Полная прозрачность и полный мрак взаимоотражательны как черный и белый цвет. И разумеется никакого содержания вне формы для людей не существует. (И конечно качество языка в поэзии – это почти всё). Содержание мы примышляем, а формы нам даются в качестве тайных смыслов. То есть с содержанием мы всегда ошибаемся, ибо оно не поддается мысли и концептуализации. Фактически же мы имеем дело с формами-тайнами либо с «наивными» констатациями. И Миркина, «наивно» констатирующая одну-единственную данность, хороша в малых дозах. (Мы так никогда и не узнаём, насколько эта данность – факт самовнушения, а насколько – «вот-оно!») И все же когда бы пространство литературы заполнили поэты с ее «визионерским» методом, дышать стало бы трудно многим и многим достойным людям. (Но каков противовес ее "зрелости"? Не зеленые ли плоды, какими бы они ни казались зрелыми господам гедонистам, чтущим чистую художественность? Таковым гедонистом я был в первой юности). В этом кстати громадная опасность культурологизма в поэзии, создающего между поэтом (читателем) и «реальностью самой по себе» толстенный (чуть ли не бесконечный) массив цветного с изломами стекла. То есть реальностью становится концепция культуры, которая поработила (или порабощает) поэта и его священное «я есмь» тонет в этом океане...

Да, мне в свое время хотелось увести Михаила из «эстетизма гедонистического толка», но такой возможности разумеется не было и нет. Хотя вполне возможно, что я

жертва ошибки своего восприятия, и это вовсе не эстетизм, а некая неведомая мне форма мистицизма. Но ведь даже и Розанов соблазнился на упрек Пушкину, «не захотевшему» стать «новым Дамаскиным». Даже умнейший Розанов надеялся, что большие таланты способны управлять «собой». Но артистический инстинкт можно убить, но фундаментально изменить его свойства (саму «парадигму» инстинкта) конечно невозможно.

Глядя изнутри поэтологической системы я, конечно же, неправ (если не сказать большего, поскольку я как раз исходил из своей неправоты) в моем полемическом «задоре», ибо флюиды поэзии (искусства) действуют вполне иррационально, совсем (или почти совсем) не задевая семантики стихов, равно семантики ораторий, симфоний, картин (и т.д.), всего этого предполагаемого житейски-конструктивного, прагматического хлама, к которому мы подвешиваем нити этики, а точнее того что мы под этим подразумеваем, а они (эти смертно-тяжелые ценности) срываются и падают в бездну плеромы.

В то же время сам я в своем "хулиганстве" (мои сомнения в дхармичности трудов Цветаевой и Пастернака оттолкнули от меня многих, кто прежде внимательно читали мои книги) действую, вероятно, из своего чаньского инстинкта (как бы это ни звучало высокопарно), что, впрочем, всегда достаточно рискованно, поскольку неизбежно расставляет острые углы, ошетинивая внимание, ибо «ругай себя», если ты так жаждешь правдивости; будь беспощадным к себе, а не к другим; совет этот вечен и вполне справедлив. И все же всякие искренние инвективы – это разговор внутри себя, форма самогигиены. В конечном счете поэзия это модель нашего таинственно-актуального и укрытого от понимания способа жить, восстанавливая целостность, некогда утраченную.

Зачем стремиться к освобождению тому, кто просто свободен, кто осознал свою свободу и берет её полной горстью. Так что поэта учить – самому себе голову морочить. Каждый – поэт в меру осознания своей полной свободы. Хотя поэзия всего лишь сладкий плен, поскольку слово – форма человеческого тщеславия. Свобода от слова – последняя свобода. Ибо как свидетельствует Махарши, «бхакти – предмет только опыта, переживания, а не слов». Обменивая духовный опыт на слова, мы теряем опыт. Всё то же вечное «или – или».

В известном смысле Миркина к поэзии непричастна, ее жанр несколько другой, как скажем иконопись древнерусская едва ли принадлежит к истории живописи или григорианские хоралы – к искусству пения. На внешнем уровне поэты делятся на природоцентричных и культуроцентричных. Миркина и Седакова обе открыто религиозные поэтессы. Но одна природоцентрична, а другая культуроцентрична. Вторых сегодня большинство. Причин масса. Природоцентричность Миркиной есть в известном смысле попытка даоцентричности. Седакова откровенно и полностью размещает свою семантику и эстетику в поле культуры, заявляя вполне открыто, что для нее центр мира, духовный центр – Рим и Pontifex (с «лукавой» оговоркой, что не католицизм ей здесь привлекателен). Она в плену раздвоенностей. То есть Pontifex для нее самое дорогое место на земле в смысле того единого христианства, о котором мечтал Соловьев и мечтает Папа: где католицизм поглотит православие. Это ясно как день. (Поглощение посредством "культуры" уже произошло). Просвещенность католицизма, делающая из него религию безграничной толерантности, то есть глубочайшего безразличия к богу этики. Приятие мира как центра удовольствий. (Где на высшей ступени "духовные" удовольствия). А раздвоенность уже в том, что С. православная, исправная прихожанка московского храма,

и у нее исповедник, которым она восхищается и с которым в дружбе. Тем не менее духовный центр мира не в Москве и не в православии. Родная земля не центр хотя бы уже потому, что в ней не накоплено столько культурных артефактов, сколько в Риме. Выражаюсь "по-чаньски" грубовато, но по сути. Но ведь всё это крайне странно, если не сказать больше: как духовный центр может быть привязан к географии, к чему-то внешнему, материально-чувственному, пусть даже и к монбланам накопленных мыслей? Выходит, существо Первосадовника попало внутрь культурной тусовки? Духовность здесь по существу (если убрать все утонченные оговорки) истекает из насыщенности-сгущенности интеллектуально-эстетического свойства. Можно бы сказать и так: для С. духовный центр не непосредственно в Садовнике, но лишь в Садовнике и садовниках, проявленных в культуре. Кто-то скажет: для человека нет Садовника, даваемого или являемого непосредственно. Скажет и ошибется. Кто-то скажет: для меня духовный центр в долине Кайласа, в долине Кулу, близ горы Аруначала и т.д. Но человек *естественно* религиозный (т.е. не получивший религиозность посредством культурных идеологов и информационной просвещенности) скажет: духовный центр мира в моем дыхании, в я *есмь*.

Для Миркиной, которая едва ли уступает Седаковой по культурной оснащенности своего ума, абсолютно невозможна мысль поиска духовного центра в странствиях по эмпирическим цивилизационным дорогам. Духовный центр дан ей от рождения в качестве духовного (нематериального) сердца, находящегося в правой стороне груди. Это и есть Атман (Единое), Реальность, вечный экран, на котором идет тленно-иллюзорный кинофильм цивилизационной истории. Как может феноменальное, преходящее быть *духовным* центром мира? В таком случае слова уже перестают значить то, что они значат.

Здесь возникает множество вопросов. Один из них: может ли культура быть не культуросцентричной? В тоже время очевидно, что природоцентричность современного поэта включает в себя опыт культуры, но культуры духовной, а не интеллектуалистической. В папах Римских наших интеллектуалов восхищало (и восхищает), как известно, именно «глубокая просвещенность» на фундаменте интеллектуализма: способность «всё понять», то есть сказать: да, и это тоже имеет место, я ничего не отвергаю. Похоже на максимум: «живи и давай жить другим». То есть все пророки аннулированы, все "чистые связи" оборваны. Это некий прыжок в древневосточную парадигму без какого-либо онтически-дхармического его обеспечения.

Но ясно, что в любом случае едва ли поэзия сводится к чувственно-музыкальной антрепризе. Она опирается на какие-то глубинные смыслы, не сводимые к историко-архивным вещам. У Бибихина есть неожиданно-странные наблюдения: «Аполлон сатира Марсия за предположение, что в лире единственно значима *тоже* только сладость звучания сравнимая со сладостью флейты, привязал к сосне и содрал с живого кожу. Данте, услышав, как на улице вышел из мастерской кузнец и поет из его стихов *не так* как надо петь (Бибихин имеет в виду искажение смыслов и Смысла. – Н.Б.), знает Данте, молча заходит в кузницу и начинает вышвыривать наружу один за другим кузнечные инструменты. В другой раз Данте едет на извозчике и слышит извозчик читает его стихи не так как надо; Данте ни слова не говоря бьет его кастетом в спину – Данте ходит с кастетом, как Аполлон с автоматом (луком) за плечами...» Далее он пересказывает Петрарку, который столь же яростно возмущался, что культурные плебеи сводят Данте к эстетическим изысканностям. «...Я один лучше множества тупых и грубых хвалителей

знаю, что это такое, непонятное им, ласкает их слух, через заложенные проходы ума не проникая в душу...» И далее Петрарка ссылается на Цицерона, который точно так же «клеил» культурное «стадо», которое видело в великих поэтах только красоту формы, но было лишено *понимания*, в том числе понимания источника этой красоты. Цицерон называет их животными, которые получают от поэзии только «эстетическое наслаждение». Бибихин потирает руки: «...Ах, “эстетики” ходят с таким клеймом *прямо на улице*, у них лицо гурманов искусства. И чаще даже с таким клеймом узнают друг друга, чтобы собираться на свои конференции». Здесь изумляет историческая длина этого противостояния между «феноменалистами» и «ноуменалистами», между эстетизмом и бытийностью.

В эссе индийца Намдэва «Философия божественного имени» однажды с изумлением прочел: «Нет разницы между Именем и формой. Бог стал проявленным и принял Имя и форму. С тех пор Имя установило Веды...» Это к тому, что теория имяславия (Флоренский и др.) не так глупа, как кажется с первого взгляда. Божественный логос здесь связан со словом (Именем). Но слово это сакрально, равно как и алфавит, о коем вы часто напоминали прежде. Намдэва, вероятнее всего, опирается на Маханараяна-Упанишаду, где: «Только тот есть Высочайший Господь, кто находится выше Первоначального слова, которое есть начало и конец Вед и в котором пребывает творческая Причина». То есть в Начале все-таки был Господь, который и дал начальное, корневое Слово, дал не людям в обыденное пользование, а для Вед (для Знания), как творческо-причинную энергию. Контекст слова на Западе и Востоке разный, вот почему нестыковки. Восточная цивилизация не словоцентрична, она мантроцентрична. Культура Европы достаточно быстро забыла о сакральности слова, сделав из него инструмент торговли мыслями и ментальных манипуляций (махинаций). Это подобно тому, как понимается дзэн на Западе: здесь-и-сейчас возьми от жизни всё, а “после нас хоть потоп”. А на Востоке, как мы с вами знаем, жить здесь-и-сейчас означает полноту недеяния: возврат в божественное сознание не-эго, в блаженство покоя и полноты внимания к чуду своего сознания, ибо Бог-в-тебе здесь-и-сейчас, каждый миг. Вот почему “в Начале было Слово” для западного интеллектуала означает вброс в профанный интеллектуализм, в бешеную деятельность умничающей эго-самости.

Слова сами по себе ничто, равно как и все умные афоризмы. Важно, в какой системе координат они зашифрованы.

Дорогой Андрей! Мой текст конечно же следует читать "против течения", поскольку глупость автора оно (текста) не может не бросаться в глаза. Учить поэта жить и писать – что может быть нелепее. И ограничивать свободу поэта какими-то религиозными химерами – значит пытаться "поворотить реку". Поэт не защищается и не нападает, он живет, спонтанно и необъяснимо ни для самого себя, ни для других. Он огонек, который может в любой момент погаснуть. И все призывы автора эпистола доказывают всего лишь либо его собственную поэтическую несостоятельность, либо непроясненность для него самого каких-то важных вещей, связанных скорее с ощущением общего краха. Кто будет сомневаться в качестве поэзии Таврова? Кому придет в голову не признать слабость художественной структуры стихов Миркиной? Порой ее стихи балансируют на грани одной-единственной мантры для себя самой. В чисто художественном смысле поэзия ли это вообще, не некая ли форма идеологии? Такие мысли естественны для большинства любящих поэзию. Ее любят именно за художественность, за чистую и безпримесную. Вот

здесь-то и мог бы быть центр письма к Михаилу: поставить под большой вопрос художественность как таковую. То есть художественность последнего столетия, ставшую хитрой формой псевдохудожественности. Но для этого надо силу, от которой не развязался бы пупок. Что дал наш возвеличенный серебряный век, если пойти по гамбургскому счету и если учесть те беспрецедентные угрозы, которые явил велиар? Разве случайно столь редкостно высок сегодня рейтинг у Седаковой вослед рейтингу Бродского? Высококультурность (просвещенность) давно уже приравнивается к духовности, о чем я уже говорил. (При этом я, конечно, ни в коей мере не высказываю сомнения в высокой духовности Седаковой как частного лица). Но такое приравнение говорит об ужасе ситуации. Кто же будет смотреть на мир изнутри атмана, зеркало сознания которого "извечно чисто от пыли мирской"?

Когда я избрал когда-то для полемики великих словесников Цветаеву и Пастернака, то дело заключалось отнюдь не в так называемой бытовой этике. Дело не в том, что Цветаева погубила свою семью: это дело лично её и её судьбы. И дело не в том, что Пастернак сдал Сталину Мандельштама, не кинулся его защищать, но кинулся защитить своё благополучие. Это дело его личного выбора, исходившего, впрочем, из обожествления Вождя (Вожатого). В моем восприятии Цветаева и Пастернак выставили на передний план не корневую, не человечески-почвенную, а измышленно-литературную искренность, ту, что шла со стороны культуры. Именно туда они направили свою жизненную силу. Словно бы в их эстетически изоциренных (порой они кажутся эстетически хитроумными) текстах отразилась та стенка, что отделяла их сущность от их существования. И они работали на эту стену. (Хотя в юности я бывал временами едва ли не уловлен ароматами этого культурного тумана). Отнюдь не уверен, что сумел передать суть этого моего недоверия и печали в связи с этим. Надо ли об этом говорить вслух? В рамках этики прежнего мира это неприлично. Но мы живем в мире без этики, и комплиментарность как форма равнодушия либо взаимовыгодного пофигизма обрела популярность растленности. В чем обаяние Ницше? В том, что он был прям. Кстати, это дало основание одному европейскому философу назвать его дзэнцем.

На мой взгляд жителя горной хижины, мало к чему причастной кроме скромно величавого пейзажа, русская поэзия тем не менее вполне жива, и в ней достаточно поэтов, чья муза лишена даже грана щегольства и тщеславно-артистического гонора. Разве утонченный Арсений Тарковский, простецкий Николай Рубцов или скромнейший Олег Чухонцев плыли не в этом "экзистенциальном" фарватере?

В завершение этих моих наивных гипотез могу и хочу добавить, что пребываю в глубочайшем почтении к вашему поэтическому опыту, который для меня есть безусловно одна из автохтонных форм религиозности. Вчера выписал в Озоне вашу "Зиму Ахашвероша" и "Поднял его за волосы ангел..."

А моя книга? Это всего лишь мемуары "уходящего объекта", воспоминания о мелькнувших встречах. Здесь не до дипломатии.

Ваш Н.Б.

1 июля 2020 г.

Добрый день, Андрей Михайлович! Я хотел бы обнулить ставки по моему письму. То есть вначале превратить его из открытого в закрытое, в сугубо частное, а затем и рассматривать все его позиции и утверждения как виртуальные. [Речь идёт об "Открытом

письме", которое я бы не хотел здесь приводить]. Ведь оно написано с позиций чаньских, и в этом смысле не может не быть "антицивилизационным", то есть хулиганским жестом. Оно не может спорить, равно и с ним невозможно спорить. Рассматриваемое изнутри правил культурного общения, оно неприлично своим судейским тоном, ведь мы же не в революционную эпоху проживаем. Какие-то непрерывные попытки кого-то "уличить", а себя обелить. (Впрочем, не так ли написаны книги Чжуан-цзы и Лао-цзы?) Хотя всё элементарно: оно написано словно бы изнутри чувственно-этического измерения, отвергающего бытийную значимость и ценность измерения чувственно-эстетического, что было бы несомненно наивно, если бы не было экспериментально. В этом его (письма) виртуальность. Хулиганство именно в этом; точнее: оно проистекает из этого. Оно не отрицает и не отвергает гениальности ни Бродского, ни Белого, ни Пресли, но говорит: измерение, в котором они действовали, лежит всецело в пасти "прогресса", в то время как существо вещей – великая архаика; лишь ретроград движется в правильном направлении. Другими словами, посмотрите на ситуацию с улыбкой: мало ли что напишется в иную минуту, когда покажется, что разговор имеет большее значение, чем молчание. Возьмем ребенка, которому нет ничего вкусней каких-нибудь корешков или молока с хлебом и которому вкусы дядей кажутся чудовищными. Моё чаньское сознание примерно так смотрит на рафинированную культуру. Архаичные люди, архаичные эпохи, "дикие" этносы, дремучие ретрограды как раз более "люди", чем все мы вместе взятые. Последние две тысячи лет – собрание великих сокровищ в чувственно-эстетическом измерении и черный провал в измерении чувственно-этическом. Я к тому, что разговоры на серьезные темы просто невозможны. А ведь есть еще и другие измерения. Вот почему культура неизбежно превращается в тусовку людей "одной группы крови", и всякое появление человека из иного измерения вызывает комический эффект. Разве случайно прожил крайне замкнутую жизнь такой превосходнейший поэт как Е. М. Рядом с ним наш прославленный Б. чуть ли не пигмей. Но это в моем восприятии. К тому же это мое сравнение вполне глупо: их труды в разных измерениях сознания. В своем Б. велик, в чужом крошечен; равно обстоят дела и с Е.М.. Вот почему ошибочно влезать в чужое измерение и что-то там трогать и переставлять. Это и глупо и небезопасно. Эти императивы я обращаю, разумеется, к себе. Что-то говорить внутри чужой тусовки как минимум бессмысленно. Даже и внутри семьи и семейной жизни эта драма случается довольно часто, так ведь? То есть мы касаемся здесь границы, по которой проходят некоторые фундаментальные неизбежности одиночеств... Надеюсь, я отвлек Вас от мрачных ассоциаций, связанных с моим "открытым письмом". Это и было целью моего монолога. Ваш НБ.

Андрей Тавров

1 июля 2020 г.

Дорогой Николай Федорович!

Мне кажется, что говорить все же надо, несмотря на то, что чужая "тусовка" полностью сориентирована на свой тип сознания, на свой тип восприятия. Однако же она состоит из живых людей, хоть и загипнотизированных круговой порукой общей системы ценностей и реакций, но все же остающихся людьми, у которых дух и душа могут внезапно выскочить из заученных и корпоративных реакций и внезапно отозваться на то, что для них непривычно и даже, как Вы пишете, комично. Поэтому я никак не могу снизить важность

того, что Вы делаете и говорите. Вы говорите об открытой ране нашего "цивилизованного общества", которую это общество не желает замечать, что и приводит его к самоистреблению. Одна талантливая в студенческие времена девочка, Галя Рымбу, например пишет стихотворение "Моя вагина", очень длинное, натуралистическое, "политическое" и феминистское. Про такие вещи моя бабушка сказала бы, что у этих людей ни стыда, ни совести, и была бы права. И чувство стыда, и чувство совести как-то онемели под взглядами очередных "идей", присущих или даже захвативших, вживленных в те или иные социальным тренды и группировки, увы. Это то, о чем писал Достоевский, ситуация, когда идея пожирает жизнь и совесть человека (Раскольников, Смердяков, Иван до какой-то степени). С точки зрения поэзии это, конечно, катастрофа. Мне эту девочку жаль, и все же она взрослый человек, которому можно было бы вспомнить о простейших ценностных вещах. Поражает, сколько народу в коммента восхищаются этим творением духовно больной женщины – такие же дамы, как и она. (Образец этой "поэзии" можно посмотреть у нее в ФБ.)

Поэтому говорить надо, ни на что не рассчитывая, или "сеять", как выразился Иисус. Вас же я всегда внимательно читаю и перечитываю. Не то, чтобы я оптимист, но я продолжаю верить, что капля любви и капля мудрости, никогда не бывают зря и делают свое дело несмотря ни на что, подпольно, что ли.

Я сейчас читаю "Тетради" Симоны Вейль и недавно наткнулся на ее высказывание о том, что красота это проявление Бога в природе (и у греков, конечно же, ее любимых, в искусстве).

И вот что хотел еще у Вас спросить, а почему вы не упоминаете третью категорию Кьеркегора – религиозную? Ведь этическая категория для него недостаточна с точки зрения свободы и других тонких вещей, и только в религиозной для него преодолеваются необходимость и Рок.

Ваш АТ.

Ваше открытое письмо, естественно, снимается с повестки, хотя я думаю, что его можно было бы предложить в "Плавающий мост". Но это, естественно, лишь с Вашей особой подачи.

Н. Б.

2 июля 2020

Дорогой Андрей Михайлович, разве я призываю перестать писать стихи или музыку? Или перестать пытаться жить безупречно? Само собой, цивилизации движутся инволюционно, индивид движется эволюционно; индивид способен совершенствоваться в любых условиях. К счастью для всех нас. Так что и великие поэты, вопреки общему деградационному духу времени, возможны, хотя этот вопрос и проблематичен. (Чистому духу все же нужна "референтная группа"; найдет ли он её завтра?) Меня ничуть это не может ни удивлять, ни возмущать. Мысль об "идеальном поэте" и "идеальных условиях" отродясь меня не посещала. Историческая часть темы «эволюция понятия "поэт"» тоже меня ничуть не интересует. Равно как тема: "Всегда были и будут хорошие люди". Дело вовсе не в пессимизме или оптимизме. А в том, что именно я защитил одну из Ваших читательниц, возразившую Вам на Ваше утверждение, что настоящая поэзия непонятна, возразившую цитатами из Пушкина и, кажется, Лермонтова. Наша классическая русская поэзия была семантически и душевно прозрачна. Современный же поэтический

мейнстрим – не просто космополитичен, но разорвал с этой нашей русской традицией. Но обслуживая "нового человека", поэзия (как и другие искусства) не могла не почувствовать, что главная черта "нового человека" – цинизм. И цинизм этот (потеря целомудрия, культурное тщеславие) таинственным образом связан со словом. Следовательно, все кто связаны со словом "профессионально", каким-то образом, хотели они того или нет, хотят или нет, причастны к этой тотальной цинизации атмосферы на планете. И совсем не в том смысле, в каком это могло быть в веке девятнадцатом. Вот, собственно, на что я и хотел обратить наше внимание. Ничуть не касаясь высоких и тем более мифо-исторических материй. Много ли проку в историческом скепсисе?

Словесность давно ринулась в изощренность, а фактически в виртуальность. Просвет же находится по ту сторону интеллектуальной изощренности. Путь к простоте, к предельной вербальной сдержанности есть путь к той аскезе, без которой нет близости к дхарме. А разговоры о "разных путях" в поэзии, о поэзии как игре и т.д. есть разговоры о разных видах морали. Да, видов и форм морали (было и есть) множество, но этика – одна от сотворения мира. Разность эпох в этом вопросе не имеет значения. (Эпохи различаются скорее формами, чем содержанием).

Переходя (и перейдя) под эгиду интеллектуализма (полного понятийно-словесного, "игрового" контроля над жизнью), мы формируем в себе виртуальную личность, которая постепенно всем завладевает. Нам это нравится? Да ради бога. Дело хозяйское.

4 июля 2020 г.

Дорогой Андрей Михайлович, спасибо за письмо. Что касается религиозной стадии, то она современному человеку не грозит, ибо он полностью находится под гнетом культуры, которая в свою очередь находится всецело под гнетом (и стопроцентным контролем) чувственно-эстетической матрицы. (Что до Швейцера было замечено Толстым, а до него Руссо и т.д.) Чувственное влечение к красоте есть (в основе) чувственное влечение к красивой женщине. (Даже влечение к Софийности есть сублимация, подобная католической сублимации в страстной любви к Христу восторженных монашек). Вот почему институт семьи не просто рухнул, но обрушен. Всякие формы отказов отменены. Принять: еще, еще! – вот лозунг времени нарциссов. Этическая стадия начинается как раз с аскезы, с самоограничений, с отказа жить минутой. С осознанного желания познать себя. А это возможно лишь в семейной жизни, в браке, о чем и писал Киркегор, что и сделал Толстой. Вместо всех женщин – одна. Вместо заигрываний и комплиментов – каждый день правда в лоб. Вместо "поэтичностей" – полнота внимания и правда, боль, боль и боль, поскольку ты обнаруживаешь кошмарные вещи в себе и в ближнем. Брак может стать опытом этической стадии при осознанном понимании, что семья — это мистический союз во имя двустороннего роста, освобождения от культа "я". Семья как стадия – это алхимическая колба. Лишь одержав победу в этом опыте, человек становится готов и к собственно религиозному опыту: к познанию в себе "атмана", к служению ему. Но к чему разговоры о религиозной стадии в измерении чувственных эстетиков? Напротив, чем больше читает современный человек о религии, тем плотнее закатывается катком эстетики (притом, это ж надо понимать – какой именно эстетики!), ибо трактует он все религиозные "истины" неизбежно ложно. Возьмите модное "живи здесь-и-сейчас". Трактуются оно сегодня прямо и категорически противоположно тому смыслу, который эта теза (выраженная, конечно, не столь вульгарно) имеет в чань-дзэне. И так во всем.

Здесь не недостаток ума действует, а полная погруженность в чувственный эстетизм, притом в неосознаваемый. Ведь фактически современные творческие люди (а кто сегодня не творческая монада?) знают одну-единственную форму религиозности – художественную. *Художественная религиозность* сложилась у нас как некая почти интуитивная система, я полагаю в начале двадцатого века. Вот это и есть трюк, это и есть воронка, своего рода ловушка. Но это отдельная, весьма непростая тема.

Ведь в идеале поэтическое и святое – одно и то же. Вот почему для меня это сущностно неразрывно было с детства и вот почему для меня позднее *естественная* религиозность (не "идейная", не из "манифестов" основателей религий идущая, не из суммы тезисов, суммированных в "концепцию") почти перетекает в то, что мы называем этическим (или точнее: они друг из друга вытекают) и соответственно, никакой отдельной фазы (этапа, стадии) религиозной жизни и не нужно, сама по себе она искусственна, если только не есть прыжок из некоего прежнего страшного отупелого запустенья – в поэзию Предсмертья. У Розанова есть книга "Эстетическое понимание истории". Так вот, может существовать и эстетическое отношение к религиозности, когда сама художественность выхолащивается, лишается соков и Вакха, и Озириса, и Кришны, и Будды, и Христа. Тем более что европейский опыт внушил и внушает нам именно эстетическую трактовку религиозного и христианства в частности. Не случайно, кажется Лосев, называл религиозную живопись мастеров Возрождения (поименно) порнографией. Почему? П.ч. Лосев был приватно религиозным существом, православным, и не смешивал в одну кучу все виды красот. Он даже историю античной философии увидел как эстетику, ибо понял религиозность греков как религиозность именно художественно-эстетическую. Правда, она восходила к священству, ибо эссенцию красоты им струили непосредственно боги. Так что мифо-священное и святое с точки зрения Христовых заповедей – не одно и то же. И тем не менее без и вне "священного эроса" и религиозность (в наших рецепторах и нервах), и поэзия превращаются в "словесные пиры" и пирушки, в словесный цирк и в конференции.

Смотрите: когда я только что перечислил несколько громких имен, то имел ведь в виду, что это были каждый раз цунами поэзии, а не доктрины и не художественные картинки. Но современный человек, т.е. я и мы (и поэт) играет этими именами-картинками, как играет пейзажами и интерьером современный кинофильм, как играет цитатами современная музыка и сама наша жизнь. И вот получается либо сугубо эстетическая религиозность, либо квазирелигиозная художественность, этакий полуфабрикат, а точнее фальсификат: мозговая экзальтация словесного мастерства.

Поэзия – это танец вокруг тайны сущего, и она тем прекраснее, чем мощнее и ближе дыхание этой тайны; сама же по себе красота танца – ничто. Ваш НБ.

Андрей Тавров

4 июля 2020 г.

Дорогой Николай Федорович!

Спасибо за чрезвычайно ценное для меня письмо. Все, что Вы говорите о браке – как об алхимической колбе и неприкрытой боли трансформации в таких отношениях – простая правда, но она труднодоступна пониманию, потому что нежеланна, как и всякая боль. Но без боли нет роста. То, что влечение к Софийности предательски скользит по границе, соскальзывая в любовь к красивой женщине, тоже правда, и судьба Блока тому

свидетельство. И, наконец, то, что мы имеем дело с миром подмен – от слова до дела – диагноз, смысл которого очевиден.

Но высшее – с нами, при условии обращения к нему, конечно. Бог, делающий бывшее небывшим, способный из глины сотворить человека, как это хорошо помнили авторы псалмов. И это делает меня способным на затаенный, но светлый и сильный оптимизм, несмотря на "море бед", как выразился Шекспир, несмотря на темную ночь и власть тьмы. Ваш АТ.

Н. Б.

12 октября 2020

Досточтимый Андрей Михайлович! В письме Вашем сквозит большая досада, которую мне не стереть никаким ластиком. Но ведь если я в указанном смысле не на Вашей стороне, а на стороне Миркиной, то это вовсе не означает, что прав я или Миркина, а Вы не правы. Все правы, а может быть все неправы. Это такие же "ошибки", как в восприятии стихотворения или сонаты. Быть может, в огромном зале лишь один человек "понял" прозвучавшее произведение, то есть откликнулся тем местом, из которого соната или симфония выросла.

Изнутри своей логики Вы абсолютно естественны и возражать было бы смешно. Знаете, артефакты культуры иногда мне кажутся игрушками, на которые мы проливаем тот или иной наш внутренний свет (или сумрак). Когда-то, лет в четырнадцать-пятнадцать я с первого прочтения запомнил Маяковского до последней строки (как раньше Пушкина) и декламировал его с восторгом, шагая по улицам, чувствуя заряженность свободой без конца и края. Так действовала сама форма, внутренний ритм, его хулиганская экстазность. Я не ощущал ни богоборчества поэта (сам я никогда богоборцем не был), ни его двуличия, ни позерства, ни политического шулерства. Он был безупречен, ибо содержанием, на меня изливавшимся, была форма свободы ритма и радикальных семантических посылов, доходивших до меня в самой общей форме. Чуть позднее почти таким же, но на другом материале, восторгом полной внутренней свободы, опьяненности безграничностью полетов вне каких-либо ограничений меня наполнил Рембо, с томиком стихов которого я приехал поступать в университет. На втором курсе я принялся изучать французский, чтобы прочесть его в оригинале (тем более, что тут я влюбился еще и в Марселя Пруста); я учил параллельно французский и древнегреческий, потому что пьянел, листая альбомы древнегреческого искусства и читая Боннара. Потом была опьяненность Цветаевой, тем же ароматом полнейшей раскованности плюс моя зачарованность филигранностью психических пассажей ее прозы. Чуть позднее, взрослея, я на несколько лет упал в объятия мистерий Вагнера. Там тоже, конечно, во многом владетельными были энергии просторов и свобод без берегов. Хотя уже и не только, там началась для меня мифофилософия.

Но пришла пора и просыпаться и увидеть, что и Маяковский, и Рембо, и Пастернак были, увы, теми же буржуа, с которыми они якобы боролись, теми же алчущими успеха, подобно Дали и Пикассо искавшими путей попасть в буржуазную элиту. Все они были на стороне "силы". И соответственно, в искусстве искали приемов "сильного" воздействия на рецепторы публики. Пришла пора увидеть, что это не герои, не "истинные люди", а актеры, попытавшиеся обмануть современников; но себя-то обмануть труднее. Я стал видеть смыслы их текстов и действий, подспудные мотивы. Мне бросилась в глаза их человеческая несостоятельность, но не потому, чтобы они презирали общественную

матрицу и устремлялись искать Хозяина небесных архетипов, но потому, что запутывались во лжи, которую сами внутри себя создали. Финал каждой из этих, бросавших мне когда-то кусок свободы, жизнью был крах (Вагнер не в этом ряду). Не восхождение, но деградация, ибо корень был подрублен. И я отправился искать настоящих, истинных людей, истинных поэтов жизни, которые ни одного дня не алкали аплодисментов... Вот такой очень грубый конспект.

Значит ли это, что я был прав во второй своей жизненной фазе и не прав в первой? Разумеется, нет; ни в коем случае. Думаю, я был прав и там, и там. Я был истинен там и там. И вследствие этого в первой фазе (вспышки светотеней и ритмов, "внесловесное понимание", действие чарой) Маяковский был прекрасен, во второй он был отвратителен. Такова экзистенциальная реальность, а другой, думаю, и не бывает. В первой фазе стихи Маяковского и Рембо давали мне вполне реальные переживания свободы, наполняя мои метафизические легкие кислородом; во второй фазе я вполне реально ощущал удушающую меня атмосферу театральности, постановочности вполне дешевого в этическом смысле и, по гамбургскому счету, двуличного спектакля; понимал, что ребята дурили публику (а отчасти и себя) имитациями свободы. То же делала Цветаева, то же делал Дали.

Стал ли я менее эстетически чувствительным? Едва ли. Просто центр моей эстетики резко сместился. Жажда прекрасного усилилась, но ее предмет, более того – сама субстанция прекрасного, сам корень прекрасного стали другими. Я обнаружил корни Другого прекрасного, которое росло из совсем иного Логоса. Мне ли вам говорить, что прекрасное отнюдь не только сфера чародейства звукоритмов, намеков и заманиваний тайнами. Много прекраснее всех этих побрякушек истина. А она за пределами слов и звуков, метафор и сюжетов. Здесь совсем иная интрига. Здесь совсем иное ощущение слова и речи.

Разумеется, у меня не было "переворота" вроде того, чтобы я вдруг "осознал" трехстадийность жизненного пути и начал всё и всех мерить этой линейкой. Избави бог. Я довольно рано понял, что трехстадийность – удел ничтожного числа избранных, кармически зрелых. Подавляющее большинство (чуть ли не все 99 процентов) живут в чувственно-эстетической стадии, то есть под такой стальной крышкой полусферы. И вот внутри варева этой стадии разыгрываются порой сюжеты трехстадийности. То есть и вторая стадия, и духовная осознаются как "настоящие", но на самом деле они есть формообразования стадии эстетической. Более того, даже и вторая стадия тоже в свою очередь протекает трехстадийно. Вот об этом я, собственно, и хотел сообщить своему Михаилу. Сообщить, что внутри природно-чувственной ментальной сферы не может быть ни этики, ни причастности к атману: всё неизбежно будет игрой в то или в это. Не в осуждение, конечно, я это ему говорил, а в сугубо информационном смысле. Ибо Михаил всегда претендовал на мужество знать даже самые опасные и горькие вещи. Быть эстетиком вполне достойная вещь, если ты честно признаешь основание своей платформы. Мы все равны, просто не совпадаем по количеству лет, проведенных на Земле. (Вполне вероятно, что так, хотя и без гарантий). Кому-то всё до чертиков надоело, кто-то вертит головой до 90 лет, не в силах опомниться от восторга.

Я хочу сказать, что ни в коем случае не считаю, что я более прав, чем мой Михаил в затеянной нами дискуссии. Это фехтование не выявляет победителя или потерпевшего поражение, здесь нет фронта. Снисходительного или тем более высокомерного тона к

людям, находящим очарование в чувственной (в том числе в словесной) красоте, у меня, конечно же (во всякой случае внутренне), нет. Разве я могу с досадой или со снисходительно улыбкой относиться к себе двадцатилетнему, окружавшему всё воспринимаемое чистым энергетическим облаком? Так что, на мой непросвещенный взгляд дикаря из горной хижины, в вашем несовпадении ощущений с Миркиной (тем более по вопросу чисто теоретическому, не из нутра стихов идущему) в равной мере нет границы правоты/неправоты. Права она, правы и Вы. Либо же неправы оба. Искусство, конечно же, если и живет истинами, то экзистенциальными, страстно-субъектными. Мы весьма часто не властны над своими внутренними ритмами и скоростями. Где-то мы даем полную свободу кипения интеллекту, где-то становимся информационными наркоманами, где-то вдруг вступаем в царство гомеопатических структур, непричастных к культурному аду горных долин. Но между этими дао-состояниями нет войны. Важно лишь, чтобы эти состояния имели дао-лазейку, тайную антенну, кончик которой выходит за цифровой колпак отравленной культуры.

Рассматривайте это мое письмецо как форму извинения за то, что я втащил Ваше имя в полемический контекст.

Ваш НБ.

Андрей Тавров

29 декабря 2020 г.

Дорогой Николай Федорович!

Я очень тронут Вашим подарком и Вашим вниманием! Получить в предновогодние дни от Вас посылку с прекрасной открыткой и пожеланиями для меня и празднично и очень ценно – даже улица, по которой я шел обратно домой словно бы приделалась и согрелась. Я обратил внимание на то, что тетрадь, кажется, не фабричного, а ручного производства, ручного, теплого.

Надеюсь, что Ваши пожелания осуществляются. Я дописал очередной роман до середины и надеюсь в следующем году его закончить. Ну, а стихи, как Бог даст. Надеюсь и на них.

Хочется и Вам пожелать новых книг, большую часть которых я перечитываю, и новых прочтений времени, слов людей и слов природы, а также области вечного.
Ваш Андрей Тавров.

Н. Б.

13 марта 2021

В ответ на Ваш вопрос, почему я недоволен своими переводами Целана. То, что я вдруг уловил, – сложно передать словами, Андрей Михайлович. Стихотворение у Целана – это и в самом деле записка потерпевшего кораблекрушение. Но не в смысле точного сообщения о происшедшем и о координатах для спасения. Это записки в дневнике на необитаемом острове. Не надо было мне добиваться формально-логической и грамматической внятности. Человек движется сквозь боль жизни. То, что он переживает, заведомо приватно в экзистенциальном смысле. Эмоции здесь сняты, поскольку он потерпел кораблекрушение и он на необитаемом острове. В переводе эти записки должны оставаться такими же фрагментно-невнятными как в оригинале, однако изнутри трагически-таинственными. "Бутылочную почту" не надо дешифровать в банально-бытовом ключе.

"Здесь человек погиб". Он оставил записи в дневнике, доведя их до завершенности вещи-в-себе. Как писал Рильке одной читательнице о своих стихах: в них нет никаких намеков, они просто фиксируют невыразимое Da-Sein. Он пишет буквально: ваши ассоциирования и примышления "противоречат неопишуемому Da-Sein стихотворения". Надо чувствовать "удар" стихотворения и пытаться этот удар передать. А средства? В Катха-Упанишаде есть рефрен – etad vai tat. На санскрите он обладает грандиозным, в глубину уходящим философским значением, хотя в буквальном переводе звучит как "это воистину есть то". Так вот Ауробиндо писал, что "для передачи как ритма, так и смысла этого рефрена много ближе было бы перевести "это есть Бог твоих устремлений", сколь бы неадекватным ни показался такой перевод". Любопытное суждение великого знатока Вед, не правда ли? С новым Вас годом жизни! НБ.

Андрей Тавров

27 марта 2021 г.

Николай Федорович!

Я хочу выдвинуть одну из Ваших статей о поэзии (поэте) на Премию "Неистовый Виссарион", если Вы не возражаете. В этом случае пришлите мне, пожалуйста, то, что Вы писали о поэтах за последние два года, и эта статья (какая-то одна) была опубликована. И эта статья должна быть о русской литературе.

Ваш АТ.

10 августа 2021 г.

Дорогой Николай Федорович!

Захотелось написать Вам несколько строк в силу двух причин. Во-первых, давно мы не переписывались, и в результате такого положения вещей я иногда чувствую некоторой воздушный изъян, недостаток, неполноту, а во-вторых, сегодня опять вспомнил, как впервые прочитав Ваше послесловие к биографии Карлейля, переночевав на холодном сеновале и встав в некоторой меланхолии, после этих строк почувствовал в утреннем холоде, перефразирую китайского поэта – "что узнал в толпе отца" – близкое и родственное, и мне тогда снова захотелось дышать, жить, действовать – словом, душа ожила.

Возраст дает о себе знать некоторыми недомоганиями, и сегодня с утра я перечитывал "Потаенность естества" – замечательнейшие строки, наблюдения, прозрения, мощная критика современного идиотизма. Мы с Вами не сговариваясь пришли к выводу, что человечество, в громе, скорости и блеске, так и будет ломиться в сторону огромного кризиса и только он может заставить его отчасти одуматься и задержаться. Вы правы, когда говорите, что только индивиды, а не толпа, способны тогда будут сделать выводы, а толпа, валясь в яму, этого даже не заметит, я согласен с Вами. Но разве такие испытания не способны вырвать и сформировать индивидуумы из толпы в значительно большей степени, чем это происходит в "спокойные" времена? Т. е. я оставляю место для надежды, и уж совсем безумную позицию для веры в то, что "все делается хорошо" по выражению одной западной святой, которое в "Пепельной среде" цитирует Элиот.

Когда я вижу в метро и на улице сомнамбул, приросших к смартфонам, мне делается не по себе от их количества, от количества "той саранчи, которая пришла губить землю" по Апокалипсису, я на миг представляю миллиардную сумму всех этих лихорадочных

мыслей, формирующих сегодняшнюю ноосферу, их воздействие на природу и людей, и конечно же, от этого настроение мое не улучшается, но я опираюсь на то, что не меняется, и поэтому поездки в метро сопровождаются для меня медитацией на то, чему нет начала, не конца, и где нет времени. Тогда все немного оживает.

Я ездил недавно во Владимир, общался с местными пишущими ребятами, еще прочитал несколько лекций на сайте Теоэстетика: <...>, но это так, на всякий случай. Если будет время, гляньте, а не будет, ничего страшного.

Как Вы поживаете, что в работе, какие планы? Я заканчиваю прозу, историю одного почти юноши, пришедшего с войны и пытающегося наладить мирную жизнь в курортном городе 1954 года. Он материалист и журналист, но Бог стучится к нему, гонится за ним, как по Вашему выражению, Артемида за ланью, за жизнью. В основе мои детские воспоминания об отце и его некоторые рассказы. Надеюсь в начале осени ее закончить и отредактировать, и где-то издать.

Здоровья Вам и непрекращающегося творческого импульса!

Ваш АТ.

Н. Б.

22 декабря 2021

<...> Очень важно, но неподъемно для современного человека. Хотя (отчасти) как раз об этом шла речь в нашем с Вами диалоге во "Флагах"; помните, я "агитировал" молодых поэтов поднять восстание против тотальной виртуализации поэтического дискурса, против интеллектуалистического смога, плотной стеной окутавшего "я *есмь*" (с ударением на втором слове) и заслонившего реальность. Ради ясности я доводил мысль до крайности (но не до абсурда, хотя у читателей был соблазн так считать): призывал вернуться к "онтологической совести", то есть, скажем, если ты никогда в жизни не был в поле и не держал в руке пшеничный колос, не имел с ним безмолвного диалога, то у тебя нет права ставить это слово в стихи. Зачем надувать мыльные пузыри из чужого, из прочитанного знания, делая вид, что богатый словарь – признак духовного опыта?.. Об этой "прямой" и "осязаемой" религиозности, о её возрождении Симона Вейль, как мне кажется, и вела речь. Слово "Бог" ведь тоже утонуло в этой виртуально-символической свистопляске и потому оно всего лишь мертвый ярлык. Ну а далее: словесное щегольство, упоенье речевым богатством и интеллектуально-игровым остроумием. Это всё тот же смог, производимый безсчётием талантливых эгосамостей. Реальность ведь захватывается на пограничье: когда острое чувство "я" уже покидает творца. (Или еще не захватило). Симона именно это искусство, крайне редкое, считала истинным. Но острое чувство "я" как раз связано с талантом. Вот почему она была против засилья талантливых (почти то же самое, что я называл прежде эстетическим террором). Но это уже другой разговор.

Андрей Тавров

2 января 2022 г.

Дорогой Николай Федорович, поздравляю с Новым годом!

Ваша последняя публикация в "Плаваем мосте" произвела на меня большое впечатление, казалось, что автор взял и сформулировал все те темы и идеи, которые носились у меня в голове последнее время, и сделал это безупречно в смысле постановки вопроса и ответа на него почти афористическими периодами речи, и как же я за это ему благодарен!

Ощущение чистого и освежающего дождя, который пролился над мутным и сбивающим оптику со всех настроек "смогом". Такие зажженные огни не гаснут. Вот и пусть горят и светят, хотя бы не охмеленному атакой деструкции меньшинству, и дай Вам Бог сил и радости творчества в Новом году.

Не знаю, каков он будет, видимо не простым для меня – впереди операция, но надеюсь, что все пройдет успешно.

Прекрасный снег и снегопад за окном, в парке чистый покров и чирикают воробьи. Уходят друзья, но во всем этом есть ощущение надвигающейся радости, идущей ниоткуда.

Ваш АТ.

Н. Б.

12 марта 2022 г.

Здоровья и еще раз здоровья, внимательно созерцаемый мною и высоко ценимый Андрей Михайлович! Я три дня как выписан из ковидной красной зоны, где провел месяц (без двух дней), балансируя на хрупкой грани, и вот пытаюсь и надеюсь выплыть в живой фарватер. Как говорили наши предки, с Богом возможно всё... Хотел пожелать Вам тонких настроек, но у Вас никогда нет в них недостатка...) Ваш НБ.

Андрей Тавров

12 марта 2022 г.

Дорогой Николай Федорович! Спасибо за поздравление и память. Жизнь чего-то договаривает нам таким болезненным и травматичным способом. Я надеюсь, что мой внутренний переводчик донесет до меня текст того, что мне надлежит постигнуть по поводу второй операции, имевшей место два месяца назад и предстоящих утомительных процедур. Надеюсь, этот диалог окажется продуктивен и в Вашем случае, то есть даже не сомневаюсь, хотя, в случае моем, материальная наглядность телесной ущемленности и брэнности долгое время преследовала меня как тупой факт без всяких духовных интерпретаций, такая голая фигура без ауры и одежды, что было сильным испытанием в психологическом плане.

Я невероятно рад, что самое трудное Вы миновали и теперь выздоравливаете уже уверенно. С Богом, действительно, возможно все, и еще я счастлив, что у меня есть такой собеседник, как Вы! Здоровья и нового полета над обусловленностями!

Ваш Андрей.

24 апреля 2022 г.

Дорогой Николай Федорович!

У меня вышел роман о человеке, который атакуем Божьим присутствием, но почти этого не понимает. В принципе, это роман об отце и маме. Вы уж извините, не могу, к сожалению, найти Ваш почтовый адрес из-за всех пертурбаций этого года, Вы уж пришлите еще разок, хочу Вам послать. Надеюсь, у Вас все хорошо, и жду Ваших новых книг.

Ваш Андрей Тавров.

Н. Б.

14 января 2023

Добрый день, дорогой Андрей Михайлович! Ваше присутствие в особом пространстве столь явственно, Ваша энергия неудержима. Хочу поздравить Вас с вечно новым Рождеством и вечно новым Годом! Не могу не пожелать длительной свежести, столь Вам свойственной. О, сколь я многословен. Умолкаю. НБ.

Андрей Тавров

15 января 2023

Дорогой Николай Федорович! С Зимними праздниками Вас! Спасибо за добрые слова! Ваше присутствие в моей жизни – великолепный дар, за который благодарен Богу. Не выходили ли у Вас новые книги, которые жду с нетерпением? Я сейчас подступаю к новой работе, надеюсь на удачу. Ее же желаю и Вам, радуясь чистоте, в которой Вы пребываете. Ваш АТ.

[А в марте 2023 года до меня дошло даже не письмо Андрея Михайловича, а целый трактат: поэтически пронизательное размышление о природе слова, можно сказать резюме ответа на мою книгу "Изгнание в язык", где я исследую интуицию о том, что праязык, язык "эдемский" был не словесно-понятийный, а "трансцендентный", наподобие той "трансцендентальной речи", о которой свидетельствовали индийские риши, а в двадцатом веке Шри Рамана Махарши. К этой теме мы с А.М. не раз возвращались, ибо она была и остается корневой. Текст он назвал: "Вальтер Беньямин и апостол Павел – встреча в пространстве дословесного языка (конспект ненаписанной статьи)". И хотя формально текст не помечен как письмо именно мне, я его таковым считаю, поскольку он словно бы полемизирует (в высшей степени тонко и глубоко) с моим заглавным эссе].

Андрей Тавров

Март 2023

В. Беньямин в статье о задачах переводчика говорит о том, что чистый (единый для понимания всех национальностей) язык находится между строк сакральных текстов. Т. е. в этой белизне, заключенной между строк, выполненных на любом языке, и находится тот самый язык, который для всех понятен. Это язык, имеющий контекстом (по Беньямину) зону сакрального, присутствие на территории священного, берущей свое происхождение от неизъяснимого и не могущего быть подвластным какой-то формуле. Такие слова не могут быть очерчены четко, в отличие от слов существующих языков и их графем – они словно бы эхообразны, они присутствуют, отсутствуя, они словно переливаются. Словом, они куда ближе к тому, что принято обозначать словом "логос", чем к тяготеющему к терминологизму "вербуму".

Более того, это подход к идее о том, что язык может быть несловесным или словесным по-другому. И на первый взгляд, нет тут ничего нового – все мы помним идиомы: книга жизни, книга природы, речь родника и т.д., но разница все же есть. Речь возникает не в самом роднике или природе – и родник и природа лишь посредники между изрекающим и слышащим это изречение человеком. Т.е. некий глагол, или логос (λογος), или слово – ρήμα тут все же присутствуют в виде трансформации жесткого предмета (родника и его шума) в некий язык, некие отрезки (почти словесные) информации.

Т.е. это не язык пластики, а язык некоторых слов, которые не столь явны, как те жесткие слова, к которым мы привыкли. Это и слова в нашем понимании и, одновременно, не слова, потому что они существуют там, где их нет – между строк святыни, священного текста, где на первый взгляд лишь одна белизна. И все же напряжение сакрального повествования заставляет эту белизну тоже что-то произносить. Причем произносить то, что невозможно выговорить на обычном "жестком" языке. То, что может быть уловлено не линейным слухом и взглядом, а словно бы взглядом и зрением боковым, иконным, интуитивным, постижимым лишь обратной перспективой, раскрепощенным, слышимым не прицельным слухом. Скорее ухом детским, незапрограммированным на жесткую речь, открытым к необычному, ему еще неизвестному.

Такая открытость способна к восприятию некоторого небесного языка, который при всей своей трансцендентности состоит все же из некоторой речи и некоторых слов-глаголов или чего-то схожего с ними, соотносимого с ними, но находящегося в области более тонкой и подвижной, а точнее, является тем, из чего все языки произошли. О такой "небесной речи" говорит в своем послании к коринфянам апостол Павел: «...он был восхищен в рай и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать».

Речь здесь идет о некотором ангельском или райской языке – недостижимом идеале многих поэтов, включая Андрея Белого, Велимира Хлебникова и отчасти Осипа Мандельштама, к которому они замороженно стремились всю жизнь. Ну и каким-то краем, конечно же, эта замороженность небесным имела отношение к Малларме и Верлену. В этом отрывке Павел употребил греческое слово $\rho\eta\mu\alpha$, рема – глагол, слово, изречение. Симеон Новый Богослов в своей трактовке этого фрагмента из Послания объясняет, как надо понимать это слово, ведь в Раю, или на третьем небе, душа не может говорить жесткими словами и слышать жестким слухом. Кратко говоря, комментатор сводит данную коммуникацию меж человеком и небесным языком, звучащим навстречу ему посредством « $\rho\eta\mu\alpha$ », слова, от ангелов и небесных существ – к откровению, к осиянию, к прикосновению Духа Святого.

И все же, как бы ни толковать этот отрывок, несомненно, что речь идет о языке, состоящем из непривычных нам "слов", которые не могут быть поняты на нашем слишком конкретном и фиксированном (я бы сказал, предопределенном, обусловленном) уровне понимания, а требуют для этого себе места в межсловесной пустоте, в пространстве интерстрочном, причем, по Беньямину, принадлежащем сакральному тексту. Мне кажется, что именно тут расположен ключ к пониманию мира и словесного ряда, например, Андрея Белого. Все его слова, все его высказывания (особенно во второй половине творчества) сдвинуты, не являются жесткими словарными и лексическими единицами. Они сдвинуты потоком ритма, в котором пребывают, потоком поэтического метра, мелодии, которой автор придавал огромное значение, пытаясь создать новое направление – мелодизм – для чего? Да для того, чтобы слова утрачивали и дальше свою жесткость, и дальше мигали нам как светлячок в южной ночи, местоположение которого определить невозможно и локус следующей вспышки предсказать нереально. Чтобы они располагались в некотором "световом ветре", снимающем их тяжесть, несомненность, дебелисть. То же самое происходит и с предметами, которые ведь тоже являются "словами" (рема – еще и вещь) – все они не жесткие, не окончательные, не слишком вещные, акмеистические, а словно пульсирующие, дающие возможность интуиции не

задерживаться на их агрессивной данности, угрюмой и законодательной вещности и несомненности, а проникнуть в тот их смысл, который японцы называют "сердцем вещи". И это не технический прием выдающегося символиста и "мечтателя", а стремление хоть как-то передать впечатление или даже саму речь "небесного языка", который, скорее, вспышка, чем слово, скорее бегущий умный свет, пробивающийся сквозь полузакрытые веки, скорее вневременное воспоминание, чем впечатление.

Все это я пишу для того, чтобы объяснить положение, которое можно было бы выразить следующим образом: "дословесная речь остается речью словесной". Просто это не те слова, к которым мы привыкли. Это те слова, которые ускользают от "человека дебелого", те, которые завораживают и приковывают к себе слух самых утонченных и глубоких поэтов, стремящихся найти слог небесного языка или хотя бы попытаться приспособить возможности языка послевавилонского для выражения "языка чистого" по Беньямину или "языка райского" по апостолу Павлу.

[В одной из своих эпистол поэту я как-то написал, что "слово, конечно, драгоценность, словно подарок нам свыше в нашей слабости". Здесь главная для меня вторая часть фразы, а именно: в слабости нашей... Ибо что-то же нам должны были дать, когда мы потеряли способность непосредственно-интуитивно-магического общения с себе подобными, а также с вещами, существами и сутями. Магического, то есть непосредственно-любовного, любящего. Один из греческих философов 6 века до н.э., кажется Анаксимандр, сказал: "Я открою вам жуткую тайну: язык есть наказание. Все вещи должны войти в язык, а затем выйти из него словами в соответствии с отмеренной им виной". То есть вещи, данные нам когда-то непосредственно-целостно, "от сердца к сердцу", были вдруг отлучены от нас посредством языка в качестве наказания нам за некий грех, а возможно и тяжкое Преступление. Вещи скрылись от нас, как от прокаженных или как от потерявших цело-мудрие, скрылись в языке, выйдя назад абстракциями слов, обремененные каждая той или иной степенью виноватости. И вот мы вынуждены пробиваться сквозь слово к вещам, к бытию. Вот почему молчание глубиннее и божественнее говорения.

Да, каждый из нас в той или иной степени чувствует словесный ущерб современного миропорядка и тоскует (осознано или нет) по иному, "чистому" языку, по ангельской речи нас самих. Поэт ощущает эту ностальгию, конечно же, с особой силой, так что миссией поэта становится запись "небесного диктанта", как называл это Рильке. Не он один именовал поэта "секретарем Несказанного". Но здесь возникает вопрос: каков реальный путь к слышанию этой речи? Техническая ли это проблема, проблема словесного таланта или глубинного человеческого вызревания?..]

13 сентября 2023 (за восемь дней до последнего вздоха) А.М. выставил на своей страничке в интернете одну из последних своих спонтанных медитаций, она чудесна словно сама чистота его Прощания:

«Сколько же в нашем мире тихих ослепительных исчезновений! Чистых уходов в отсутствие. Крик птицы. Отшумевшее дерево. Прошедший трамвай. Произнесенные и отзвучавшие слова таксиста. Улыбка. Цвет Чистых прудов под тучей. Смерть человека. Уход поезда. Невозможно перечислить все. И каждое исчезновение рождает бесшумную ноту своего неприсутствия. Каждая вещь уходит на своей единственной ноте. Их миллионы, миллиарды таких "звуков". Мир окутан ими как аура. Иссяканий, угасаний

больше чем вещей. Вещь может исчезать от нас по несколько раз на дню. Но мы не замечаем чистых исчезновений – мы думаем о самих вещах, а не о бесконечной тишине их отсутствия. Тем не менее с нами говорит само отсутствие. Сами исчезновения, ясные и тихие вспышки бессловесных послесловий. Они говорят вне назидания, вне ностальгии, вне слов. О чем же они нам говорят, складывая свою мировую симфонию?»

Это было последнее пожатие его руки, ибо последнее его письмо ко мне датировано двенадцатым сентября. Прочитав это последнее его стихотворение в прозе, я мысленно произнес: "Спасибо, Андрей! Ты уже в объятьях следующего божества, нежно взявшего твое трансцендентное тело вечными Ладонями, увиденными некогда еще грёзой Чюрлёниса".

ТРЕТИЙ ПУТЬ АНДРЕЯ ТАВРОВА

И вот во мне звучат итоговые два голоса: два способа видения феномена Таврова (уже не частного человека), две картины, два объяснения его словно бы спонтанной противоречивости, неотвратимой склонности к парадоксу и к "хулиганским" заявлениям, за которыми работа опыта и глубинной интуиции. Полемика Зинаиды Миркиной с главными тезисами его книги "Нулевая строфа" и его непреклонный ей ответ (притом, что он сам же не раз в своих манифестах называл её имя в числе семи "лидеров духа") так и остались таинственной главой в жизни поэта. И вот я пытаюсь дать развернутый свободный ход обоим голосам, живущим во мне. Надо освободить путь, дать сознанию простор для течения, не загроможденного пугливыми табу и соображениями придуманных "корректностей"; надо дать каждому голосу прозвучать, исчерпав полноту своего внимания к феномену этой загадки.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС

Стихи должны быть свидетельствами, а не сочинениями.

Было время я никак не мог понять, почему столь душевно чуткий, столь этически утонченный и даже несомненно даровитый в пространстве мистических ощущений человек как Тавров спокойно рассматривает порознь *человеческую* ипостась поэта и его *"поэтическую работу"*, почему он разрешает поэту быть каким угодно "нарушителем общественного спокойствия": вором, отвязным нигилистом, хамом, богоборцем, гиперэгоистом, корыстным лакеем власть предержащих и т.д. Разве это не есть позиция реального эстетства?

Почему нарочито кощунственные стихи Маяковского, призывающие распластать Бога "ножичком" он приводит в качестве примера образцово духовного стихотворения? Разве за этим стихотворением не стоят сонмы взорванных православных храмов и расстрелянных священников вместе с женами и детьми? И сонмы уничтоженных или загнанных в таёжные землянки верующих крестьян? Какая такая "смелость" нужна была Маяковскому, чтобы писать столь шкурно выгодные для него стишата? Или как мог тонко лиричный поэт Тавров назвать свой роман "о лучших людях России" именем американского замечательного музыканта, но в человеческом плане типичного жлоба –

"Клуб Элвиса Пресли"? Танцор рок-н-ролла в роли богоносца, духу которого молится русская (избранная поэтом) компания, отыскивая "его дух" в лесах и горах, домогаясь встречи чуть ли не как причастия, чуть ли не как Спасения. Молится нарциссу, призывавшему американского президента забросать Вьетнам атомными бомбами, писавшему доносы на Леннона, наркоману, засыпавшему с двумя револьверами под подушкой. Как понять само это выведение *артиста* в пространство "сакральной неприкосновенности". Что кроется за этим прямым обожествлением артистического дела?

И ведь сказать, что, мол, Пресли в романе Таврова, конечно, никакой не Пресли, а мифический однофамилец, вовсе нельзя. Это романтизированный американский полубог, о возможности даже легкого соприкосновения с которым "русские парни" в романе мечтают словно о встрече с Христом. Читать эти кощунственные страницы невозможно без содрогания. «Элвис в ту ночь ходил возле лагеря в белом как луна серебряном костюме и видел всё... И Элвис думал, что как хорошо, что он принес сюда с собой родные ему ощущения и запахи – например, запах дорогих сигар и знойных калифорнийских улиц, где по ночам прямо на тротуарах горят жаровни и продают жареные каштаны, а еще запахи кожаных кресел...» И т.д., и т.д. Да полноте, неужели именно это предел мечтаний наших образованных маргиналов, тех почти идеальных наших современников, которых попытался изобразить романист?

Я ставлю вопрос примитивно. С одной стороны несомненно, что Андрей Тавров человек чутких этических корреляций, порой тончайших. Но столь же несомненно в своем восприятии поэтов и поэзии он "одним прыжком" преодолевает эти этические барьеры: как условно-эмпирические, так и затрагивающие сущностные смыслы поэтического действия. Выходит, это и есть для него реальный прыжок-трансцензус? На современном языке ответ звучит так: «Поэзия Таврова изначальна. Она сама собой отвечает на вопрос, как совместимо мифологическое сознание со сложным и тщательно осознанным культурным опытом XX–XXI века. Мифологическое сознание глубже любого культурного опыта и ему, строго говоря, ничто не противоречит: оно способно вращать в себя всё» (Ольга Балла).

Ну, коли поэзия Таврова обладает архаически-*изначальным* статусом, то есть неотвратимо сакральна, то остается только снять шляпу и не задавать вопросов. А если поэт обладает еще и мифологическим сознанием, настолько креативно-бездонным, что оно позволяет "вращать в себя всё", то тут мы просто умолкаем перед явлением чуда. И все наши вопросы и недоумения по поводу сверхнасыщенности стихов Таврова культурологической семантикой и символикой, превращающей порой его поэмы в новый жанр поэтической эссеистики, должны казаться либо кощунством, либо признанием в своей читательской импотенции.

Однако именно в силу вот этой легкости с помощью двух-трех "взрослых" фраз будто бы объяснить сложнейший феномен, нам надо держаться простоты и упрямо задавать "детские вопросы".

Разве не существует *душевного* распутства? И соответственно художественного? Раз уж мы говорим о "духовной поэзии". Но что же тогда "дух" и где он пребывает? В ритмах рок-н-ролла, в шикарно-размашистых, опьяняюще-звучных строчках-ритмах нигилизма-без-берегов? А не в глубинах ли соития, как считал наш Розанов?..

Поэтическое объяснение мира невозможно без религиозного. И наоборот. Вот здесь и стык истинной художественности и одухотворенности, знак истинной, а не продажной эстетики. Но что есть её знак? И существует ли он?

Духовная поэзия передает токи, эманации и образы духовной красоты. Какую духовную красоту могут передавать демонические интонации и ритмы Маяковского и Пресли? Разве суть их поэтики – не красота той негативной свободы, что переходит в разнузданность, обслуживающую сладострастие эго?

Поэт улавливает токи несказанного, невысказанного, непостижимого, т.е. "истинно сущего", зачем ему швырять в Бога кирпичи или распарывать Его "ножичком"?

В чьих глазах поэт должен быть преступником? В глазах дхармы, в глазах того Большого Сердца, "чей пульс мы слышим в далях каждой вещи"? Или перед социальными демонами, нобелевскими и иными комитетами?

Зачем вообще привлекать к себе внимание толпы? С какой целью? Этак мы назовем духовным поэтом Герострата или прыщавого Богрова, застрелившего Столыпина в оперном театре. Что общего между Геростратом и Гоголем, сжегшим свой второй том?

Одно время я подозревал Андрея в том типовом "неповзрослении", которому причастен был еще Пушкин ("пока не требует поэта к священной жертве Аполлон..."): жить доходами с природного таланта, занимаясь "тайнами ремесла", но ничего сверх этого не привнося в житницу "творчества жизни". Но и здесь я замечал двойственность: сам АМ несомненно разделял убежденность йенцев, что истинное поэтическое творчество происходит внутри поэта, так что настоящий поэт не станет писать новый роман, если он существенным образом внутренне не изменился. Духовное искательство, само это внутреннее беспокойство внутренне присуще Таврову, чему свидетельством хотя бы книга об о. Мене как приношение на алтарь дружбы с ним. Но одновременно он с огромным доверием читал стихи людей самых "забудыжных", коих внезапно посещало вдохновение. Его волновал сам знак касания вдохновения, независимо от содержательной стороны произведений.

Дело не в разных типах поэзии, а в том, что есть движение *в* литературу и *в* искусство (и самоутверждение в ней и в нем и притом даже с пафосом) и есть совсем иной процесс: движение *из* литературы и искусства, выход из этого отуманивающего плена, есть отчаянное предприятие *преодоления* литературы (и литературности) и искусства (художественности как накатанной методики воздействия, реализации темного желания произвести впечатление). Гоголь преодолел литературу, равно и Лев Толстой, затем своеобразным способом Розанов, на Западе – Рильке, а в нашей поэзии – и Александр Добролюбов, и, отчасти, Хлебников, и Арсений Тарковский. Его сын преодолел кинематографичность как коммерческий и пропагандистский проект, выйдя на способ индивидуальной трансформации сознания.

Андрей Тавров шел сразу двумя путями: путем поэзии как "высокого ремесла" и путем духовного искательства, и временами ему казалось, что эти пути сливаются и

творчески дополняют друг друга. Но иногда он с тяжелой тоской чувствовал, что они параллельны.

Но ныне всё стало серьёзней: есть ощущение, что сама по себе художественность умерла и уже является фальсификатом. Это касается всех искусств. Она уничтожена не только техникой (фотография, интернет и т.д.), но общим всенарастающим цинизмом. Искусство требует взаимообразной наивности, той доверчивости и искренности, в которой только и может совершаться серьезная игра. Эти условия сегодня исчезли.

Сегодня искусство – забава, шутовство или коммерция, что бы мы ни взяли: поэзию, музыку или кино. Да и сам "потребитель" стал либо рабом смартфонов и бесконечных словесных потоков, либо шутком гороховым. Вот почему я выступил с "наивным" манифестом в молодежном журнале "Флаги", предложившим как-то нам с Андреем подискутировать на тему *понятности и непонятности* поэтических текстов.

Суть манифеста: решительно отказаться от нынешней мании *максимализма потребления* и запретить себе пользоваться словами, предметную суть которых ты никогда не ощущал органами чувств, но лишь насильнически захажывал мозговыми цифровыми клетками. Вернуться в лоно смиренного признания, что твой личный житейский, эмоциональный опыт и опыт живых переживаний мал и не может быть большим, а тем более безразмерным, как внушает тебе вся чудовищная пропагандистская виртуально-цифровая машина.

Сегодня максимализм потребления возведен в философию. Вот почему именно поэт должен повернуться к минимализму.

Конечно же, в поэзии Таврова есть немалый импульс, идущий из "тоски по Богу", иное дело та для меня странность, что он эту тоску утоляет посредством прыжков в культуру, в некие как ему кажется сакральные её пласты.

Зачем Бодхидхарма девять лет сидел в пещере лицом к стене? Интересный вопрос. А для того, предполагаю, чтобы успокоить своё сознание, а затем пласт за пластом, уровень за уровнем пройти к его основанию, ощутить фундамент и основу, на которой наше сознание держится... Чтобы не декларативно-теоретически, не с помощью "культурного знания", не благодаря начитанности, а наощупь и на нюх достичь дна и убедиться, что сознание наше... пустотно. Вот тогда тавровская мантра "Возведи алтарь ни на чем!" будет уже не нужна. Ибо нет алтарей. А есть опыт неназываемого.

Исключительное обилие "сакральных" имен и мифологем в стихах и в поэмах АМ, частый разговор "сквозь рупоры" Киркегора, Блейка, Данте, Ахашвероша, Ахилла (etc.) и иная интеллектуалистика порой напрочь заслоняют собственно ткань душевных переживаний поэта, которого мы уже не в состоянии разглядеть за плотными и обильными одеждами "культурного контекста". Нам приходится наблюдать за громадным полотном, сотканным из символов и имен, часть которых несомненно не вызывает у меня, читателя, ничего кроме равнодушия или даже отторжения. (Ведь я не обязан разделять бескрайних культурных и мифологических симпатий автора). В этом смысле культурологическая поэзия занимается пропагандой, задумывается она об этом или нет.

Но благо в том, что мы с А.М. одинаково чувствовали священство Дома. Как мало кто он ощущал нашу общую беспочвенность, удаленность от центра, нашу почти невероятную заброшенность, духовную провинциальность и одновременно не мог нащупать прочной приватно-потаённой дороги или тропы посреди всеобщей топи и болота. И вот отсюда – эта ухватка за твердую почву то тут, то там: культур-странствие становится способом движения, методом прыжков с одной "опорной кочки" на другую, от одного очажка духа до другого.

ВТОРОЙ ГОЛОС

Но разве так уж враждебны позиции Таврова и Миркиной? Её шокировало толкование Тавровым не только "Троицы" Рублева, но иконы как таковой, самой сути иконности: «...Но как можно назвать сакральным актом строчку Маяковского "Сердце рвется к выстрелу" или есенинскую "До свиданья, друг мой, до свиданья". (Эти строки, по мнению АМ, являются иконой)...»

Икона, по Таврову, ставит нас перед лицом предела, ставит нас на грань между мирами, она подводит нас к последнему вопросу, похожему на "быть или не быть", ведь и Рильке он ценил прежде всего за его неустанный поиск "реальности посреди реального". Поэтому и в Рублеве он видел этот решающий экзистенциальный резонанс: трое ангелов склонились в танце поклона вокруг мировой пустоты-чистоты. Невидимый энергетический центр иконы – пространство *между* ангелами.

Сама Миркина в качестве христианского мистика толкует икону Рублева традиционно-здорово: «В трех ангелах Рублёва есть эта точка вечности. И она не между ними, а внутри каждого из них... Царствие Божие находится внутри нас...»

Здесь поэтесса отчасти противоречит сама себе: как же царство, которое внутри ангелов, может быть видимым в изобразительном ряду? Это царство именно-таки невидимо (ибо встает внутри нас могучим вопросом), на что и пытается указать Тавров.

А. М.: «Начиная с Гоголя, уничтожение текста на физическом уровне становится формой творчества. Почему? Да потому что, как уже было сказано, это попытка превратить произведение искусства в сакральный живой предмет – в икону, в сад камней. Это интуитивное нащупывание отсутствия "множеств" и приведение его к тому месту живой пустоты, где множеств больше нет». Речь здесь идет об иллюзорности всех феноменов, о том, что только невидимое и неслышимое является *подлинно* существующим. Таким образом, истинная икона умудряется дать нам увидеть невидимое и услышать неслышимое (или хотя бы подвигнуть нас к такому намереванию).

«Поэт, который хочет "распороть Бога до Аляски", не имеет представления о том, что Бог находится в его собственной последней глубине. А преодолеть расстояние от своего "я" до своей же глубины глубин значительно труднее, чем проделать путь от Москвы до Аляски. Распороть Бога, раскроить небо — эта громогласная задача подменяет единственно нужную: раскрыть до дна, а вернее до бездонности свою Душу. Разговор Маяковского с Богом — никакой не разговор, не диалог. Это – монолог Маяковского. Он кричит, совершенно не слыша Бога...» (З.Миркина).

Отвергая кандидатов на статус "духовных поэтов", предложенных Тавровым (Вийона, Верлена, Рембо, Маяковского), допуская из этого списка только Мандельштама, Миркина называет своих кандидатов: Рильке, Тагора, Александра Солодовникова, Даниила

Андреева. «Настоящая духовная поэзия – это богослужение, радостное, ликующее, славящее Творца...»

Миркина вовсе не пытается переубедить Таврова, ее задача этическая: «Почему мне было так необходимо написать это, преодолевая очень большую боль, почти нестерпимую? Потому что я не могу допустить, что понятия "духовная поэзия" и "икона" искажаются. Потому что это может запутать, сбить с толку многих».

Но на самом деле я вижу здесь два параллельных потока, две параллельных поэтики. Пытаться доказать, что одна из них истинная, другая ложная – по меньшей мере нелепо. Это как с восприятием самой поэзии, как с восприятием конкретного поэта или конкретного стихотворения (симфонии, сонаты, картины): нет двух одинаковых восприятий. В этом чудо свободы искусства. И в этом же его беда. В секулярном варианте оно зашло в тупики угождения эгоприхотям, обозначив негативную бесконечность эгопутей. Но только в этом варианте свободы оно, увы, и может существовать в нашем времени. Иначе оно перестает быть искусством, искусом, вновь и вновь возобновляемой проблемой для сознания и совести и превращается в религию. Тавров об этом и говорит: я не отрицаю великой миссии и власти поэтов-духовидцев в слове и в других жанрах, они мне нужны, я ими питаю свои недра, свои основы, но постоянно жить в этой разряженной атмосфере я не в состоянии. И потому я отдаюсь фарватеру моей искреннейшей индивидуальной жизненной медитации, какова она есть на данный мне жизненный срок. Я не могу фальшивить, как не мог фальшивить ни один поэт из мною названных, которых именно иррациональная сила искренности побуждала "бросить свой кирпич в Океан", то есть совершить поэтический поступок всем максимальным всплеском своей жизни, поставив на кон не только свою репутацию, но подчас саму свою жизнь (случай Мандельштама). (Ибо здесь ставится вопрос уже о бытии: о бытии идет речь в толковании Тавровым иконы и "духовного статуса" поэзии). И Блейк, и Маяковский, и Киркегор, и Новалис, и Тракль, и Пушкин ставили на кон всё, без оглядок и без расчетов, без взвешиваний, религиозно это или нет, богохульно или нет. В них действовала высшая искренность (от пяток до макушки), если хотите дао-искренность, если хотите дзэн-чаньская искренность, та, что вела и Иисуса, и Будду, и Чжуан-цзы; та, что позволила гениальному восточному мастеру Линь-цзи ((Риндзаю) сказать в проповеди внешне кощунственные слова: "встретишь патриарха – убей патриарха, встретишь будду – убей будду!": до такой степени надо быть свободным-в-духе. Разумеется, речь не шла о кровавой расправе с кем-то внешним тебе, речь шла, во-первых, о том, чтобы перестать делить всё вокруг на "обычное" и "священное", а во-вторых, прекратить искать патриарха и будду вовне себя, полагаясь на внешние шаблоны авторитетов и наконец-то обнаружить патриарха и будду внутри самого себя. Ведь, как говорил Уммон, постигать чань-дзэн означает любить то, что любит твоя *подлинная природа*. Вот почему подлинный поэт – стихийный чанец, даже если не слышал о *чань* ни словечка. И стихи здесь рождаются как прыжки: да, именно туда, в свою подлинную природу.

Так вот и мой путь не совпадает ни с путем Миркиной, ни с путем Таврова. У меня своя собственная интуиция чань. И разве вследствие этого я могу накладывать в качестве критерия полноту своей искренности на полноту искренности других путей? *Всё, что мы можем, это нежно касаться друг друга крылами*, как писал поэт Р. поэтессе Ц. Возможно, кто-то ошибётся в маршруте, кто-то разобьется, прыгнув не в ту сторону, но он

должен сам ощутить, куда он попал, а затем разобраться во всей одиссее своей жизни и своей судьбы.

Андрей Михайлович прекрасно знал обе эти точки зрения, обе парадигмы нашего представления о сущности поэзии: одна блистательно выражена Миркиной, другая – не менее блистательно Цветаевой ("Искусство при свете совести"). Ни одна его не удовлетворяла, и он искал третий путь: жить перед Богом, не отвергать его инструмента в виде совести и в то же время не зависеть ни от каких догматических "красных линий", оставаться свободным и дерзким подобно *духовному воину* в учении и практике толтека Хуана Матуса. Догматизм любого толка должен быть сметен с пути. Поэт, подобно всё тому же духовному воину, не должен привязываться ни к чему, в том числе к так называемым "священным" предметам, в том числе к священным предметам мысли и воображения. Нет ничего ни священного, ни не-священного. Из этого особого типа внимания к сущему рождается особого типа поэзия: вне всякой "обусловленности". Как говаривал великий Риндзай: "Не критикуй поэзии, пока не познал чань". Ключ к поэзии этого третьего пути – особая дерзость той свободы, за которую, как пишет Тавров, поэт готов заплатить жизнью. Чань находится за пределами морали. В этом суть. (И разве Бог пребывает не вне морали?) Но не за пределами дхармы, общением с которой и занимается поэт, формируя особые формы диалога.

Вот откуда вдохновенные мантры-манифесты в "Проекте Данте": "Установи алтарь ни на чем!" Вот откуда парадоксальное видение-чувствование энергополей "Троицы" Рублева, столь возмутившее Миркину: три ангела замыкают своими фигурами сакральный круг, чистая пустота которого (незаполненность образами и красками) как раз и излучает энергию того священства, которое не поддается никаким догматическим-смысловым и религиозно-идеологическим захватам. Что же в таком восприятии "незаконного" или кощунственного? В качестве поэта Тавров способен на акт ощущения Рублева своим собратом, свободным от *идеологических цепей* религиозности (*идеологической* религиозности как жанра, ведущего к войнам сознания), сковывающей ум и восприятие. Рублев по Таврову (так мне кажется) писал "Троицу" в том абсолютно раскрепощенном состоянии сознания, что близко к чаньскому, в состоянии той первобытно-естественной религиозности, что ритмически родственна нашему первому Дому. Соответственно и Тавров воспринял этот высший посыл как веянье не догматики, а духа; и потому ощутил духовный центр иконы не в запрограммированных догматическими смыслами фигурах (Отца, Сына и Святого духа), а в свободе веянья. Как писал Рильке, обращаясь к юному поэту: «Учись же забывать воспетости красот./ Это – течет. И в истине напева – иное веянье, иная власть: /то дует в нас Ничто с божественных высот».

В "Проекте Данте" поэт словно бы демонстрирует бесконечность абсолютных тайн, в которые мы погружены; тайн неисповедимых, с неисчерпаемыми объемами. Книга должна отрезвлять всех, кто жаждет легких решений и легких побед. И такое действие надо признать замечательным. А с другой стороны, Тавров расширяет свою поэтическую свободу до почти бескрайних семантических границ. Он действует при этом почти в традициях Гермеса Трисмегиста, исповедовавшего "трансцендентальное видение". Пример наугад: вторая часть стихотворения "Перводвигатель" из книги пятой:

Андрей Рублев пишет трех Ангелов в Троицком храме.

Не спрашивай ни о чем. Самурай приходит
в рошу, полную света и золотых листьев, и на вопрос:
Что искренней смерти? – ничего не отвечает.
Но всё вокруг, вместо него, говорит: – вот это!

По вечерам Андрей читает "Ксенос" – записки
монаха Зосимы о путешествии в Палестину.
Жираф воздуха обглаживает листья Луны, колышет звезды.
Лагуна полна огней, лодок,
ходят в небе, как звезды, черпают бортом свет, переговариваются.
Дети идут альпийским перевалом;
Левиафан кипятит пучину; сосны в Касси
наполнены ветром Рая. В Троицком храме эхо.
Сверчок поет. Летят алюминиевые самолеты
по небу базилевсов. По площади идут пионеры.
.....

В поэме "Плач по Блейку" ангелы сообщили У. Блейку о том, что "сегодня закончилось
Время". Здесь иное летоисчисление: не по часам исторического прогресса. В том
внутреннем измерении, в которое мы вошли, время остановилось, ибо душе некуда жить.
Стрелки часов идут холостым ходом. И миллионы слов говорятся втуне. Нищих людей с
младенцами давят не стесняясь. Людей непрерывно сортируют. Как можно здесь
любоваться часовым механизмом бесчисленных эстетик? И все же что делает Блейк?

И я иду в свою мастерскую, и пламя от плеч моих
достает до кораблей и птиц Небесного Иерусалима...

Это пламя плача, оно "не изменяет ни единой снежинки, ни к кому не взывает, зачиная
новые звезды". А что говорит Гермес Трисмегист? «И домом нашим вместо вот этого
вышнего космоса будет крошечный объем сердца». Но есть ли в нем язык для связи не
только с сущим, но и с бытием? «Душа есть сущность вечная, мыслящая, в качестве
предмета мысли имеющая собственный логос». Так вот оно как! У всего есть свой логос,
свое море тишины и безмолвного знания. И оно истинно прекрасно, поскольку не
продаваемо; им нельзя похвалиться. Это и есть целющая сущность исконного герметизма.
Соединяющая людей меж собой и человека со всеми существами и сутями – внутренне, а
не внешне. Вне подиумов, вне красноречивых мизансцен, а внутри "логоса сердца". И
разве индийцы испокон веков не знали, что Брахман пребывает именно в логосе (лотосе)
сердца.

Тавров постоянно имеет в виду некий невидимый план бытия, встающий *между*
строчками поэта и *за* его строчками. Это то, что так хорошо чувствовала, умея еще при
этом выразить в словах, Симона Вейль: «За этим миром скрывается реальность, вне
пространства и времени, вне умственной вселенной человека, вне какой-либо доступной
человеческому познанию сферы. Голос этой реальности звучит в самом сердце человека в
форме страстного стремления к абсолютному добру, стремления, которое живет вечно и

не может быть удовлетворено ни одним объектом этого мира. Эта реальность проявляется и в абсурдных парадоксах, и в неразрешимых противоречиях, которые всегда являются пределом человеческой мысли, когда она движется исключительно в этом мире...» Вот в чем причина неистребимой тяги глубокого человека к этим "пределам". Пока мы не поднимемся тем или иным способом в глубины Непознаваемого, мы не коснемся истины. Так Рильке приближался к ангелам, чувствуя, как их красота обдает его смертельным ужасом. Таково всякое переживание "пустотного" основания нашего сознания.

Это и есть *третий путь*, по которому шел и Андрей Рублев в том числе. Вот почему эта икона выходит за пределы религиозной идеологии. И вот почему Маяковский был для Таврова *чаньским бойцом*, не побоявшимся опрокинуть на пути к внутренней свободе этикетную вывеску Бога. Я думаю, в своем уме Тавров не идеализировал Маяковского, прекрасно видел противоречивость его деяний, все ужасы его метаний, недопустимую пошлость его воспеваний Ленина и сомнительных успехов в "переделывании" человека. Всё это так, однако некое иррациональное чутье с детства побуждало его ощущать в Маяковском истинного поэта, оказавшегося в своем "Эльсиноре", в ловушке и притом в смертельной. Это ощущение шло прежде всего из музыки стихов, из их *божественных* ритмов. Семантика стихов часто была ложной, но ритмы стихов были истинны. Именно посредством них осуществлялось стремление поэта к "последней искренности". Эту свою версию, точнее это своё понимание реальной природы воздействия поэзии Тавров подкрепляет ссылкой на Сергея Аверинцева, на его статью "Ритм как теодицея", где наш знаменитый культуролог трактует суть поэтической вещи как контрапункт формы и содержания, их диалога, а подчас и борьбы; так что порой смысл стихотворения говорит одно, а его ритм и музыка – совсем другое; и доверяться следует, так считает мэтр, ритму и музыке, ибо именно в них реализуется теодицея, то есть глубиннейшая искренность поэта-медиума. «Старые поэты – все больше грешники, но вящий грех и притом непроходимая глупость – пытаться словить их поэзию на слове, потому что в ней-то всегда есть не только слово, но и тайный, потому что метасловесный, музыкальный ответ на слово; кто имеет уши, пусть слышит этот ответ, а кто не имеет, пусть воздерживается от чтения стихов». Возможно, это сказано слишком резко, но Тавров рад поддержке.

Говоря о Вийоне, Рембо, Верлене, Ницше, Маяковском, Тавров писал: «Все они прятали в глубине изысканность, которую окружающие не видят, все они дружны с неповторимым *Всплеском*, встречей с богами...» Симптоматично, что Тавров называл эту тайную их "абсолютную свободу" *изысканностью*. Ибо по какому признаку мы ощущаем "духовную поэзию"? Не по религиозно-обрядовым терминам, конечно, и не по сюжетам из Ветхого завета или из Евангелия (так думать было бы крайне смешно, ибо мы просто свели бы её тем самым к уровню общественно-полезной морали, к чему, совершенно этого не желая, втайне склоняется логика размышлений Миркиной), но по ощущению перевеса духа над плотью, когда мы, читатели, "заражаемся" этим перевесом. Поэту тесно в трех измерениях, а в четвертом его взор и путь часто перегораживают "идеями", "нормами", "обязательностями", "абсолютами", то есть и там он обложен со всех сторон как волк кострами.

И там, где поэт, мудрец или мистик выходит в своей работе "поверх барьеров", его начинают шпынять с двух сторон сразу. Как было с гениальным поэтом В.В. Розановым. П.Струве: «Розанов не то что безнравственный писатель, он органически безнравственная и безбожная натура». Статья А.Пешехонова: «Бесстыжее светило, или Изобличенный

двурушник». К. Чуковский: «Вам всё – "всё равно": быть ли со Христом или против Христа, любить ли Его или ненавидеть...» То, что в семантическом плане писал Розанов об Иисусе будет еще почище угроз Маяковского. Однако вся суть глубочайшей религиозности нашего философа и нашего *Уединенного* – в музыке его речи, в тончайших, воистину иррациональных переходах, которые диктует абсолют душевной искренности.

В своем неукротимом движении Тавров сливает все знаки и буквы, им встреченные и, как он мне не раз говорил, *пережитые* им, а не просто взятые напрокат, сливает в одну свою глубоко личную Букву, которую он искал всю жизнь: так вырастает тот бесподобный поток его длинных стихов и поздних поэм, который одних отталкивал (таких было немало, как он сам признавал), а других искренне восхищал как новая форма свободы от догматики и даже от демонического хаоса информации. Поэт возводил порядок (свой, личностный) в этой непрекращающейся на нас атаке информационного велиара. Да, эта его небоязнь информационного цунами удивительна, но поэт осознанно выводил этот свой парадокс из сути и смысла *чань*, недаром его любимый древнекитайский иероглиф – *чэн* (искренность-правдивость-вера). Это позиция бойца, не уклоняющегося от встречного потока, понимающего, что "священное" и "профанное" это лишь знаки и символы, но в живой реальности дао-измерения нет ни того, ни другого, но есть целостность, адвайта.

Иными словами, система семантических связей в "Проекте Данте" – чаще всего абсурд. Монологи сумасшедшего, поэтического безумца, вырвавшегося в пространство молчания. Ибо звуковой поток с почти нулевым кпд узнаваемых синтагм – немота, речь ангела или то, что индийцы, возможно, толковали как *трансцендентальная речь*. Прорыв сквозь семантические матрицы. Куда? В нуль содержания? В ничто? В то Нигде, где алтарь?

Водрузи свой алтарь ни на чем! Такой один не предаст.
Ему принеси свою речь, свою кровь и губы,
двигающие сланцы, вторящие озерам.
Вот почему бессмертный Ангел кажется беспощадным,
а небо жестоким –
ястребиная метка, беспристрастная синь, в единстве с ней
вспыхивает заново то,
что движет огни и светила, ты состоишь – из него.

Это символ веры двух последних книг поэта. "Аннигиляционно-эсхатологический" момент, о котором я говорил прежде, в нем схвачен вполне. Он явно идет из дальневосточных интуиций. Вспоминается гатха шестого патриарха чань:

Просветленность Бодхи изначально лишена древа,
а светлое зеркало не имеет подставки.
Природа Будды неизменно светла и чиста.
Где же в ней взяться пыли мирской?

Более определенно высказался как-то на эту же тему Владимир Бибихин, сказавший о спонтанно-естественной, истинно-глубинной вере такое: «Исходная вера – труднее религиозной, которая даёт на что опереться: на священную книгу; на икону; на хлеб, который берут в руку и съедают, становясь если не по природе, то по благодати божественными. Мужество стоять без опоры религиозной вере не нужно. У спрашивающих, кто такие *мы*, нет другой опоры кроме надежности тайны». Сколь сурово и точно.

Вот почему, на мой взгляд, и водружать-то ничего не нужно. (Позволю себе толику полемики). Истинный алтарь не надо водружать, ибо он есть искони внутри тебя, поскольку все внешние храмы – отражения внутреннего вечного храма. Погоня за внешними знаками и эмблемами сакрального есть эстетическая игра, тем более становящаяся эстетической, чем мощнее аннигилирует поэт все семантические прочные связи между образами, двигаясь метафорическими "львиными" прыжками. Стихи держит только звук и тонкая музыка суггестивных тропинок ассоциаций. Да еще непрерывная тантрическая йога, сила влечения, реализуемая вербально в некоем экстазе, где улавливается неуловимое и ткется ткань ковра, узоры которого видны лишь с того места, где ты в прыжке. Да, поэт увлеченно коллекционирует дорогие его сердцу и памяти реалии земной Ойкумены и ее культуры, выстраивая их в новый, эзотерический ковер не-смыслов, где субъективное право поэта быть непонятым возведено поистине в абсолют. Но ведь и любая истинная философия непонятна, иногда очень-очень долго, а в качестве понятной она уже теряет свой цимес, свою взрывную силу.

Февраль 2024